

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ, ФИЛОЛОГИИ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ**

Часть I

Новосибирск, 2012 г.

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
А 43

Рецензент — к. фил. н. Бердникова Анна Геннадьевна
(г. Новосибирск).

А 43 «Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (18 января 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «ЭКОР-книга», 2012. — 158 с.

ISBN 978-5-8561-8251-3

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные проблемы искусствоведения, филологии и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-8561-8251-3

Оглавление

Секция 1. Культурология	7
1.1. Теория и история культуры	7
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБСКИХ УГРОВ Белошапка Геннадий Иванович	7
ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР Жиделева Ксения Андреевна Кириллова Наталья Борисовна	15
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» Мельникова Оксана Викторовна	20
ОБРЕТЕНИЕ КОНЦЕПОМ «СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА» КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ Судакова Ольга Николаевна	28
К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕАТРАЛЬНОСТИ Тазетдинова Руфина Ринатовна	33
РОК КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОЛОДЁЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ Явтушенко Юлия Олеговна	38
1.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	43
ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРАСНОЯРСКА В УСЛОВИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ Меркулова Мария Евгеньевна Меркулова Мария Михайловна	43
ЗНАЧЕНИЕ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДЕСТИНАЦИИ Отт Лариса Викторовна	47

<p>ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ Шейкина Елена Леонидовна Воротников Александр Михайлович</p>	52
Секция 2. Языкознание	57
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	57
<p>ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «НЕБО И НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ И.А.БУНИНА 1900—1910-х ГОДОВ Богданова Наталия Викторовна</p>	57
<p>МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СЛОВ С КОРНЕМ ДЛИН- Куптараева Светлана Игоревна</p>	61
<p>СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО АСПЕКТОВ ВЛАСТЕОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «ЦАРЬ-ДЕВИЦА» Румянцева Ольга Николаевна консультант А. М. Мелерович</p>	65
<p>КОНТАМИНАЦИЯ ПАРЕМИЙ: МОДЕЛИ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ Травина Лариса Евгеньевна</p>	73
<p>ПОСЛЕЛОГ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ Шарина Сардана Ивановна</p>	78
2.2. Германские языки	83
<p>ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА Козлова Анастасия Геннадиевна</p>	83

СЕМАНТИКА «ВОЗМОЖНОСТИ» В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА) Максимов Алексей Николаевич	88
ПОСТРОЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ СЛОВА С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА) Суворина Екатерина Владимировна	94
ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ... К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ В ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА «РЕЙНКЕ ЛИС» 1539-ГО ГОДА Цапаева Сабина Юрьевна	106
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СМИ-ДИСКУРСЕ) Шигапова Фариди Финсуровна	115
2.3. Романские языки	122
КОММУНИКАТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА ФРАНЦИИ XVII—XXI ВЕКОВ Бабич Галина Михайловна	122
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА Медоян Сусанна Багратовна	127
2.4. Теория языка	135
ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ НА ДЕЙСТВИЕ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ Парамонова Виктория Сергеевна	135
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИХ СХЕМ В СИСТЕМНОМ АСПЕКТЕ ОПИСАНИЯ Посиделова Виктория Викторовна	140

ГЛАГОЛЫ PLURALIA TANTUM КАК СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ Семёнова Галина Николаевна	144
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА Ухова Лариса Владимировна	149

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБСКИХ УГРОВ

Белошанка Геннадий Иванович

*канд. пед. наук, доцент Сургутского государственного
педагогического университета, г. Сургут
E-mail: gbeloshapka@yandex.ru*

Доклассовой стадии социального развития аборигенов Северо-Западной Сибири соответствовали формы их мировоззрения, их духовной культуры.

Основу религиозных представлений обских угров и составляла вера в духов, добрых и злых, которые населяли весь окружающий мир. С верой в добрых духов-покровителей людей было связано существование у народов Приобья в XVIII — первой половине XIX в. семейного и патронимийного культов, включавших и культ предков. Дух-покровитель семьи изображался в виде человека и ставился в переднем углу жилища, перед ним сооружался ящик, куда складывали подарки [6, с. 185—186]. «Божков» этих они «происшествие» полагали «от предков» [6, с. 41], но дух этот мог воплощаться и в образе палочки, сабли, ножа, коробки и т. п. [6, с. 40]. Помимо подарков, приносимых «домашнему богу», его наряжали в платье, каждый день кормили — «от кушанья помазывали его губы» [6, с. 41]. Кроме духа-заступника всей семьи каждый ее член мог иметь своего покровителя, а иногда даже двух-трех [7, с. 185—186].

В. Ф. Зуев пишет, что «болваны», сделанные аборигенами в «образ богов... славных ворожеев или богатых, или какими особливymi делами прославившихся», почитались целым «родом» [6, с. 40]. Это были уже изображения покровителей всей патронимии. Ханты Эсталинских юрт Березовского уезда имели «избу маленькую из досок

сделанную, и вокруг ее стоящих шесть деревянных шайтанов». Они били на этом патронимийном кладбище оленей, ели мясо, а остатки ставили на дворе тем же шайтанам» [1]. Еще в недавнее время имели такие патронимийные кладбища казымские ханты [11].

Обращались к покровителям семьи и рода за помощью в охоте, в рыбной ловле; они должны были охранять олени стада, печься о здоровье членов семьи или патронимии, о супружеском счастье и т. д. Когда потребуется, их ставили в шалашах на оленьем пастбище, на местных охотничьих и рыболовных промыслах. Если людям сопутствовала удача, «с великим благодарением» приносили они своим покровителям жертвы, подарки; если же промысел был неудачен, олени гибли, а люди болели и голодали, то накидывали на «болвана» веревку, бросали на землю, отбирали у него все платья, били палками, браня «всякою скверною бранью», причитая: «как мы молились, ты спал и не слышал, ты остарел, ленив стал, ты негоден быть богом, мы от твоей лености з голоду помираем, и так его бросят в яму, доколе им в ловле удастся, тогда помирятся, по-прежнему почитают» (из сообщения русского источника) [10]. Иногда заводили себе просто других покровителей [2, с. 90].

Существовал у обских угров и промысловый культ. Он выражался в почитании так называемых водяного и лесного «богов», т. е. покровителей рыболовства и охоты [10].

С промысловым культом был тесно связан культ дерева. В 1701 г. костяки» Сосьвинской волости Табадинских юрт писали в доношенная «В прошлом 760 году повыше осенних юрт на острове пронося мы... богу благодарность за удачной тогда лосиной промысел варили... мясо, а при том к дереву опоясок нитных до десяти и покромей да два толковы платка привязывали» [4, с. 10]. После удачной рыбной ловли ханты, манси «обертывали» священное дерево «любимы» неводом. Вонзали в него также стрелы, служившие удачнее других во время охоты. В дупла таких деревьев складывали лучшие из шкур, добываемых на охоте — в дар «богу» [3, с. 92—93]. Священными становились, в частности, такие деревья, на которых в течение нескольких лет вил свое гнездо орел [3, с. 107].

В религиозных представлениях народов Северного Приобья большое место занимал культ медведя [6, с. 42]. Почитали медведя на всей территории. Северные группы ненцев, по сообщению Н. А. Абрамова, оказывали «благоволение» к белому медведю, как «остяки к черному» [1]. Когда приходилось убивать медведя, ему приносили разные «извинения и выговорки», доказывали свою невиновность тем, что «железо, которым убит, не ковали, но стрелу

оперили, и не их, а чужих птиц перья» [2, с. 102]. Вероятно, у некоторых групп в образе медведя воплощался лесной «бог». В 1751 г. в Сосьвинской волости манси «объявили медвежьей голову, наложенную на стоячее дерево, пред коею на оном месте в жертву... той голове били оленей и мяса варив ели, а притом просили, чтоб... в лесах зверя к промыслу довольно было» [4, с. 10].

Почитались и другие животные: волк, лось, соболь и т. д., а также птицы: куропатка, гусь, орел, гагара, «тетеря» [6, с. 102]. Из них наибольшей популярностью пользовался волк. Медведь и волк имели, вероятно, на первых порах характер когнатных родовых тотемов, но в XVIII — первой половине XIX в. поклонение им уже не связывается с определенными родами. Разложение старых родов сопровождалось переращением культов в этнотерриториальные культы.

Кроме общих божеств у обских угров существовали и особенные боги. Ненцы, например, почитали покровителя морских промыслов Ялмала, стоявшего ниже водяного и лесного богов; у угров отмечены: Лонг — бог здоровья, Мейк — бог зла, Ялень — прислужник богов [8].

Уже в XVIII в. у северообских народов существует понятие о верховном боге. У обских угров им признавался Торым, изображений которого не делали и к которому не обращались с просьбами [8, с. 339—340]. Ненцы почитали бога Нума (в переводе и Торым, и Нум означают «небо») [13, с. 154]. Л. М. Золотарев считает этого верховного бога не более как мифологическим культовым героем, «сравнительно поздно начавшемся осмысливаться как бог» [5, с. 268]. С. А. Токарев полагает, что верховный бог у обских угров является, скорее всего, мифологическим олицетворением небесного свода [13, с. 154].

Видимо, понятие о высшем божестве возникло у хантов и манси под влиянием христианства не ранее XVIII в. от угров же передаюсь ненцам. Г. Новицкий, описывающий религиозные представления обских угров начала XVIII в., не упоминает о высшем боге. Зато источник 60-х годов этого столетия сообщает, что березовские «остяки и самоедь о всевышнем существе понятие имеют и единого бога всевышнею признавают и сказывают его быть в небе, который над всего тварию властвует, но никоего хваления, ни прозбы к нему приносят» [10, с. 203]. В. Зуев также указывал, что над всеми духами и богами аборигены «поставляют одного вышнего» [8, с. 113]. О позднем происхождении идеи верховного бога свидетельствует и то, что в погребальных обрядах у хантов и ненцев нет и следа представления об этом боге [10, с. 203].

Для рассматриваемых народов не было характерно вознесение своих духов на небо. Их религиозные представления носили более земной, более осязаемый характер. Не случайно аборигены не обращались за помощью к Торьму и Нуму. Они не привыкли к их существованию, не верили в их помощь.

Нуми-Торым, чуждый и страшный, подобно христианскому богу, всюду следит за человеком, от него не скрывается ни добро, ни зло, и он воздает каждому по заслугам. Он управляет судьбами мира и людей» «по неизменным законам справедливости. Он не принимает жертв, он смотрит только на внутренние достоинства людей и по ним распределяет свои блага, свои дары» [7, с. 185]. Он во всем отличен от других божеств. С ним не могут вступать в сношение шаманы [7, с. 185]. В то же время все прочие духи и боги доступны для профессиональных служителей языческого культа. О существовании у хантов, манси, ненцев и селькупов особых специалистов-шаманов упоминается во многих; документах и свидетельствах очевидцев [10, с. 204].

Краткий очерк религиозных представлений народов Северного Приобья в XVIII — первой половине XIX в. показывает справедливость слов наблюдателей, что даже крещенные ханты, манси, селькупы, ненцы были и в конце периода христианами «только по имени» [4].

Тем не менее, многочисленные факты свидетельствуют об изменении религиозных воззрений обских угров под влиянием христианской религии. Оно шло по линии приспособления язычества к христианству, с одной стороны, и христианства к язычеству — с другой. В результате произошло переплетение двух совершенно различных религий.

Любопытный пример тому содержится в документе 1811 г., посвященном случаю «идолопоклонства» сургутских лумпокольских хантов из сотни Ивана Туркова. Суть дела состояла в следующем. К лумпокольским хантам приехал из Сургута десятник Сергей Ратаев и заявил, что якобы сургутский комиссар Силин велел им, ясным, «делать приклады к богу, а то ежели не будут сего чинить, то сгорят небесным огнем». Правда, сам Сергей потом отказался от своих слов. По его показаниям, причиной «идолослужения» стало пророчество одной женщины из Тромьюганской волости, которая умерла, но ожила и «говорила, чтоб обвестить все волости, дабы делали по старому их остяцкому обыкновению привесы из имени к деревьям, а буде сего не сделают, то не будет счастья в звериных, рыбных и протчих промыслах». Судя по всему, ханты собрались на коллективное

«идолослужение» по двум причинам: 1) из-за боязни небесной кары — «зжения огнем» — со стороны христианского бога; 2) из-за желания умилостивить своего лесного «диавола», дабы он не лишил их удачи в промыслах.

Ханты собрались в лесу, возле одного из священных деревьев, сделали «приклады»: повесили на дерево оловянное блюдо, халат из китайки, два шелковых «плата» и несколько бумажных. Под деревом поставили котел. После того молились христианскому богу, «взирая кверху», кричали: «бог нас помилуй!» Одновременно просили у своего лесного «покровителя» хорошего промыслу» [4, с. 14-18]. В самом обряде «идолослужения» переплелись элементы язычества и христианства.

О нечто подобном сообщает Ф. Белявский. В одной из юрт у крещенных хантов (на севере Березовского уезда) он увидел в углу закоптелый образ и спросил, чье это изображение. Ханты, «поговоривши между собою, отвечали: «Кола, т. е. Святой Никола, Русский бог». «А ваш бог где?» — спросил Белявский. Ханты указали на ту же икону [3, с. 48—49]. О превращении икон в языческих «идолов» известно с XVIII в. В 1754 г., например, ханты Уватского заказа совершили надругательство над «святыми образами», так как в этом году промысел их был беден. Они топтали иконы ногами, подобно своим «болванам», упрекая их в том, что не ловится «зверь и рыба» [9, с. 69]. Таким образом, совершая языческие обряды, аборигены вкладывали в них иногда новое содержание, придавали им новую форму. Культ икон и святых своеобразно вплетался в дохристианские религиозные представления нижеобских аборигенов; зарождается особая форма религиозного синкретизма — «двоеверие».

О «разложении» язычества под влиянием новой религии и ее институтов говорит и постепенное забвение коренными жителями Приобья прежних языческих обрядов. Особенно это было характерно для южных групп хантов, находящихся в тесных контактах с русскими. «Иртышские остяки,— пишет М. А. Кастрен, — ...давно уже крещены и строго соблюдают все предписания греческой церкви. Христианское учение они, разумеется, почти совсем не понимают, но верят, безусловно, в истину его, большею частью совсем уж забыли свою прежнюю языческую религию. И сургутские остяки носят крест на шее, вешают образа на стену... По Нижней Оби Кондинские остяки находятся на одной степени образованности с иртышскими» [7, с. 265].

У северных хантов традиционные верования в большей степени сохраняют целостность своей структуры. Однако и здесь в дальнейшем христианство делает определенные успехи. Большую

популярность на Сибирском Севере получит культ (ставшего уже в первой половине XIX в. аборигенным «богом») Николая-чудотворца. «Его иконы,— пишет Н. М. Маторин,— можно найти у самоеда и остяка, его голову изображает рукоятка колотушки у шаманского бубна..., с его именем связан морской звероловный промысел (самоеды) и лесная охота («урманский старик») у остяков» [9, с. 351].

Самая возможность внедрения христианства в примитивные культы северообских народов обеспечивалась тем, что «между язычеством» и «христианством» невозможно провести «глубокой демаркационной линии» [12, с. 22—23], последнее примыкало к первобытным религиозным верованиям своей магико-анимистической стороной.

Непосредственность, конкретность, образность были присущи, но только религиозным представлениям народов, но и другим сторонам их общественного сознания: искусству, народным знаниям, нраву.

В. Ф. Зуев отмечал склонность хантов и манси к импровизации: «...когда один в тундре едет, то поет про степь или про воздух, или про погоду, или что ему вздумается, без всякого склада, только голосом куда хочет, поваживает...» [6, с. 58]. Свообразными были и лирические песни, образцы некоторых из них приводит в своих записях М. А. Кастрен: «Послушай меня, брат,— говорится в свадебной песне ненцев.— Дочь мою отдал я твоему сыну с тем, чтобы не брать назад. Смотри, уже жарится в дыму голова оленя и потому теперь не допускаются уже никакие перемены...» [7, с. 305]. Тоже исследователи отмечают существование у северообских народов в рассматриваемый период эпических повествований, космологических сказаний, исторических преданий.

Особое место занимали пляски. «Остяки не знают никаких игр, и все увеселение их состоит в пляске,... похожей на прыганье молодых оленей, жеребят, козлят и других животных», — сообщает Ф. М. Белявский [3, с. 78]. Плясками изображали «страсти», копировали «расположение лица, ухватки, походку и прочее какого-либо известного человека», «представляли все свои хитрости, при ловле зверей употребляемые» [14, с. 4].

Среди хантыйских плясок-пантомим В. Ф. Зуев видел и такие, где изображались некоторые русские обычаи. «Я здесь привожу только одну пляску, — пишет он, — касающуюся до русских баб, коих они пересмевают, как оне на реке рубашки полощут... только игра началась, плясок, тотчас взяв палку, кладет себе на плечо, будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, колотит другой палкой на место валька, выжимает, потом вдрут

останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке играют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ослушалась! Опять мыть начинает, потом вдругорядь услышавши, любитесь и тотчас тут же будто запляшет и так поскорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтобы поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом, и бежит туда скоро, и на дороге, будто по нетерпеливости, останавливается и попляшет и так далее; тем оканчивают» [6, с. 53—54]. Не задаваясь целью классификации плясок (охотничьи, сакральные и пр.), отметим, что уже в XVIII в. они несут на себе, как и песни, чисто эстетическую нагрузку, теряют непосредственно утилитарный характер.

В целом необходимо отметить, что духовная культура народов Северо-Западной Сибири в рассматриваемый период в гораздо большей степени, чем другие стороны их жизни, сохранила свое традиционное содержание. Сильная зависимость аборигенов от окружающей природы, сравнительная неразвитость производственной базы, низкий уровень социальной организации приводили к подчиненности человека воле коллектива, установленным им правилам, бытующей традиции.

Ни одна из форм общественного сознания хантов, манси, ненцев и селькупов не достигла уровня сложившейся системы. Традиция соблюдения определенных действий, а не исповедание системы идей составляла стержень анимистических религиозных верований аборигенов. Забвение обрядности приводило практически к забвению самой языческой религии. Искусству коренных жителей Приобья присуща непосредственность отражения бытия, характерная для ранней стадии развития сознания.

Русское влияние на культуру аборигенного населения было довольно значительным. В результате у отдельных групп складываются особые синкретические формы верований. Появляется в сознании народов представление об объединяющем верховном божестве в образе «неба» — Нума-Торыма. Искусство хантов и манси обогащается новыми темами, новыми образами. Расширяется круг понятий. Человеческое мышление все энергичнее освобождается от первобытного конформизма, приобретает черты, характерные для эпохи классового общества.

Список литературы:

1. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. ИРГО. — СПб., 1857. — Кн. 12. — С. 327 — 448.

2. Андреев А. И. Описание о жизни и упражнении обитающих в уруханской и Березовской округах разного рода ясных иноверцах. // СЭ. — 1947. — № 1. — С. 84—103.
3. Белявский Ф. М. Поездка к Ледовитому морю / Ф. М. Белявский. — Тюмень.: Изд-во Мандр и К', 2004. — 263 с.
4. Государственный архив Томской области, ф. 156, 1764 г., № 29, л. 1.
5. Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. — М.: Изд-во «Наука», 1986. — С. 286.
6. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 96 с.
7. Кастрен М. А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. — М., 1860. — 295 с.
8. Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ямал. — СПб., 1868. — 156 с.
9. Маторин Н. М. К вопросу о методологии изучения религиозного синкретизма. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу. — Л., 1934. — С. 351.
10. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. / Историко-этнографический очерк. — Новосибирск: Изд-во «Наука», 1975. — 308 с.
11. Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVII в. — М., 1941. — С. 69.
12. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры, ч. II, изд. 5. — М., 1923. — С. 22—23, 27.
13. Токарев С. А. Религия в истории народов мира. — М.: Изд-во полит. лит., 1976. — 574 с.
14. Шавров В.Н. Краткие истории о жителях Березовского уезда. — М., 1871. — С. 4.

ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Жиделева Ксения Андреевна

*магистрант Уральского федерального университета им.Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург
E-mail: fevralskaya90@mail.ru*

Кириллова Наталья Борисовна

*профессор, доктор культурологии Уральского федерального
университета
им. Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург
E-mail: urfo@bk.ru*

Как известно, искусство — это один из способов общения. С помощью него художник разговаривает с миром на языке сложном и простом одновременно. Зритель, читатель, слушатель, проходя мимо живописного полотна, читая книгу, слушая музыку, смотря фильм или спектакль, невольно участвует в этом диалоге, по-своему воспринимая увиденное и услышанное. Такой способ общения присущ только человеку, и требует особого места в его жизни. Чтобы процесс общения не прекращался, а диалог не становился монологом, люди во все века находили различные решения: устраивали празднества, помещали предметы искусства в специальных местах (сначала, в храмах, на освящённых территориях, позже — в музеях), устраивали театрализованные действия и музыкальные представления. Одним из способов поддержания диалога между художником и зрителем является и фестиваль. Это одна из главных особенностей фестиваля, так как диалог — универсальный метод существования культуры. Диалог в культуре есть уникальный способ передачи и освоения личностью форм социального взаимодействия, способов познания мира. В форме диалога закрепляется и передается культурный опыт человечества, традиция, и вместе с тем, обновляется ценностное содержание культуры. Проблему диалога в культуре рассматривали многие исследователи Бахтин М. М., Библер В. С., Бубер М. Я., Каган М. С., Коган Л. Н., Лотман Ю. М. и др.

Так, по Бахтину «культура — результат творческого процесса, который изначально диалогичен, поэтому она диалогична» [1, с. 95—100] Творчество, возникающее в социокультурном общении, в контексте жизни и исторического движения культур, можно представить как создание текстов, которые несут в себе смыслы,

являются продуктом деятельности человека, его духовной активности. О творчестве как форме диалога в культуре Библер В. С. писал следующее: «В произведении воплощено целостное бытие автора, которое может быть смыслом только при наличии адресата. Произведение отличается от продукта потребления, от вещи, от орудия труда тем, что в них воплощается бытие человека, отстраненное от него. И второй особенностью произведения является то, что оно возникает всякий раз и имеет смысл только тогда, когда предполагает наличие общения отстраненных друг от друга автора и читателя. И в этом общении через произведения изобретается, создается впервые мир» [2, с. 31—42]. В этом отношении восприятие произведения искусства — это всегда сотворчество художника и зрителя. Невозможно одинаковое восприятие произведения искусства разными людьми, поскольку каждый трактует его с позиций собственного культурного багажа, жизненного опыта и просто эмоционального состояния.

Важность диалогичности культуры отмечает и Кириллова Н. Б., исследователь медиакультуры. Она, в частности, говорит о том, что современный мир с помощью разных медиа ищет новые способы общения. В медиакультуре второй половины 20 века особые «диалогические отношения» между автором и публикой, творцом и потребителем; восприятие «чужого» без отторжения стало нормой. Диалог — это взаимодействие разных языков, разных культур, взаимодействие категорий «я» и «другой» как реализация ценностных установок, как особый взгляд на мир [3, с. 204].

Сегодня фестиваль — это один из главных способов обмена достижениями в области искусства, феномен современной культуры, достойный изучения и анализа. Фестивали проходят практически повсеместно, по крайней мере, в любом крупном городе мира, и играют большую роль в общественно — культурной жизни людей. Фестивали, зачастую, являются показателем престижности того города, региона или страны, где они проходят. На сегодняшний день насчитывается огромное количество всевозможных видов фестивалей, как традиционных (кино, театральные, музыкальные, современного искусства), так и весьма необычных, вроде фестивалей цветов, выпечки, винных фестивалей.

В научной литературе существует множество определений термина «фестиваль», рассмотрим лишь некоторые из них:

Фестиваль (*франц. festival — праздник, от лат. festivus — весёлый, праздничный*) — массовое празднество, показ, смотр лучших достижений искусства (музыка, театр, кино и др.) [5, с. 644]

Фестиваль — широкая общественная праздничная встреча, сопровождающаяся просмотром достижений каких-нибудь видов искусства. Само слово происходит от лат. *festivus* — «праздничный» и означает массовое празднество, показ (смотр) достижений (плодов) какого-либо вида деятельности людей [6].

Фестиваль — музыкальный, театральный или другой смотр лучших достижений искусства. Обычно фестиваль является соревнованием, участники которого выделяются специальными жюри в результате предварительных отборочных просмотров [7].

Данные определения указывают нам основные черты данного феномена культуры: периодичность, праздничность, часто — соревновательный характер, тесная связь с духовной жизнью общества.

Фестиваль, как правило, — не единичное мероприятие. Напротив, праздничное действие может повторяться множество раз на довольно больших отрезках времени. Как правило, фестивали проводятся регулярно с определённой периодичностью: *ежегодно* (в большинстве случаев), *раз в два года* (фестиваль современной музыки в Берлине, Загребе, Хельсинки), *раз в три года* (музыкальный фестиваль в Бухаресте). Протяжённость фестивалей различна — от 7—10 дней, до двух и более месяцев.

У фестиваля может быть разнообразная тематика, поэтому один из исследователей данного культурного феномена Меньшиков А. А. выделяет несколько видов фестивалей искусств [4, с. 45]:

1. универсальные (охватывающие несколько видов искусства);
2. специализированные (по одному виду искусства — театральные, музыкальные, кинофестивали);
3. монографические (посвященные одному автору, драматургу, режиссеру, композитору, актеру);
4. тематические (посвященные определенному жанру, эпохе или стилистическому направлению);
5. узкоспециализированные (фестиваль народной, детской, молодежной песни).

Периодичность и праздничность — это не единственное, что делает фестиваль уникальным явлением культуры. Периодичностью и даже подчиненностью одной теме могут обладать и малые индивидуальные праздники, вроде различных годовщин, дней рождений. Фестивали же — это большие смотры достижений человечества в области культуры и искусства, очень часто носящие соревновательный характер. Нередко в рамках фестиваля проводятся международные конкурсы, а также ассамблеи и конгрессы

крупнейших организаций, научные конференции, симпозиумы; составной частью ряда фестивалей становятся учебные курсы.

Но, даже когда, соревновательный элемент выражен неясно или не указан в официальной программе фестиваля, он всё же присутствует. Фестиваль — мероприятие, подразумевающее не одного, а несколько участников, которые, пусть даже не вполне осознанно, будут вступать в соперничество за внимание публики.

Любой фестиваль содержит в себе определенную функциональную нагрузку. Прежде всего, фестиваль имеет огромное значение для сохранения культурного наследия страны. Крупные фестивальные проекты влияют на укрепление авторитета страны как прогрессивной державы, сохраняющей свои традиции и национальную культуру. Фестиваль может быть средством поддержки и развития этнической идентичности, стимулировать развитие культуры различных народов.

Необходимо отметить еще одну из важнейших задач фестиваля — это возможность самореализации любителей искусства. Десятки тысяч участников художественной самодеятельности разных возрастов ежегодно принимают в них участие. Единственным стимулом является их любовь к искусству и дарованный природой талант, поэтому вряд ли можно переоценить психологическое и воспитательное значение таких фестивалей.

Фестиваль искусства — это уникальная среда, где обычно жесткие социальные нормы, регулирующие поведение, смягчаются и рождают особую одобренную социумом гедонистическую атмосферу, в которой человек может выразить себя. Фестиваль — это не только публичное действие, с помощью которого можно:

1. Развивать культуру и искусство.
2. Привлекать туристов в места проведения фестивалей.
3. Формировать имидж региона, города, преобразовывать городскую среду.
4. Налаживать отношения между социокультурной сферой и бизнес - структурами.
5. Привлекать внимание к проблемам общества, экологии.

Фестиваль — это творчество, взаимодействие и состязательность, это активизация диалога культур.

Статистика свидетельствует о том, что за последние годы фестивальное движение переживает новый виток развития. Заметно стремление различных возрастных и социальных групп к возрождению народных традиций и восстановлению уникальных особенностей культурно-исторической среды обитания каждого народа [8, с. 105]

Наблюдается массовый приток детей и молодежи в творческие коллективы. Именно фестивальные проекты и различные творческие конкурсы рассматриваются сегодня руководителями регионов как средство оживления культурной жизни территории и как ресурс ее социального и экономического развития.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. — М.: Художественная литература, 1975. — 430 с.
2. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) [Текст] / В. С. Библер // Вопросы философии. — 1989. — № 6. — С. 31—42.
3. Кириллова Н. Б. Медиакультура: теория, истории, практика: учебное пособие [Текст] / Н. Б. Кириллова. — М.: Академический Проект; Культура, 2008. — 496 с.
4. Меньшиков А. А. Фестиваль как социокультурный феном современного театрального процесса [Текст] / А. А. Меньшиков. — М.: Высшая школа, 2004. — 248 с.
5. Современный словарь иностранных слов / под ред. Порохова М. Н. — М.: Русский язык, 1992. — 740 с.
6. Служба тематических толковых словарей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.glossary.ru>
7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ozhegov.ru/slovo>
8. Тульчинский Г. Л. Менеджмент специальных событий в сфере культуры [Текст] / Г. Л. Тульчинский. — СПб.: Планета Музыки, 2009. — 309 с.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Мельникова Оксана Викторовна

научный сотрудник аспирантуры КемГУКИ, г. Кемерово

E-mail: zvezdinskaya80@mail.ru

Понятиями «культура» и «цивилизация» обозначены чрезвычайно важные точки роста на нескончаемой нити человеческого познания. Феномены культуры и цивилизации стремительно преображают окружающую среду, оцениваются как факторы творческого жизнеустройства, средство человеческой самореализации, неиссякаемый источник социальных новаций. Отсюда — стремление выявить их потенциал и способы возможного полного использования. Культурные и цивилизационные особенности конкретных обществ, составляющих их народов или этносов, не только придают значительное своеобразие и специфику историческому процессу, но и причудливо меняют его направление.

Проблема соотношения цивилизации и культуры многогранна и ее осмысление осуществлено далеко не полно, так как это пока еще новое, находящееся в процессе становления, направление социальной культурологии. Этой проблеме посвящено немало серьезнейших работ известных теоретиков культуры (Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, М. Вебер, Ф. Бродель, Н. Рерих и др.). Многие из них связывают ее с вопросами о судьбах культуры, цивилизации и даже всего человечества: «цивилизированный народ», «цивилизированное поведение» и т. д., по сути, является эквивалентом слову «культурный».

В этой статье попытаемся осветить три аспекта проблемы соотношения цивилизации и культуры: становление соотношения цивилизации и культуры и его рефлексии; место и роль культуры в цивилизации и перспективы развития этого отношения.

Понятие цивилизации в последние годы стало одним из самых ключевых в российской социально-гуманитарной науке. Оно явилось результатом знакомства с ранее неизвестными широкому кругу исследователей работами западных основоположников теории цивилизации А. Тойнби, О. Шпенглера, М. Вебера и др., а также обретением «прав гражданства» отечественных разработок культурно-цивилизационной проблематики в последующие два десятилетия.

С другой стороны, постижение внутренних смыслов культуры, освоение широких горизонтов культурного разнообразия, знакомство с внутренним строем той или иной культуры, осмысление ритмов

исторического бытия общества, и перспектив грядущего сделали проблему соотношения цивилизации и культуры одной из актуальных в социально-научном и гуманитарном познании.

Сложность анализа проблемы заключается в том, что оба понятия — как «цивилизация», так и «культура» — имеют множество значений. Так, например, «культуру» трактует современное Интернет-издание Википедия: **Культура** (лат. *cultura* — земледелие, воспитание, почитание) — понятие, имеющее множество значений в различных областях. В основном, под культурой понимают области человеческой деятельности, связанные с самовыражением (религиозный культ, подражание) человека, проявлением его субъективности (характера, компетентностей, навыков, умений и знаний). Культура является предметом изучения культурологии. Однако многообразие существующих в мире философских и научных определений культуры не позволяет сослаться на это понятие как на наиболее очевидное обозначение объекта и предмета культуры и требует более четкой и узкой его конкретизации:

- «Культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей» [2, с. 66].
- «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях» (БСЭ);
- «общий объем творчества человечества»;
- «совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека» (Ю. Лотман);
- «вся совокупность внебиологических проявлений человека» [6, с. 23];
- признанный значимый уровень в областях изящных искусств и наук — элитарная культура.
- набор знаний, верований и поведений, который основан на символическом мышлении и социальном обучении. Как основу цивилизаций различают культуры в периодах изменчивости доминантных маркеров: периодов и эпох, способов производства, товарно-денежных и производственных отношений, политических систем правления, персоналий сфер влияния и т. д.

Научное же понимание «цивилизации» связано со спецификой предмета исследования, ибо это одно из немногих понятий, которое применяют почти во всех социально-гуманитарных дисциплинах: философии, истории, социологии, экономике, антропологии, искусствознании, политологии и т. п. Каждая из них, как луч

прожектора высвечивает ту, или иную сторону цивилизационного процесса: логику экономического роста (Ф. Бродель), взаимозависимость ментальности и хозяйственного уклада (М. Вебер), накопление социальных изменений (П. Сорокин), смену культурной парадигмы, проявляющуюся через форму и стиль — Gestalt (О. Шпенглер) или «культурно-исторического типа» (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби)... Как отмечал блестящий историк и философ науки А.Н. Уайтхед, «границы цивилизации неопределенны, о чем бы ни шла речь: о географических рамках, временных интервалах или о сущностных признаках».

Великий русский ученый Лев Мечников, обращаясь к определению своего современника, французского ученого П. Мужоля, подчеркивает, что понятие цивилизации «является одним из самых сложных; оно охватывает собою совокупность всех открытий, сделанных человеком, и всех изобретений; оно определяет сумму идей, находящихся в обращении, и сумму технических приемов; это понятие выражает также степень совершенства науки, искусства и промышленной техники; оно показывает данное состояние семейного и социального строя и вообще всех существующих социальных учреждений. Наконец, оно резюмирует состояние частной и общественной жизни, взятых в их совокупности».

Новые попытки определить сущность понятия «цивилизация» предпринимают отечественные исследователи. Так, М. А. Барг подчеркивает, что превращением понятия «цивилизация» было бы достигнуто понимание «сути универсализма всемирной истории, т.е. человеческое измерение». Яковец Ю. А. понимает под цивилизацией «качественный этап в истории общества, характеризующийся определенным уровнем развития самого человека, технологической и экономической базы общества, социально-политических отношений и духовного мира» [11]. Как «сообщество людей, объединенное основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющее устойчивые особые черты в социально-политической организации, культуре, экономике, и психологическое чувство принадлежности к этому сообществу» определяет цивилизацию Л. И. Семенникова [8].

Беглый взгляд на историю и логику развития взаимоотношений между цивилизацией и культурой позволяет выделить в них следующие этапы.

Понятие цивилизации впервые применяется по отношению к историческому периоду, пришедшему на смену первобытному обществу. «Древние цивилизации — это цивилизации, некое единство, противостоящее тому, что цивилизацией еще не является, —

доклассовому и догосударственному, догородскому и догражданскому, наконец, что очень важно, дописьменному состоянию общества и культуры», — отмечали С. С. Дверинцев и Г. М. Бонгард-Левин [5]. Обратим внимание здесь на «единство», то есть абсолютную слитность цивилизационных и культурных признаков общества.

Культура и цивилизационное бытие человека не разведены еще и в Античности, где культура рассматривалась скорее, как следование человека за космической упорядоченностью мира, а не как результат его творения.

Средневековье, сформировав теоцентрическую картину мира, трактовало человеческое бытие как исполнение людьми заповедей Бога-Творца, как приверженность букве и духу Священного Писания. Следовательно, и в этот период культура и цивилизация в рефлексирующем сознании не разделялись.

Соотношение культуры и цивилизации (не рефлексия этого отношения, а оно само) обозначилось впервые, когда в эпоху Возрождения культура стала связываться с индивидуально-личностным творческим потенциалом человека, а цивилизация — с историческим процессом гражданского общества. Но рефлексия несовпадения их предметной области возникла не сразу.

В эпоху Просвещения культура рассматривалась как индивидуально-личностное и общественно-гражданское обустройство жизни, и тем самым культура и процесс цивилизационного развития наложились друг на друга. Собственно термин «цивилизация» был введен французскими просветителями прежде всего для обозначения гражданского общества, в котором царствуют свобода, справедливость, правовой строй, т. е. для обозначения некоторой качественной характеристики общества, уровня его развития. Не случайно Л. Морган и Ф. Энгельс (XIX в.) рассматривают цивилизацию как стадию развития общества, наступившую вслед за дикостью и варварством, характеризующуюся упорядоченностью общественного строя, и потому более «высокую» качественно [10].

И все-таки именно потому, что отсутствовала рефлексия места культуры в содержании истории, культура и цивилизация отождествлялись. Но понимание культуры как земного самодетельного процесса в противоположность средневековой ее трактовке как предзаданного человеку вероисповедания, начинает в Новое время формировать осознание культуры как определенного самосознания человека в качестве субъекта истории. Культура наполняется духом подлинного человеческого бытия.

Постепенно формируется представление о культуре как духовном содержании цивилизации, как духе цивилизации, высвечивается несовпадение культуры и цивилизации. Сегодня общепризнано, что мир культуры — это фундаментальное основание исторического развития, база цивилизации. По сути, культурное измерение составляет качество цивилизации, фундамент всей человеческой истории.

Впервые слово «цивилизация» встречается в «Друге людей» Мирабо (1756 г.): «Религия, бесспорно, наилучшая и наиболее полезная узда человечества; это главная пружина цивилизации; она наставляет нас и беспрестанно напоминает о братстве, смягчает наше сердце и так далее». В его трактате о цивилизации говорится: «Если бы я спросил у большинства, в чем состоит цивилизация, то ответили бы: цивилизация есть смягчение нравов, учтивость, вежливость и знания, распространяемые для того, чтобы соблюдались правила приличий и чтобы эти правила играли роль законов общежития, — все это являет лишь маску добродетели, а не ее лицо. Цивилизация ничего не совершает для общества, если она не дает ему основы и формы добродетели».

Именно это несовпадение культуры и цивилизации почувствовал и представил в своей концепции О. Шпенглер, трактовавший цивилизацию как фазу заката культурно-исторического типа, его разложение.

Трагедийно звучит этот же лейтмотив в работах Н. Бердяева: цивилизация — «смерть духа культуры» [1]. В рамках его концепции культура — символична, но не реалистична, между тем «динамическое движение внутри культуры с ее кристаллизованными формами неотвратимо влечет к выходу за пределы культуры, к жизни, к практике, к силе. На этих путях совершается переход культуры к цивилизации», «цивилизация пытается осуществлять жизнь», реализуя «культ жизни вне ее смысла», подменяя цель жизни «средствами жизни, орудиями жизни».

Более осторожен в своих прогнозах выдающийся автор теории цивилизации XX столетия А. Тойнби: он полагал, что культура может продолжать существовать, не приближаясь к гибели, на нее не распространяется необходимость биологического старения и смерти [9].

Трактовка культуры как духовной наполненности цивилизации ярко представлена в концепции П. Сорокина, согласно которой утрата, обнищание, смерть культуры ведут к существованию «бездуховной» цивилизации [3]. И уже эта позиция показывает, что цивилизация, понимаемая как историческая стадия общественного развития или как тип общественного устройства, включает в себя не только красочную палитру культурных достижений, обеспечивающих расцвет народу

(народам), но и все минусы общественного бытия на данном историческом этапе.

Итак, культура играет фундаментальную роль в модернизации общества, являясь генератором глубоких социально-экономических трансформаций. Культура как степень совершенства способа деятельности, то есть как технология, во многом определяет возможности человечества в освоении мира на данном этапе цивилизационного развития и возможности адаптации к прогрессирующим изменениям. Это обусловлено прежде всего тем, что культура, с одной стороны, в отличие от цивилизации, хранит, выражает и передает именно специфическое, своеобразное, что присуще определенному социуму, а с другой стороны, обеспечивает в рамках и вместе с цивилизацией этноисторическую целостность.

Этнокультурная целостность той или иной цивилизации, по мнению М. Вебера, вырастает из системы ценностей, которая и является ядром культуры. По существу, ядро культуры можно определить как социогенетический код, обеспечивающий устойчивость социального организма, защищающий его от воздействий импульсов других культур, особенно если они несут угрозу существованию. Именно шкала ценностей (ядро культуры) обеспечивает и адаптацию к окружающей культурно-цивилизационной среде. Таким образом, культура — это социогенетика как общей (глобальной), так и локальных цивилизаций, содержащая в себе механизмы наследственности, изменчивости и отбора в динамике цивилизаций, это внутренняя пружина их саморазвития. Несовпадение же культуры и цивилизации наиболее резко проявляется на переломах цивилизационного развития. Обусловлено это тем, что хотя ядро культуры не является абсолютно стабильным, но в сравнении с цивилизационными изменениями меняется очень медленно. При переходе от одной цивилизации к другой устойчивость системы ценностей культуры может оказаться негативным явлением, мешающим адаптироваться социуму к новым условиям жизнедеятельности.

Еще одна особенность взаимосвязи культуры и цивилизации в современном мире проявляется в особой роли духовных ценностей. Именно они определяют прогресс цивилизации и ее судьбу. Взаимообогащение культур является также и фактором, вызывающим учащение ритма истории, сжатие социального времени. Человечество благодаря общности социокультурной траектории ускоряет свой путь в будущее. Каждая следующая историческая эпоха, каждый

следующий цикл цивилизационного развития короче предыдущего, хотя и не одинаков для разных народов.

Каковы перспективы взаимоотношения культуры и цивилизации и тенденции их развития в ближайшем и отдаленном будущем?

Этот вопрос — один из самых дискуссионных сегодня. Ни у кого не вызывает, однако, сомнения то, что культура играет не просто особую, но возрастающую роль в перспективе глобальной цивилизации.

Одна из позиций исходит из утверждения о том, что общество и сегодня, и в будущем будет представлять совокупность ряда самостоятельно развивающихся цивилизаций и культур, лишенных общей траектории. В этом понимании цивилизация есть специфическая история народов, имеющая культурно-замкнутый индивидуальный характер.

Другая концепция отражает стремление человечества к общепланетарному взаимодействию, к взаимозависимости и культурному единству и исходит из того, что в каждой цивилизации какая-то часть культурных ценностей имеет общечеловеческий характер и представляет собой общее достояние человечества, связанного единой судьбой. К таким ценностям относят положение личности в обществе, светский и религиозный гуманизм, интеллектуальную свободу, обеспечивающую науку, эстетическую и художественную свободу, ряд экономических ценностей, экологические ценности и др. На этой основе возникает идея о метакультуре как общем культурном знаменателе и перспективе развития глобальной (мировой) цивилизации, при сохранении мозаичности, специфики локальных культур и цивилизаций.

Метакультуру в этом случае рассматривают как накопление общечеловеческих ценностей, способствующих выживанию и развитию человечества как единого целого. Чаще всего подчеркивают, что формирование метакультуры, во-первых, можно рассматривать только как тенденцию, во-вторых, как перспективу на будущее, а в-третьих, как фактор преодоления общечеловеческого кризиса и перехода к новому типу цивилизации, к принципиально новой человеческой истории.

И даже фиксируя тот факт, что этот переход характеризуется сегодня столкновением интеграционных процессов с возрастающей дезинтеграцией, следует отметить стремление к добровольному устранению межгосударственных противоречий, поиск общих точек пересечения в культурах. Мировая общечеловеческая цивилизация в нашем представлении — не унифицированное, обезличенное сообщество людей, сформировавшееся на базе западной

экономической системы, а многообразная общность, сохраняющая самобытность и уникальность в составляющих ее народах, где фундаментальной характеристикой может стать глобальное культурное пространство как следствие межкультурного и межцивилизационного диалога.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Смысл истории [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyayev/1923_019_7.htm (дата обращения: 10.01.2012)
2. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. — СПб.: СПбГУ. — 1996. — 152 с.
3. Концепция локальных цивилизаций и культурно-исторических типов (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumfak.ru/kult_html/lecture/lect07.shtml (дата обращения: 11.01.2012)
4. Культурология. XX век. Энциклопедия в 2-х томах / гл. ред. и сост. С. Я. Левит. — Т.2. — СПб.: Университетская книга, 1998. — 640 с.
5. Относительное сравнение культуры и цивилизации [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://bibliofond.ru/view.aspx?Id=453058> (дата обращения: 13.01.2012)
6. Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Культура как система. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 371 с.
7. Рерих Н. К. Культура и цивилизация / сост. С. А. Пономаренко. — М.: МЦР, 1994. — 148 с.
8. Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. — Брянск, 1995. — 422 с.
9. Тойнби А. Постигание истории: [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.brainyquote.com/quotes/authors/a/a125466.html> (дата обращения: 10.01.2012)
10. Что такое Цивилизация? Значение и толкование слова tsivilizatsija, определение термина [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/his/c/tsivilizatsija.html> (дата обращения 13.01.2012).
11. Яковец Ю. В. Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России. — М., 1994. — 144 с.

ОБРЕТЕНИЕ КОНЦЕПОМ «СИБИРСКАЯ КУЛЬТУРА» КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Судакова Ольга Николаевна

канд. культурологии, доцент СПбГУВК, г. Санкт-Петербург

E-mail: kdoscha@hotmail.ru

Лингвокультурологи и философы культуры по-разному трактуют смысл слова «концепт». Если первые считают, что благодаря концептам культуры можно охарактеризовать культурный опыт народа, в силу того, что каждый концепт выступает одновременно и своеобразным ключом к коллективному опыту, и средством передачи этого опыта [10, 16], то, по мнению вторых, концепт есть понимание внутренней целостности проблемы, теоретическое осмысление которой выступает её решением [7]. Следовательно, рассмотрение содержания концепта «сибирская культура» в контексте разнообразных научных подходов позволит сделать его инструментом конкретного культурологического исследования.

Обращение к истории отдельных понятий, по убеждению Ю. А. Асояна, оправдано, если оно вписано в конкретные социальные или интеллектуальные практики производства знания [2, с. 104]. Концептуализацию идею «сибирская культура» мы обнаруживаем в работах учёных и общественных деятелей, изучавших Сибирь в конце XIX века [13, 19, 20]. Если в рамках «культурнического течения» или сибирского областничества был заложен механизм формирования данного концепта в русле «общественных вопросов», отсюда в целом его содержание включает — образование, просветительскую и литературную работу, идейную борьбу в социально-политическом плане, то Н. М. Ядринцеву принадлежит оригинальная позиция к содержанию «сибирская культура», выраженная в рассмотрении вопросов о положении сибирских инородцев. В трудах В. В. Радлова, несмотря на консервативный, конфессиональный и государственный подход исследователя, культура тюрков Центральной Азии и Сибири, понимается как противоположная культуре оседлых народов, и как следствие этого изучаться должна с использованием понятий «мусульманская культура», «кочевая цивилизация». Отметим, что первое понятие в российской этнографии конца XIX века применялось исключительно к народам арабского Востока, а второе, по признанию наукой того времени оседлости как основы культуры, воспринималось достаточно абстрактно. Таким образом, благодаря усилиям этих учёных концепт «сибирская культура» перестаёт восприниматься

отвлечённо, хотя содержание его связывается с культурой «инородцев» Сибири.

Необходимость разработки теории «культурных гнёзд», по мысли её автора — литературоведа Н. К. Пиксанова, была обусловлена с одной стороны, неточностью применения термина «русская литература» к литературе «великорусской» (где отсутствовала украинская литература), а, с другой, желанием децентрализовать научную историческую мысль, которая развитие русской культуры сводила к прямой линии — Древний Киев, Москва, Петербург, с небольшим ответвлением на Новгород. При таком подходе безжалостно стирались местные особенности, которые и являются основанием общерусского культурного процесса. Для изучения этого он вводит в культуроведение понятие «культурное гнездо / культурные гнёзда», под которым понимает не механическое, а «некоторое органическое слияние» культурных явлений и деятелей. Однако, каждое «культурное гнездо» должно обладать тремя постоянными признаками — «определённый круг деятелей, постоянная деятельность и выдвижение питомцев» [12, с. 60—63]. К сожалению, говоря о культуре областных гнёзд, исследователь в качестве первоочередного и своеобразного пласта областных культур выделял «литературные гнёзда». Отсюда, взятая на вооружения литературоведами данная теория не получила своего должного развития. Более широкий взгляд на теорию «культурных гнёзд» предложил историк И. М. Гревс, введя в содержание данного понятия наряду с поэтическими и беллетристическими произведениями, журналистику, местное школьное образование, включая его историю, а также местные научные исследования [6, с. 502—503]. Современная культур-философия и культурология, по мнению Н. И. Ворониной, понятие «культурное гнездо» толкует как некую совокупность событий, имён, явлений, тенденций, объединённых в границах общего пространства и времени, но в то же время чётко ограничивая их. Разные исследователи в качестве «культурного гнезда» рассматривают край (регион) в целом и отдельные его территории (уезды, города, сёла, усадьбы и пр.). Однако неизменно важным остаётся то, чтобы «культурное гнездо» или «культурные гнёзда» воспринимались не изолированно, а в тесной и неразрывной связи с судьбами края и всей культуры России [5]. Подобный метод работы с региональным материалом [8, 11 и др.] позволил нам наполнить содержание концепта «сибирская культура» сменяющими друг друга или существующими параллельно культурными гнёздами, каждый из которых в своё время определял культурно-историческое развитие Сибири — это Кольвано-

Воскресенские горные заводы и Тобольск конца XVIII века, Кяхта рубежа XVIII-XIX веков, Иркутск и Тобольск первой половины XIX столетия, Томск и Омск второй половины XIX века и др.

Концепт «сибирская культура» как инструмент культурологического исследования объективирует различные проблемные поля, к числу которых относится и теория «фронта». Словосочетание «сибирская культура» имеет широкое употребление в работах историков-сибиреведов. Данное явление свидетельствует как о непреходящем интересе историков к проблематике культуры, так и поиске её теоретического осмысления. Одной из концептуальных основ для современных исследователей стала теория «фронта» (границы). Названная теория в научный мир вошла с именем американского историка Ф.Дж. Тёрнера, изучающего в конце XIX века процессы расширения Североамериканских штатов [17]. И хотя фронтальная теория нашла в США и за их пределами как последователей [3, 15, 18], так и критиков [4], важным для нас является следующее: во-первых, Ф.Дж. Тёрнер придал термину «фронт» (граница), широко используемому в английском языке, более культурологическое содержание, поставив во главу угла, наряду с экономической и социальной, культурную составляющую; во-вторых, обратил внимание на то, что продвижение фронта (границы) одновременно является процессом, результат которого есть формирование культуры новой личности и нового общества; и, в-третьих, отметил неоднородность культуры фронта, в силу влияния на неё места и времени продвижения фронта (границы). Компаративистские исследования американского и русского фронтов позволили отечественным учёным сформулировать своё понимание «фронта» в целом и «сибирского фронта», в частности. Для Н. Ю. Замятиной (Белаш) фронт есть зона «особых социальных условий» или «зона неустойчивого равновесия», по причине своего «родового признака» — неопределённости, неустойчивости, неустойчивости. Культура же фронта (границы), по её мнению, находит своё выражение в ценностях, среди которых наиболее значимая — свобода и индивидуализм [9, с. 77—78]. Культура сибирской «подвижной границы» в работах А. Д. Агеева [1] предстаёт как сложное явление, обладающее определёнными категориями и свойствами (пространство, время, вера, язык, социальная аморфность и пр.), наличием носителя этой культуры — сибиряка и формируется под влиянием конкретных факторов, что в целом придаёт ей особенность и специфичность. В сибирском фронте, по мнению М. В. Шиловского, следует выделять три вида,

так внешний — по отношению к территориям и этносам, внутренний — по отношению к народам, оказавшимся внутри него, и внутрицивилизационный — между старожилами и переселенцами. Процесс генезиса и развития культуры фронта закладывается в культурном контакте и дальнейшем постоянном межкультурном взаимодействии [18, с. 101; 15]. Таким образом, культура сибирского фронта обладает динамичным характером. Обобщённую трактовку сибирского фронта и структурных элементов его культуры предложил Д. Я. Резун. Наряду с факторами — климат, рельеф, пространство, исторический фон, историк выделил макро- и микросистемы культуры сибирского фронта [14, с. 7; 15]. Таким образом, благодаря исследованиям отечественных историков концепт «сибирская культура» приобрёл более полное культурологическое содержание.

Исходя из задачи данной работы, сформулируем общее представление об искомом концепте. Сибирская культура — это культурологический конструкт, архитектурное строение которого заключается в «месте встречи» разных по своему типу и развитию культур (оседлой и кочевой, столичной и провинциальной, городской и сельской и пр.); материальной, духовной и художественной формах, выраженных «культурными гнёздами» как генетической основы всех русских культурных традиций; этнокультурной общности — сибиряки, с особым ментальным набором качеств и ценностных ориентаций, делающих сибирскую культуру отличной от русской по своему содержанию. Концепт «сибирская культура» предназначен для обозначения уникального, личностно наполненного корпуса текстов культуры и может рассматриваться как инструмент воссоздания, например, культуры повседневности сибирского купечества второй половины XVIII—XIX веков.

Список литературы:

1. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск: ИГУ, 2002. 294 с.
2. Асоян Ю. А. Понятие «культура» в языке русской этнографии (1880—1890 гг.) // Мир культуры и культурологии: альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. I. С. 104—111.
3. Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 57—74.
4. Billington R. A. America's Frontier heritage. Albuquerque, 1991.

5. Воронина Н. И. Философское «собрание» человека как концепт информационного пространства «культурных гнёзд» [Электронный ресурс] // Регионология. 2011. № 2. URL: <http://regionsar.ru/node/715> (дата обращения 11.07.11).
6. Гревс И. М. История в краеведении // Краеведение. Т. 3. 1926. № 4. С. 457—508.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. 288 с.
8. Дергачёва-Скоп Е. И., Алексеев В. Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. 2002. № 3. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/dergacheva_concept (дата обращения 11.07.11).
9. Замятина (Белаш) Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // ОНС. 1998. № 5. С. 75—88.
10. Колесов В.В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник. — Л., 1992. Сер. 2. Вып.3. № 16.
11. Максимов Л. А., Цыренова М. Г. Жемчужина Забайкалья: Кяхта: страницы истории. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 152 с.
12. Пиксанов И. К. Областные культурные гнёзда: историко-краеведческий альманах/семинарий. М.-Л.: Гиз, 1928. 148 с.
13. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Восточная литература РАН, 1989 (1884).
14. Резун Д. Я. Предисловие // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 7—8.
15. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
16. Степанов Ю. С. Концепты: тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
17. Тёрнер Ф. Дж. Роль границы в американской истории [Электронный ресурс] / Пер. В. Е. Борисова. — URL: Turner_coru.pdf. (дата обращения 18.09.11).
18. Шиловский М. В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири... Вып. 3. С. 101—118
19. Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке (статья вторая) // Дело. 1875. № 4. С. 167—198.
20. Ядринцев Н. М. Русская народность на Востоке (статья первая) // Дело. 1874. № 11. С. 297—340

К ПРОБЛЕМЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ТЕАТРАЛЬНОСТИ

Тазетдинова Руфина Ринатовна

*доцент, кандидат философских наук, государственный университет
культуры и искусств, г. Казань.*

E-mail: Ruffina7@yandex.ru

Любая попытка понять философско-культурологическую специфику феномена театральности соприкасается с различными концепциями в теории и истории культуры. И если, по Степину В. С., определение культуры, как «социально значимой информации, регулирующей деятельность, поведение и общение людей» [4, с. 524] уже состоялось, то театральность продолжает оставаться той дискутируемой темой, с помощью которой «пытаются расширить представления об онтологических свойствах самой культуры» [5, с. 215]. Богатство и многообразие национальных культур, образующих в целом мировую культуру, ориентируют исследователя на обращение в первую очередь к культурным универсалиям, раскрывающим суть культуры как единого процесса. Театральность в этом плане выступает общезначимым амплуа смысла культуры, впитавшей в себя творческую доминанту каждого из элементов сложной, многоуровневой системы, которая и есть собственно культура. Американские антропологи, например, выделяют более семидесяти универсалий общих элементов культур, называя среди них искусство, науку, право, медицину, семью, мифологию, музыку, этикет, этику, образование и т. п. Внутри каждого из элементов этой сложной многоуровневой системы присутствует то нечто, что названо нами театральностью. Это нечто уже не только и не столько культурная универсалия, сколько феномен *особого рода*, несущий в себе *возможности быть* явлениям, нормам, ценностям, правилам, традициям, свойствам, которые присущи всем культурам, независимо от географического ареала, исторического времени и социального устройства. Другими словами, не будучи элементом культуры, театральность является той *общей чертой* каждого из её элементов, тем общим их *свойством*, которое, в конечном счете, позволяет говорить о ней, как о свойстве культуры в целом. Каким же образом и за счет чего *нечто*, названное нами *театральностью*, впитав в себя все существенное в структурных элементах культуры, приобрело способность быть обоснованной адекватностью части и целого?

Довольно часто неясность в определении понятия «театральность» связана с неясностью в понимании эстетической функции языка. Формальный критерий эстетической функции определить практически невозможно. На сегодня она сопряжена с семантикой тропов, к которым могут быть отнесены эпитеты, перифразы, сравнения, метафора, метонимия и т. д., то есть вообще все, что выполняет в языке декоративную функцию. Это наводит на мысль о том, что в понимание термина «театральность» вкладываются чрезвычайно разнообразные наименования и ценности, используемые уже не только в качестве эстетических, но и смысловых функций. Поэтому каждое обращение к понятию «театральность» требует в первую очередь *разрешить проблему* эстетического оформления «едино-целостного словесного смысла» [6, с. 110]. Разрешить проблему, значит найти адекватное ей объяснение. Однако заметим, что и само объяснение всегда было философской классической проблемой. Что значит объяснить? Это значит сделать понятным. С точки зрения логики подобная ситуация предполагает сведение её к ранее известному материалу. Некорректность только такого, единственного подхода в рассуждениях очевидна, ибо рассуждая подобным образом субъект не способен охватить объяснения принципиально нового знания. Разумеется, на уровне обыденного мышления объяснение может привести к пониманию. Но понятие «театральность», сложившееся в сообществе профессионалов, т.е. людей, имеющих отношение в первую очередь к *театральному*, по определению — институциональное. Очевидно поэтому театральность длительное время мыслилась стандартом только эстетического.

Существует мнение, что «театральность, не являясь ценностью, выступает как ценностный компонент культуры» [2, с. 10]. При этом подчеркивается, что в данном контексте «ценность может быть связана с актом субъекта так, что акт этот становится тем самым оценкой» [1, с. 115]. Последовавший за этим вывод, что само действие субъекта от этого признается изначально театральным, вызывает возражение. Во-первых, алетическая модальность, выражающая суждения *возможности*, всегда только *предполагает* какой-либо результат. Во-вторых, сама модальная характеристика суждения выражена столь явно, что подразумевать некий другой контекст в работе Гуревича П.С. нельзя по определению. В противном случае, признавая театральность «не ценностью», с одновременным признанием её «ценностным компонентом культуры», автор высказывания рискует не объяснить, а окончательно запутать подобной вариативностью суть понимания феномена театральности.

Заметим, что достаточно долго театральность вообще ошибочно рассматривалась как производная только театра. На рубеже XX века в России представление о ней как о специфическом приеме театрального искусства поддерживалось различными театральными концепциями. Рождавшиеся схемы подталкивали к экспериментам, формировавшим у каждого режиссёра собственную систему понимания и театра, и театральности. В этом плане Серебряный век знаменит тремя театральными именами. Тот же Станиславский К. С. сводил театральность к сценическому штампу, видя в нем непрофессионализм актера. Театральность Вс. Мейерхольда отличается репрезентативностью, парадностью сценического воплощения. Для А. Я. Таирова характерна позиция театрализации самого театра, ибо театр, по его мнению, имел право на творческий театральный эксперимент. Безусловно, на его позицию во многом повлиял интерес к эстетике балагана, к старинной игре. Как для Вс. Мейерхольда, так и для А. Я. Таирова было характерным стремление вернуть сцене дерзкое, непринуждённое искусство площадных комедии-антов, добиться острого соприкосновения старинной игры масок с современной им российской действительностью. Таким образом, театральность под таким углом зрения чаще всего рассматривалась только применительно к театру, акцентируя лишь те театральные элементы, которые участвуют в непосредственной реализации спектакля. Но начиная с Патриса Пави, стала широко распространяться практика понимания и использования театральности как оценочной категории. С одной стороны, под театральностью уже понимался метафорический мир, мир лицедейства, непосредственным образом связанный с идеей маски, проекцией чувственного мира; с другой, театральность — это изысканность, способность человека адаптироваться и эстетично вписываться в диалектически напряженные потоки бытия, наиболее ярко проявляющаяся в артистизме. Первым, кто отметил и доказал, что театральность коренится в основании бытия и имманентно присуща культуре, был Н. Н. Евреинов. С его «подачи» театральность «выплеснулась» за пределы театра и стала рассматриваться универсальным принципом, самозамкнутой реальностью, свободной от театральных институциональных рамок и имеющую свою онтологию. Театральность, по его мнению, характерна преэстетизмом, предыскусством, свойством, предшествующим религиозности, и во многом являющейся основой для её зарождения. По Н. Н. Евреинову, театральность вообще самостоятельная реальность, свободная от обыденности и человеческой логики. Другими словами, театральность

становится отражением и выражением характерных признаков общества, его мироощущения, образа жизни, мыслей, занятий, профессии. В роли своеобразного средства «психотропной инъекции» в преодолении экзистенциального одиночества, стадного чувства толпы, театральность не только эпатажно реагирует на постоянно меняющееся бытие, но и создает типы его виртуальных форм, преодолевая косность самой реальной действительности. Многие идеи, возникшие на новаторской почве, например, того же Серебряного века, позже получили развитие в общественно-политической и философской мысли. В собственно театральной теории и практике можно увидеть параллели с такими направлениями сценического искусства XX века «как театр Абсурда, театр Психодрамы, театр Постмодерна» [3, с. 3]. Этим мы хотим подчеркнуть, что каждый факт обращения к феномену театральности необходимо рассматривать как обращение к *непрерывному диалогу* прошлого и настоящего. Степень изученности и опыт рассмотрения театральной проблематики существует в тесной взаимосвязи не только с искусствами, но и с экономикой, политикой, эстетикой, психологией, философией. Вся история культуры свидетельствует о влиянии на ее развитие разнообразных процессов в общественной жизни: забвения и возврата к религии, взлетов и падений политической активности, эволюции нравов и быта, развития философской мысли и технического прогресса. В этом плане, казалось бы, театральность не может служить примером четкого и исключительно философского определения. Ведь с одной стороны, всякое философское определение зависит от философской системы, в рамках и на основании которой конструируется то или иное понятие. С другой стороны, в той части, где театральность присутствует уже в конкретном искусстве, универсальность философского истолкования близка к нулю. Подобное делает очевидными недостатки именно институционального определения театральности. Памятуя о том, что в нашем представлении театральность мыслится *особым феноменом*, впитавшим в себя явления, нормы, ценности, правила, традиции, свойства, присущие *всем* культурам, независимо от географического ареала, исторического времени и социальных условий, можно говорить о её масштабности. С учетом же того, что театральность растворена в культурном контексте ещё и любой локальной культуры, то бесспорно, как культурный феномен она может быть объяснима, и понята с помощью универсальных понятий философии, а priori присущих ей самой как свойству культуры.

Резюме. Итак, театральность, давая *возможность быть проявленными* элементам культуры, оказывается исторически и типически всеохватывающим феноменом. Проникая во все элементы культуры и виды искусств самых разных эпох, она способна спонтанно проявлять их разноликостью связей собственных внутрискруктурных компонентов; фиксируя культуру, делать её открытой системой, существующей не в статике, а в процессе. Типологический статус театральности имеет достаточно четкие контуры, а это значит, что философско-культурологическое осмысление театральности как феномена культуры обоснованно претендует на территорию символического, т. е. на глубину содержания.

Список литературы:

1. Гуревич П. С. Философия культуры. — 2-е изд. / П. С. Гуревич. — М.: «Аспект Пресс», 1995. — 286 с.
2. Лихонина О. В. Театральность культуры тоталитарного государства (на примере Советской культуры конца 1920-х — 1930-х годов): автореф. дис. ... канд. культурологии. — Екатеринбург, 2008. — 21 с.
3. Олимпиева Е. В. Театр как явление культуры Серебряного века: автореф. дис. ... канд. философ. наук. — Екатеринбург, 1999. — 20 с.
4. Степин В. С. Культура // Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ, МН.: Харвест, Современный литератор, 2001. — С. 524—526.
5. Тазетдинова Р. Р. К определению понятия «театральность» // Вестник Бурятского государственного университета: Философия. Социология. Политология. Культурология. — Улан-Удэ, 2010. — Вып.14. — С. 215—219.
6. Энгельгардт Б. Формальный метод в истории литературы // Вопросы поэтики. — Л., 1927. — Вып. XI. — С. 76—115.

РОК КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Явтушенко Юлия Олеговна

*аспирант кафедры культурологии, философии и социальных наук НГГУ
г. Нижневартовск*

E-mail: Yavtushenko2012@yandex.ru

Молодежная субкультура как явление, возникшее во второй половине XX века, привлекает устойчивое внимание философов, социологов, культурологов и других специалистов в области социогуманитарного знания.

Принято считать, что молодежная субкультура имеет преимущественно развлекательно-рекреативный и потребительский характер, в силу чего ей не свойственны черты познавательной, созидательной, творческой деятельности. Однако с этим тезисом едва ли можно согласиться, поскольку молодежной субкультуре в значительной степени свойственны устремления к самовыражению в изобразительном, поэтическом и музыкальном творчестве. В пользу этого свидетельствует, в частности, многочисленные клубы авторской песни, феномен молодежной музыки и в частности рока, а также непрерывно осуществляемый молодыми поиск в области живописи, графики, скульптуры. Именно в сфере художественного творчества молодых, как правило, складываются неформальные группы и объединения.

Причастность к той или иной молодежной субкультуре предполагает не только принятие ее норм и ценностей, но и стили жизни в целом. В силу того, что молодежные субкультуры, как доказано учеными-социологами, «возникают вокруг какого-либо центра, либо инициатора тех или иных инноваций, либо выразителя тех или иных пристрастий к музыкальным стилям, образу жизни» [3, с. 51], можно считать закономерным возникновение молодежной субкультуры рока. Наряду с этим отметим, что рок-музыка в свою очередь является немаловажной сферой интересов молодых людей, принадлежащих к другим субкультурным образованиям.

Многие ученые придерживаются той точки зрения, что молодежная субкультура в России ориентируется на зарубежную массовую культуру, а не на ценности национальной культуры. Однако рок-музыка, первоначально зародившаяся на Западе, обрела в России

устойчивые национальные черты и ныне занимает собственную нишу в отечественной культуре.

Исследователи справедливо отмечают, что именно в молодежной субкультуре при определенных обстоятельствах могут возникнуть контркультурные тенденции. В связи с этим современная рок-культура как составляющая молодежной субкультуры не может быть ориентирована только на Запад. Следует отметить, что субкультура молодежи имеет много общего с контркультурными образованиями, которые, как правило, не всегда однозначно воспринимаются обществом, несмотря на то, что они могут содержать в себе и позитивные зерна обновления культурной традиции.

Отечественные ученые определяли молодежь, как социально-демографическую группу, обладающую многомерными характеристиками. Межпоколенческий конфликт интерпретировался в аспекте социального взаимодействия, в котором одновременно участвуют несколько поколений. С. Н. Иконникова выделила пять векторов взаимоотношений между старшим и младшим поколениями: экономический, политический, культурный, бытовой и социально-психологический, подчеркивая, что именно «в области культуры различия во вкусах иногда приобретают драматический характер, осложняются взаимными обвинениями, могут стать поводом для конфликта» [1, с. 63].

С. И. Левикова правомерно отмечает, что «молодежная субкультура и контркультура — это два различных типа культуры, которые могут: а) не иметь ничего общего между собой; б) пересекаться и в) сливаться в одно целое, создавая некий «симбиоз» [2, с. 608].

В 2000-е годы исследования молодежной проблематики, в особенности вопросов, связанных с молодежными субкультурами активизировались как в нашей стране, так и за рубежом. Некоторые исследователи стремятся прояснить субкультурные характеристики молодежи в рамках отдельных территорий.

Необходимо отметить, что рок-культура — это не только совокупность поэзии, музыки, рок-концертов с элементами шоу и специфического образа жизни, но и социомызыкальные практики концертной деятельности, адресованной аудитории единомышленников, которые связаны с исполнителями общностью стиля жизни, образа мышления. А это, в свою очередь, означает, что рок-культура, являясь частью культуры в целом, сохраняет, при этом, статус субкультуры.

Субкультура рока это — музыка, сленг, самиздат, особый стиль жизни, которые возникли как отклик на западное молодежное протестное движение. Большинство исследователей отмечают зависимость развития рок-музыки от научно-технического прогресса, который изменил традиционный уклад и повседневный ритм жизни. Смена музыкальных приоритетов в молодежной среде свидетельствовала о зарождении в ней новых идеалов и ценностей.

Первые западные рок-звезды (Элвис Пресли, Билл Хейли, «The Beatles», «Rolling Stones») родились в годы войны или перед самой войной, и их взросление совпало по времени с лавинообразными изменениями в послевоенном мире. Рок музыка, неизвестная как форма музыкального искусства до Второй мировой войны, сделалась своеобразным маркером, указывающим, что прежнее время безвозвратно ушло в историю [4, с. 208].

Характерной особенностью рок-музыки, возникшей на волне протестного молодежного движения 1960-х годов, стала особая энергетика, совместно создаваемая музыкантами и слушателями во время концертов. Стремление исполнителей сделать слушателей участниками шоу, дать им возможность выплеснуть спонтанный заряд энергии, создавало особую наэлектризованную атмосферу.

Рок-культура может быть интерпретирована как проявление постмодерна на уровне стиля жизни и мировосприятия. Каждому из векторов развития рок- культуры соответствуют формы, связанные с определенным стилем жизни (хиппи, панки, металлисты, готы и др.). В отличие от них в субкультурах фанатов тех рок-групп, которые существовали ранее, и от которых остался лишь фон звукозаписей, отсутствует отчетливо-выраженное социальное измерение.

Рок-музыка, как уже отмечалось, породила множество локальных субкультур. Современные направления этой музыкальной стилистики приносят новые имиджи и новые типажи в культуру повседневности. Увлечение молодежи музыкой эмо повлекло за собой рождение новой субкультуры, которая объединила в себе поклонников этой музыки и родственных жанров. В сети Интернет можно найти множество сайтов, посвященных эмо [5]. Если обобщить изложенную в них информацию, то возникнет отчетливый портрет одной из молодежных субкультур, связанных с роком. Их субкультурный имидж способен шокировать любого взрослого человека: шевелюры, выкрашенные в черный цвет, как правило, давно не мыты, челка наискось срезана бритвой и нависает над глазом, закрывая половину лба.

В целом стиль эмо интересен в анализе эволюции отечественной рок- культуры тем, что это рок для тинэйджеров. Отметим, что

в отечественной рок-культуре именно к аудитории тинэйджеров впервые обратился В. Цой. Но в отличие от эмо его рок-композиции отчетливо воплощали в себе контркультурную тенденцию.

Герой рок-композиции В. Цоя значительно моложе поэтических персонажей Б. Гребенщикова и М. Науменко и нарочито неинтеллигентен. Герой В. Цоя более всего походит на допризывника-тинэйджера, которого распирают безадресные агрессивные импульсы, крайнее недовольство всем и вся и даже злобность (например, композиции «Бездельник», «Мама анархия», «Мои друзья»). Его стихия — тусовка, портвейн, бесцельное блуждание по городу или ночное сидение с друзьями в тесной кухне до рассвета («Пачка сигарет», «Последний герой», «Просто хочешь ты знать»). Подстать герою и его возлюбленная-школьница (композиция «Восьмиклассница»).

Начиная с 1986 года в прессе непрерывно публиковались статьи, посвященные «неформалам», причем отечественная рок-музыка, «русский рок» преимущественно интерпретировались журналистами в политизированном ключе как песни борьбы и протеста. Рок-музыка получила в этот период достаточно широкий доступ в радиоэфир и на телевидение.

Из большого разнообразия направлений и стилей в рок-культуре, имеющих смешанный характер в начале 2000-х годов выделились относительно устойчивые культурные формы, ценностно-фундированные, связанные с определенным стилем жизни. Субкультурные сообщества, представляющие эти формы — хиппи, панки, металлисты. Музыка — важнейшая составляющая досуга этих молодежных объединений, члены которых не только имеют собственные слушательские предпочтения, но и занимаются музицированием — сочинением музыки.

Исключительное богатство социомузыкальных практик отечественной рок-культуры 2000-х годов выступает основой формирования различных субкультур в среде молодого поколения. Следствием этого явилось возникновение инфраструктуры, обслуживающей рок-культуру и ассоциирования с ней субкультурные сообщества — дизайнеры одежды, мастера визажа и причесок, моделируют субкультурные стили, на телевидении функционируют молодежные музыкальные каналы, демонстрируются в интерактивном режиме рок-клипы. Контркультурный компонент «русского рока» утратил в настоящее время свою актуальность; тем не менее субкультура рока продолжает существовать на границе официальной культуры, служит своеобразным барометром протестного потенциала молодежной среды, чутко реагирующей на общественные изменения в стране.

Список литературы:

1. Иконникова С. Н. Молодежь и культура / С. Н. Иконникова. — М.: Знание, 1989. — 63 с. — (Библиотечка «Советская молодежь 80-х»)
2. Левикова С. И. Молодежная субкультура: учеб. пособ. / С. И. Левикова. — М.: Фаир-пресс, 2004. — 608 с.
3. Никитина О. Э. Русский рок: к проблеме научной дефиниции// Парадигмы: сборник статей молодых филологов — Тверь: 2003., С. 51—52
4. Суртаев В. Я. Социокультурное творчество молодежи: методология, теория, практика / В. Я. Суртаев; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб.: СПбГУКИ, 2000. — 208 с.
5. Усманова А. Р. Маргинальность [Электронный ресурс] / А. Р. Усманова // Новейший философский словарь. — 3-е изд., исправл. — Минск : Книжный Дом. 2003. — (Мир энциклопедий). — Электрон, дан. — Режим доступа: [http://slovari.yandex.ru/dict/phil diet](http://slovari.yandex.ru/dict/phil_diet). — Загл. с экрана.

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОЙ АРХИТЕКТУРЫ КРАСНОЯРСКА В УСЛОВИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАСТРОЙКИ

Меркулова Мария Евгеньевна

канд. искусствоведения, доцент СФУ, г. Красноярск

E-mail: Merkulova55@mail.ru

Меркулова Мария Михайловна

аспирант, СпбГАСУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: Mariamerkulova@mail.ru

История Красноярска началась с постройки в 1628 г. деревянного острога, просуществовавшего до пожара 1773 г., уничтожившего оборонительные укрепления и большую часть жилых домов. Дерево продолжало оставаться основным строительным материалом при восстановлении города после пожара и вплоть до начала XX века. Хотя дерево постепенно утратило свое значение как строительный материал для крупных городских сооружений, оно оставалось незаменимым в строительстве жилых домов и хозяйственных построек. Даже после очередного опустошительного пожара 1881 г., строительство жилых домов велось преимущественно из дерева [1, с. 156—170].

Процесс признания не только исторической, но и архитектурно-художественной ценности зданий, построенных в Красноярске в XIX — начале XX в., начался в семидесятых годах XX в. Появились первые списки памятников искусства и архитектуры. Так «Перечень архитектурных памятников г. Красноярска республиканского и местного значения, подлежащих охране» составленный в 1975 году, включал 1 архитектурный памятник республиканского значения (Покровская церковь) и 29 памятников местного значения. В этот список не было включено ни одного деревянного здания, что свидетельствует о недооценке в то время архитектурно-художественных качеств деревянной городской застройки.

Деревянные дома постепенно исчезают из застройки Красноярска. К настоящему времени малоэтажная деревянная застройка XIX — начала XX вв., почти полностью заменена на многоэтажные здания, что

существенно изменило облик исторической части города, утратившей значительную долю своеобразия.

Земельные участки в историческом центре имеют большую ценность. Идет интенсивная застройка внутриквартальных пространств, продолжается снос старинных деревянных зданий. Территории, занимаемые исторической деревянной застройкой, представляют огромный интерес для частных (или государственно-частных) застройщиков, стремящихся перестроить старый жилой фонд независимо от его культурной ценности. Разрушение деревянного наследия происходит из-за общественного непонимания его ценности, естественных процессов старения, нежелания горожан жить в обветшавших зданиях без нормальных удобств.

Необходимость реконструктивных мероприятий несомненна, но при этом необходимо учитывать архитектурно-художественную и градостроительную ценность не только отдельных памятников архитектуры, но и рядовой застройки, играющей важную роль в формировании облика отдельных участков города [4, с. 7—15].

Весь комплекс исторической деревянной застройки можно разделить на три основных группы.

1. Изолированные объекты, уцелевшие в массивах новой застройки.

Как правило, это постройки, имеющие историческую и архитектурно-художественную ценность.

Примерами таких объектов являются усадьба Суриковых с жилым домом и хозяйственными постройками (музей-усадьба В. И. Сурикова, ул. Ленина, 98); бывший дом купца И. И. Токарева (дом-музей П. А. Красикова, ул. Ленина, 124), особняк Цукермана (Литературный музей г. Красноярска, ул. Ленина, 6б). Эти дома являются объектами культурно-просветительского назначения, связанными с именами известных деятелей истории и культуры. В то же время они являются интересными образцами стилевых направлений, нашедших отражение в архитектуре Красноярска XIX — начала XX вв. [2, с. 33, 94].

2. Рядовая застройка, формирующая локальные зоны, включающие признанные памятники архитектуры. Такая застройка имеет градостроительную ценность, являясь пространственной средой памятников архитектуры

Например, несколько деревянных жилых домов по улице Вейнбаума (№ 21, 23, 25), формируют застройку, прилегающую к участку, на котором расположено здание бывшей губернской мужской гимназии (ул. Ленина, 70/ул. Вейнбаума, 38). В комплексе с этим зданием жилые дома составляют достойный сохранения исторический пласт городской среды.

Дом Потехина (ул. Вейнбаума, 21) — объект, ценный с точки зрения истории (связан с именем архиепископа Луки, в миру В. Ф. Войно-Ясенецкого), обладающий архитектурно-художественными достоинствами — в оформлении его фасадов используется пропильная и накладная резьба. Дом Юшкова (ул. Вейнбаума, 23, 1821) — редкий образец жилого дома, построенного в соответствии с образцовыми проектами начала XIX в. [2, с. 29,85].

Не так давно был разрушен деревянный 2-х этажный доходный дом, который находился в пространственно-композиционной связи со зданием детской художественной школы им. В. И. Сурикова (бывшее уездное училище, в здании которого при содействии В. И. Сурикова была организована первая рисовальная школа Сибири). Дом являлся своеобразной масштабной поддержкой одноэтажному зданию школы, окруженному современной высотной застройкой.

3. Рядовая застройка, образующая целостные фрагменты фронта застройки улиц.

Примером такой застройки является квартал между улицами Горького и Декабристов, расположенный в центральной части города и примыкающий к городскому парку.

Деревянные двухэтажные дома, формирующие фронт застройки по улице Горького, являются ярким примером жилой застройки начала XX в. Хорошо сохранившийся фасадный декор этих зданий включает характерные для Сибири крупные наличники с объемной, пропильной или комбинированной резьбой. Не менее интересен фронт застройки по ул. Декабристов, образуемый зданием костела (1910—1911) и двухэтажными деревянными домами. Застройка квартала имеет высокую научно-историческую и художественную значимость.

Группа двухэтажных деревянных домов (№ 88,86,84) образует протяженный фронт застройки ул. Ленина. Дома с разнообразным архитектурно-художественным оформлением фасадов (наличники оконных проемов, карнизы, фронтоны с резным заполнением) являются типичными образцами доходных домов начала XX в.

Не все деревянные дома, образующие средовую деревянную застройку равноценны по архитектурно-художественным качествам, многие из них давно утратили элементы фасадного декора, требуют капитального ремонта. Постепенно здания приходят в такое состояние, когда ремонт попросту становится невозможным. В некоторых случаях при реконструкции территорий с такой застройкой целесообразно сохранение практики малоэтажного индивидуального строительства в целях сохранения своеобразной ландшафтной ситуации.

Например, деревянная застройка Николаевской слободы, расположенная по юго-восточному склону Афонтовой горы, является частью выразительного городского ландшафта, просматриваемого из исторического центра. Благодаря малоэтажной застройке слободы из нее открывается прекрасный вид на р. Енисей. При реконструкции территории возможно сохранение «памяти места» в виде отдельных исторических зданий, интересных деталей фасадного декора, которые могут быть использованы в новом строительстве.

Для эффективной реконструкции зданий и территорий, предполагающей максимально возможное сохранение исторической деревянной застройки, должна быть сделана оценка всех входящих в нее объектов с точки зрения их научной, историко-культурной, градостроительной, архитектурной и художественной ценности.

Необходимо комплексное научное исследование, задачей которого будет обоснование хронологических границ этапов развития деревянной архитектуры Красноярска с XIX по начало XX в.; выявление особенностей объемно-планировочной организации территорий исторической деревянной застройки; разработка типологии объемно-планировочных решений и декора деревянных зданий.

На основании данного исследования может быть уточнен и дополнен список объектов культурного наследия, входящих в историческую деревянную застройку, сформулированы рекомендации по их дальнейшему использованию.

Местная архитектурная культура должна сохраняться, поддерживаться и даже воспроизводиться в условиях современного общества. Новое развитие городских территорий должно дополнять и поддерживать историческую деревянную застройку, сохранение которой решает задачу интеграции культур прошлого и настоящего в многообразной живой городской среде.

Список литературы:

1. Градостроительство Сибири. — Санкт-Петербург: Коло, 2011. — 784 с.
2. Меркулова М. Е. Архитектура Красноярска XIX — начала XX века. Стилиевые характеристики: дис. ... канд. искусствоведения /Красноярск — М., 2005. — 224 с.
3. Меркулова М. Е. Проблемы сохранения историко-культурного наследия г. Красноярска / Достижения науки и техники — развитию сибирских регионов: сб. материалов II всероссийской науч.- практич. конф. с международным участием. — Красноярск: КГТУ, 2000. — С. 192—193.
4. Регамэ С. К., Брунс Д. В., Омеляненко Г. Б. Сочетание новой и сложившейся застройки при реконструкции городов. — М.: Стройиздат, 1989. — 142 с.

ЗНАЧЕНИЕ РЫБИНСКОГО МУЗЕЯ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ДЕСТИНАЦИИ

Отт Лариса Викторовна

заместитель директора, Рыбинский музей-заповедник, г. Рыбинск

E-mail: ott@rybmuseum.ru

Россия обладает обширной территорией с большим количеством регионов и областей, идентичность и уникальность которых, вызывает все больший интерес как внутри страны, так и за ее пределами. В настоящее время перед российским обществом остро стоит проблема сохранения и развития культурной среды провинции. Региональная культурная идентичность, по мнению В. Ю. Дукельского, «это не что иное, как переведенные на современный язык наследие и сегодняшние, рождающиеся на наших глазах, культурные практики» [2, с. 16]. Не случайно, вопрос о приоритетах развития, которые будут определять лицо регионов в среднесрочной и долгосрочной перспективе выдвигается на первый план в условиях глобализации [1, с. 28]. Обращение к наследию выглядит закономерным, поскольку именно городские традиции и историческая культурная практика населения служат источником образов, формирующих неповторимое лицо того или иного города [2, с. 269].

В начале 2010 года специалистами Ярославского Центра изучения общественного мнения «ЦИОМСИ» был проведен экспертный опрос 50 представителей региональной и интеллектуальной элиты области. В своих взглядах на перспективу относительно развития региона подавляющее большинство экспертов высказались за следующие направления:

- туристическое (24%);
- историко-культурное (20%);
- инвестиционное (18%);
- экономическое (17%)

Богатое историческое наследие, выгодное географическое положение, архитектурно-исторические достопримечательности, значительный туристический потенциал — таковы наиболее очевидные для экспертов преимущества Ярославского региона. Общий «вес» высказываний об уникальном архитектурно-историческом наследии, «ярославской старине» в структуре ответов респондентов составил 84%, значительно превышая долю других показателей [7]. В Стратегии социально-экономического развития Ярославской

области до 2030 года туризм отнесён к числу приоритетных направлений развития региона [6].

Старо-освоенные районы имеют потенциал для формирования уникального имиджа, туристского продукта комплексного характера. К числу таких территорий относится Ярославская область, под комплексностью в данном случае понимается возможность одновременного удовлетворения как наиболее типичных (познавательный туризм), так и специфических (технотуризм, туризм этнографического направления) рекреационных потребностей людей [5].

В цепочке верхневолжских городов региона — древний Рыбинск, обладающий уникальными историко-культурными достопримечательностями, различными природными объектами, являющийся одним из региональных центров науки и авиастроения. Первое летописное упоминание о поселении, расположенного по берегам рек Волги и Шексны, относится к 1071 году. Из «Повести временных лет» следует, что поселение называлось Усть-Шексна и было крупным торгово-ремесленным центром. После татаро-монгольского нашествия поселение возродилось на правом берегу Волги с новым названием Рыбная слобода, о чем упоминается в летописи 1504 года. Особенности географического положения Рыбной слободы способствовали её становлению в XVIII — XIX веках как важнейшего перевалочного пункта на Верхней Волге, в дальнейшем богатого купеческого города Рыбинска — столицы бурлаков и провинциального предпринимательства. Предприимчивость, торговая деятельность рыбинских купцов дала мощный толчок развитию промышленности. Некоторые предприятия, основанные в XIX — нач. XX вв. стали предшественниками современных промышленных производств. Органично вплетаются в историю города фестивали и праздники: «Рыбинская рыбалка», «Рыбинская земля», «День города», «День купца», Международный хоровой фестиваль имени В. Соколова и другие. Неотъемлемой частью жизни Рыбинска стали спортивные соревнования международного уровня, в том числе проводимые в Центре спорта и отдыха «Дёмино».

Для конструирования привлекательного имиджа Рыбинска, необходимо объединить богатое историко-культурное наследие и современные достижения, формируя самобытный колорит территории, используя положительный опыт Мышкина, Углича, Тутаева и Переславля-Залесского [8, с. 122—123]. Анализ местного контекста, истории, традиций, современных явлений, поиск особенностей, характерных только для данной территории, дает возможность создать

образ территории, необходимый как для проживающих на ней, так и для приезжих (туристов, инвесторов и т. п.) [4, с. 119].

Основанный в 1910 году музей в Рыбинске как институт социальной памяти, на протяжении столетия собирает, хранит, изучает и транслирует историко-культурное наследие региона. В настоящее время Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник — один из крупнейших на Верхней Волге. В музейное собрание вошли коллекции богатейших дворянских усадеб и нескольких ликвидированных музеев Ярославской губернии, уникальные экспонаты из государственного музейного фонда и дары местных краеведов.

Научно-исследовательская деятельность связана с изучением Рыбинска в контексте общей истории страны. Музей в настоящее время имеет возможность показать не только развитие экономики и социальной сферы, но и многообразные аспекты культурной жизни региона. Занимая активную позицию в жизни города, музей был и остается востребованным местными жителями и гостями города.

Формированию привлекательного туристического имиджа дестинации способствует расширение музейного пространства за счет создания филиалов, которые отражают уникальность территории. В сентябре 1990 года состоялось открытие Мемориального Дома-музея академика Алексея Алексеевича Ухтомского. Экспозиционные залы Музея Мологского края, открытого в 1995 году, посвящены природному и культурно-историческому наследию Молого-Шекснинского междуречья, которое в 40-х гг. XX в. оказалось затопленным в результате создания Рыбинского водохранилища.

С 1991 года на территории современного Рыбинска ежегодно проводятся археологические изыскания, в результате которых в музей поступило свыше 4000 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда. В 2004 г. была издана книга «Тысячелетия вокруг устья Шексны», на страницах которой отражена многовековая история территории. Серия иллюстрированных брошюр по истории дворянства Рыбинского края в XVIII — XIX веков раскрывает слабоизученные страницы истории и культуры, связанные с усадебным бытом.

С 1994 года совместно с Ярославским государственным университетом имени П. Г. Демидова на базе музея-заповедника ведет работу региональная научная конференция «Золотаревские чтения». Краеведческие чтения затрагивают широкий круг вопросов, связанных с изучением истории, археологии, этнографии, культуры, экологии, архитектуры, письменности Верхнего Поволжья. Особое внимание

уделяется изучению музейных коллекций и исследованиям в области музееведения.

В настоящее время собрание Рыбинского музея-заповедника насчитывает более 120 тысяч экспонатов и отличается большим разнообразием: русская и зарубежная живопись и графика, в том числе фамильные портретные галереи, мебель, оружие, фарфор, стекло, бронза, коллекция иконописи, археологические находки и останки ископаемых животных. В экспозиции русского искусства выставлены работы знаменитых мастеров XVIII — начала XX вв.: И. Я. Вишнякова, И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина, З. Е. Серебряковой, Н. К. Рериха, практически полностью представлена портретная галерея графов Мусиных-Пушкиных. Экспозиции основного здания музея рассказывают об истории богатого торгового города, о посещении его в 1767 г. Екатериной Великой, о труде бурлаков, о жизни и деятельности его «знаменитостей» — известных всему Поволжью купцов, о судьбе ярких представителей дворянства и их усадьбах. Выставочные проекты музея посвящены знаменательным событиям городской жизни прошлого и современности, юбилейным датам из истории предприятий, организаций и выдающихся деятелей дестинации.

Проблематика культуры региона безгранична в диахронном и синхронном параметрах. Она включает весь комплекс жизнедеятельности в связях с отечественной и мировой историей, культурой, этнографией, социологией, народным и профессиональным искусством [3, с. 43]. Локальный менталитет, научные изыскания и творческие идеи соединяются при формировании многокомпонентной системы наследия и в процессе деятельности по реализации культурного потенциала городской среды [2, с. 269]. Для успешной реализации возможностей Рыбинского музея по формированию культурной компоненты дестинации, он должен расширить свои границы для сотрудничества с различными целевыми аудиториями потребителей, в том числе с местным сообществом. Удачным примером диалога музея с молодежью региона стала акция «Ночь музеев — 2011», посвященная Международному дню музеев и Году российской космонавтики. В программе праздника состоялся молодежный конкурс граффити «Art in time», впервые проводимый в пространстве Рыбинского музея-заповедника, выступление Городского клуба авторской песни, молодежных поп и рок-групп, дефиле в космических нарядах, боди-арт, мастер-класс по фризлайту, выставка «Геометрия природы», игра-путешествие, в которой приняли участие более 1000 человек.

В процессе взаимодействия музей может формировать и транслировать как информацию, так и некие ценности, определяющие значимость тех или иных предметов, явлений в жизни общества. Тем самым он получает возможность воздействовать на чувство сопричастности, единения с территорией. Кроме того, музей может способствовать формированию и усвоению моральных норм, принципов, по возможности, положительно влияя на окружающее сообщество, что, в конечном счете, способствует формированию положительного имиджа города [4, с. 127—128].

Список литературы:

1. Востряков Л. Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели // Серия: Культурные стратегии: Экспертный клуб : Сборник «Культура на границах» выпущен по материалам семинара Выпуск 2 / сост. Е. В. Зеленцова — М.: Институт культурной политики, 2004. — 56 с.
2. Дукельский В. Ю. Музей и регион : Сборник статей / Отв. ред. А. В. Лебедев. Сост. В. Ю. Дукельский — М.: Российский институт культурологи, 2011. — 336 с.
3. Казаринова Н. В. Культурный потенциал исторических территорий Пермского края и использование его в интересах местного сообщества // Музей в культурном пространстве XXI века: формирование культурно-исторического наследия и имиджа регионов: материалы Всероссийской научно-практической конференции — Пермь: ГУК «Пермский краевой музей», 2008. — 244 с.
4. Лобанова В. Музей как фактор развития территории // Музей и регион : Сборник статей / Отв. ред. А. В. Лебедев. Сост. В. Ю. Дукельский — М.: Российский институт культурологи, 2011. — 336 с.
5. Нуртдинова А. М. Туризм и культурное наследие. Культурно-ландшафтный подход как новый метод создания турпродукта. Межвузовский сборник научных трудов. [электронный ресурс] — <http://www.tourlib.net>
6. Областная Целевая Программа развития туризма и отдыха в Ярославской области на 2011—2014 годы. Портал органов государственной власти Ярославской области. [электронный ресурс] — <http://www.yarregion.ru>
7. Смотряева А. Политический имидж Ярославской области. [электронный ресурс] — <http://www.ci-journal.ru>
8. Фоменко С. А. Репутационный капитал как стратегический ресурс развития территории // Инновации. Бизнес. Образование — 2010: Сборник материалов Международного форума — Ярославль: Академия МУБиНТ, 2010. — 234 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО ИСТОЧНИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ СОХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

Шейкина Елена Леонидовна

*студентка II курса, Калининградский филиал РАНХ и ГС,
г. Калининград*

E-mail: Elena2911xx@mail.ru

Воротников Александр Михайлович

зам. начальника управления, Центр ГЧП Внешэкономбанка, г. Москва

E-mail: ydep14@yandex.ru

Культурно-познавательный туризм (КПТ) является важнейшим средством активизации потенциала культурно-исторических центров и обеспечения сохранности памятников исторического наследия. В Стратегии долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. и Основных направлениях деятельности Правительства РФ на период до 2012 г. [1] одним из приоритетных направлений государственной политики, направленной на улучшение качества жизни населения, признано развитие инфраструктуры отдыха и туризма, включая содействие развитию КПТ.

По оценкам Всемирной туристской организации, КПТ является одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся видов туристской деятельности в мире. Например, в США доля КПТ составляет до 81% от общего числа внутренних туров. В странах Евросоюза эта доля уже сейчас составляет 24%, а по экспертным оценкам, через 10 лет она достигнет 50% от общего числа внутренних туров.

В условиях недостаточности бюджетного финансирования объектов культуры привлечение средств частного сектора экономики в процессе реализации программ КПТ может стать основным финансовым рычагом для обеспечения сохранности и защиты памятников истории и культуры. Как показывает мировой опыт, КПТ является одним из наиболее действенных механизмов такой защиты. Собственно, механизм понятен - привлекательность объекта наследия увеличивает туристский поток, а это, в свою очередь, влечёт за собою увеличение инвестиций и доходов, часть которых может и должна быть использована на содержание объекта наследия.

Однако средства предпринимательских структур не смогут решить всей проблемы. В первую очередь инициатива должна исходить от

органов государственного и муниципального управления (ОГМУ), т. к. именно они являются определяющим звеном в цепочке мер по обеспечению сохранности памятников истории и культуры (определение объекта, выработка мер сохранения памятника культурного наследия в процессе его эксплуатации, определение способов привлекательности для привлечения инвестиций бизнеса и т. д.) [2].

Основные культурно-исторические объекты Калининградской области это в первую очередь около 2 тыс. памятников архитектуры XIII—XIV веков. На всей территории России такого культурного достояния средневековья, собранного в одном месте, не сохранилось. Это наиболее многочисленная и разнообразная категория культурно-исторических объектов региона. Среди них можно выделить памятники археологии (древние поселения, погребения, курганы, одиночные памятники), светские сооружения (поместья, усадьбы и усадебные комплексы) и культовые сооружения (храмы, кирхи, замки, крепости, исторические центры городов и т. д.). В настоящее время на территории области зарегистрировано 1853 таких объекта. К сожалению, только 786 из них состоят на государственном учете.

Однако следует отметить, что состояние большинство историко-культурных объектов находится в плачевном состоянии. Так, например, в Калининградской области на сегодняшний день лишь 28 % таких объектов отреставрированы, и только 20 % из них включено в туристическую инфраструктуру и культурную деятельность. Если необходимо увеличить количество туристов, прибывающих в регион, то необходимо менять архитектурную политику, в том числе в части застройки исторических центров городов области.

Необходимо учитывать то, что КПП и развитие туристской инфраструктуры культурно-исторических центров для актуализации их потенциала является важнейшей стратегической задачей для Российской Федерации. Решение этой задачи требует привлечение достаточно серьезного количества финансовых средств. Средства бюджетов всех уровней, инвестиционного фонда и банков развития ограничены. Поэтому создание новых инструментов финансирования на разных уровнях власти в современных условиях остро необходимо.

Механизмы ГЧП являются базовой конструкцией привлечения внебюджетных инвестиций в развитие различных типов инфраструктуры и объектов непродовольственных отраслей. В общих чертах ГЧП принято определять как возможность вовлечения частного сектора в зону ответственности государства.

Существует много разных вариантов определения ГЧП. Однако хотелось бы дать более конкретное определение ГЧП, носящее в себе элемент инструктивности — кто начинает, кто делает проект и т.д. ГЧП — это привлечение на контрактной основе органами власти частного

сектора для более эффективного и качественного исполнения задач, относящихся к публичному сектору экономики, на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств, компетенций.

В связи с изложенным предлагается рассмотреть основные элементы модели ГЧП с точки зрения сохранения историко-культурных объектов:

1. ГЧП в сфере культуры и развития КИПТ — это привлечение органами власти на контрактной основе и на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств и компетенции частного сектора для более эффективного и качественного исполнения задач органов государственной власти в области развития, сохранения, реставрации и популяризации памятников истории и культуры, сохранения и развития культурно-национальной самобытности народов Российской Федерации, создание благоприятных условий для развития туризма, а также содействие повышению привлекательности посещаемости России в туристических целях в мировом сообществе.

ГЧП в области развития, сохранения, реставрации и популяризации объектов культурного наследия может быть реализовано в отношении памятников, являющихся объектами недвижимости, предусматривать консервацию, реконструкцию, реставрацию и эксплуатацию памятников и прилегающих к ним территорий, инфраструктурную застройку территорий, прилегающих к памятникам, управление историко-культурными комплексами.

2. Для реализации проектов ГЧП в отношении данных объектов можно использовать следующие организационно-правовые модели:

а) *концессия*

Организационная схема концессионной модели следующая:

- ОГМУ, являющийся собственником объекта культурного наследия, проводит конкурс на выбор частного партнера. Конкурс проводится в соответствии с Федеральным законом от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Концессионное соглашение, как правило, заключается на достаточно продолжительный срок (например, на 49 лет) для обеспечения окупаемости проекта;

- финансовая организация выдает победителю концессионного конкурса целевой кредит, и проект развивается по схеме проектного финансирования. Обеспечение кредита осуществляется государственными гарантиями, выдаваемыми ОГМУ - концедентом;

- концессионер осуществляет реконструкцию, реставрацию объекта концессии, строительство необходимой инфраструктуры, принимает объект концессии на свой баланс на праве владения и пользования, эксплуатирует, получает прибыль, возвращает кредит.

б) *долгосрочное бюджетное обязательство в рамках долгосрочной целевой программы (ДЦП)*

Реализация проекта ГЧП по данной модели осуществляется в следующем порядке:

- орган государственной власти принимает ДЦП о реконструкции, реставрации объекта культурного наследия, строительстве необходимой инфраструктуры, а также определяет график финансирования проекта из бюджета, например, на 40 лет;

- орган государственной власти проводит конкурс на размещение госзаказа на выполнение предусмотренных ДЦП мероприятий и работ в порядке Федерального закона № 94-ФЗ о государственных закупках и заключает государственный контракт на выполнение этих работ;

- выигравшая конкурс организация получает кредит в банке и выполняет предусмотренные работы за короткий срок;

- в качестве обеспечения исполнения обязательств перед победителем конкурса и банком на реконструированные и построенные объекты оформляется залог, также могут выдаваться государственные гарантии;

- орган государственной власти передает объект для эксплуатации профильной организации (государственному учреждению), при этом прибыль поступает в бюджет субъекта РФ (муниципалитета) для погашения долга по государственному контракту перед подрядчиком. Подрядчик возвращает кредит банку.

с) при реализации инвестиционных проектов в области реконструкции, реставрации и использования объектов культурного наследия могут применяться и *иные организационно-правовые схемы*, с учетом следующих моментов:

- при моделировании отношений государства и частного партнера через заключение договора аренды с инвестиционными условиями, договоров аренды с правом выкупа, договоров доверительного управления и т.д., необходимо иметь в виду, что в соответствии с Федеральным законом от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» заключение договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, осуществляется на торгах, при этом до принятия соответствующего порядка проведения конкурса или аукциона на право заключения таких договоров применяется порядок проведения конкурса, предусмотренный Федеральным законом «О концессионных соглашениях», а для проведения торгов применяется порядок, установленный Федеральным законом «О приватизации государственного и муниципального имущества»;

- конструкция договора доверительного управления имуществом направлена на осуществление профессионального оперирования имуществом в интересах его собственника за вознаграждение и не

позволяет гарантировать доверительному управляющему — инвестору возврат вложенных средств в имущество;

- при приватизации (акционировании) объектов культурного наследия с сохранением в государственной (муниципальной) собственности доли акций акционерного общества объекты культурного наследия переходят в частную собственность, при этом инвестиционный проект может реализовываться по модели привлечения кредита для целей реконструкции, реставрации, строительства созданным акционерным обществом с передачей его имущества в залог.

Реализация этих проектов требует значительных средств. В соответствии с Федеральным законом «О Банке развития» [3], Меморандумом о финансовой политике Внешэкономбанка одним из приоритетов его деятельности является использование инструментов ГЧП. Одним из важнейших стратегических ориентиров Внешэкономбанка на период 2008—2012 гг. является обеспечение доли проектов, финансируемых на принципах ГЧП, в портфеле проектов банка на уровне не ниже 30 % от совокупного объема финансируемых Внешэкономбанком проектов.

Для реализации задач Банка в области ГЧП создан Центр ГЧП Внешэкономбанка. Деятельность его направлена на создание и поддержку рынка проектов ГЧП в регионах России. Формирование рынка проектов ГЧП должно происходить в соответствии с отраслевыми и региональными стратегиями развития, при этом основным механизмом их реализации будет запуск тендеров на заключение контрактов ГЧП и их последующее выполнение.

Ответственность за организацию проектов ГЧП лежит на ОГМУ. В этой связи важнейшими партнерами Внешэкономбанка являются региональные или муниципальные органы власти, ответственные за организацию проектов ГЧП.

Таким образом, реализация механизмов ГЧП позволит привлечь альтернативное, внебюджетное финансирование для сохранения объектов историко-культурного наследия.

Список литературы:

1. Стратегия долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года (утв. Постановлением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р).
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О Банке развития»

2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «НЕБО И НЕБЕСНЫЕ СВЕТИЛА» КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ПОЭЗИИ И. А. БУНИНА 1900—1910-Х ГОДОВ

Богданова Наталия Викторовна

*канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков СПбГИПСР,
г. Санкт-Петербург*

E-mail: bogdanovan07@mail.ru

В последние десятилетия лингвистическая наука активно развивается в рамках новой научной парадигмы, получившей название когнитивной. Возникновение лингвокогнитологии привело к широкому использованию в лингвистических исследованиях термина концепт. Проблема изучения художественного и текстового концептов рассматривается в работах многих современных лингвистов (М. Р. Проскуряков, В. В. Красных, И. А. Тарасова, Л. В. Миллер).

При определении термина концепт мы принимаем определение Е. В. Сергеевой [3, с. 95] и считаем, что художественный концепт — индивидуально-авторское осмысление общих ментальных сущностей, выражающееся в оригинальных способах вербализации на основе индивидуальной системы оценок и ассоциаций.

Работа посвящается описанию концепта «Природа», значимого не только для творчества И. А. Бунина, но и для концептосферы русского языка в целом. Представление о языке писателя как о лингвокультурном феномене позволяет установить специфику употребления речевых средств, выявить закономерности и особенности их организации и функционирования, а это, в свою очередь, позволяет сделать выводы о мировоззрении автора, об особом художественном видении мира. В качестве одного из путей исследования индивидуально-авторской картины мира рассмотрим процесс вербализации лексем в художественных текстах этого автора, входящих в ассоциативно-семантическое поле концепта «Природа».

В поэтическом творчестве И. А. Бунина, как правило, преобладает лексика, объективирующая концепт «Природа» с помощью прямых номинаций, что связано с особенностями бунинского восприятия окружающего мира.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «Небо и небесные светила» — одно из важнейших в поэтическом творчестве И. А. Бунина, его номинанты являются значимыми вербализаторами концепта «Природа». Образ неба — один из важнейших образов в поэтическом творчестве поэта. Это прослеживается не только в использовании языковых средств при описании небесного пространства, но в частотности употребления лексических единиц семантического поля «Небо и небесные светила» (455 употреблений).

Среди слов, относящихся к семантическому полю «Небо и небесные светила», наиболее частотна основная лексема — лексема *небо* (в прямом значении — 72 номинации, в переносном — 14), ее дериват *небеса* (38 прямых номинаций и 1 в переносном), а также синонимы *небосклон* (12/1), *небосвод* (5) и *свод небесный* (1). За ней следует лексема *солнце* (71/5), номинанты, обозначающие луну, — *луна* (50/14), *месяц* (15/7) и номинанты, обозначающие *звезды* (42/28), *созвездия* (10/2), *планеты* (2 образные номинации), *облако* (25/3), *туча* (24/5).

Лексема *небо* в творчестве И. А. Бунина выступает в разных контекстах, она употребляется, когда речь идет о месте происходящих событий или, напротив, когда кто-либо/что-либо устремляется к небу (*На небе плыл густой туман [1, с. 147]*).

Цветовая характеристика дневного неба не отличается многообразием и коррелирует с восприятием цвета неба, присущим типичному носителю русской языковой картины мира. Так, И. А. Бунину небесное пространство видится только в оттенках синего цвета. Он употребляет при описании прилагательные синее, ярко-синее, голубое, лиловое, а также существительное бирюза (*В верхних стеклах — небо ярко-синее [1, с. 123]; Раскрылось небо голубое [1, с. 98]*).

Вместо лексемы *небо* И. А. Бунин часто употребляет перифразы: *лазурь голубая, простор голубой, синяя вышина или купол синий*. Тавтологическое сочетание голубая лазурь усиливает сему «цвет», а словосочетание купол синий — традиционный троп (*Березы желтою резьбой//Блестят в лазури голубой [1, с. 84]; Уйти и чувствовать, что ты – пигмей и царь,//Что над тобой, как храм, воздвигся купол синий [1, с. 119]*).

Иногда И. А. Бунин актуализирует сему «размер». Автор называет небо бездонным, подчеркивая его необъятные размеры

(*В бездонном небе легким белым краем //Встает, сияет облако [1, с. 246]*).

Употребляя лексему *небо* в синтагматической связи с аксиологическими лексемами *радость, счастье, прелесть*, писатель объективирует ценностно-оценочный слой концепта «Природа», значимой составляющей которого является лексема *небо* (*Что прелесть этих чистых красок//Словами выразить нет сил, //Что только небо – только радость//Я целый век в душе носил [1, с. 165]*).

Среди экспликантов ЛСП «Небо и небесные светила» на втором месте по частотности стоят лексемы, обозначающие солнце. Наиболее употребительна лексема *солнце* в прямом и переносном значениях, а также словосочетания с её дериватом *солнечный*: *солнечный свет, солнечный блеск, солнечный луч*. Приоритетным остается употребление лексемы *солнце* в ее прямом значении, лишь в некоторых стихотворениях И. А. Бунин использует метафорические образы (*И солнце шаром встает из мглы [1, с. 102]*).

Лексема *солнце*, как правило, используется автором в следующих значениях, зафиксированных в словаре Даля [2] и МАС [4]: 1) «наше небесное светило, излучающее свет и тепло», 2) «место, освещенное им» (*Днем падают капли, греет солнце [1, с. 203]*; *Спит кот на солнце у окна [1, с. 218]*).

Цветовая характеристика солнца, кроме определения золотой, ограничена оттенками красного (красный, рдяный), а в семантической структуре слова обязательно актуализируются семы «блеск», «свет», «сияние» (*Красное, лучистое//Солнце чуть сквозит [1, с. 326]*).

Эстетическая оценка концепта «Природа», значимой составляющей которого является лексема *солнце*, предопределена сочетанием данной лексемы с лексемой, имеющей безусловно положительную коннотацию, *радость* (*Он в мире радость солнца славит [1, с. 167]*).

Наряду с лексемой *солнце* И. А. Бунин использует в поэтических текстах словосочетания *солнечный блеск, солнечный свет, солнечный луч*.

Основные номинанты «ночного светила» — лексемы *луна и месяц*, менее употребительны словосочетания с прилагательным *лунный* — *лунный свет, лунный блеск* (*Луна сияла сквозь туман [1, с. 147]*; *Слева месяц над морем светил [1, с. 198]*).

Частотно контактное употребление лексем, эксплицирующих ЛСП «Небо и небесные светила», и лексем, включающих в свою семантическую структуру сему «цвет». При описании луны И. А. Бунин не отдает предпочтения какому-нибудь определенному цвету, луна может быть багряной, желтой или золотой, месяц также

бывает «в золоте» или белый (*На лиловом небе желтая луна [1, с. 325] Белый, ясный месяц — //Против белой мазанки моей [1, с. 283]).*

В анализируемых стихотворениях прием олицетворения осуществляется включением в предикативную основу предложения существительного, называющего светило, и глагола движения: *встал, глядит/смотрит, скрывается (Смотрит месяц ненасытный... [1, с. 111]).*

Образ звездного неба не менее значим для раскрытия содержания концепта «Природа» в творчестве И. А. Бунина. Автор использует не только гиперонимические, но и гипонимические номинации для обозначения звезд. Так, в его стихотворениях встречаются собственные названия созвездий и звезд, такие как, например, созвездие Ориона, Пса, Кита, созвездие Великий Лось (Большая Медведица), Млечный путь, также И. А. Бунин использовал народное название созвездия Плеяды — Стожары, названия звезд — Антарес, Мира, Полярная звезда, Юпитер, Сириус, Альдебаран, Арго, Вечерняя звезда — Венера.

Для обозначения совокупности звезд писатель употребляет форму множественного числа — *звезды*, лексему *созвездия* или индивидуально-авторские сочетания с лексемами *сонм* и *армада*, благодаря которым подчеркивается большое количество звезд, их важность в ночном небе (*Ты в сонме звезд, среди ночных огней, //Нежнее всех [1, с. 130]).*

Лексема *звезда* в стихотворениях И. А. Бунина очень часто употребляется в составе метафоры. Писатель каждый раз находит для нее новое образное соответствие. Самые частотные сравнения звезд отмечены с лексемами, входящими в содержание концепта «Человек». Это лексемы *очи, глаза, слезы, кровь, душа, ребенок*, которые могут быть как правым, так и левым элементом сравнения. Таким образом, подчеркивается антропоморфность природного феномена (*Слезую светлой искрится звезда [1, с. 103]; И кровь, звездой упавшую оттуда [1, с. 238]).*

К семантическому полю «Небо и небесные светила» принадлежат также лексема *облако* и лексема *туча*. Лексема *облако* в форме единственного числа для поэтических текстов не характерна, чаще употребляется форма множественного числа — *облака*. Эта лексема употребляется в одном контексте практически со всеми лексемами, представляющими ЛСП «Небо и небесные светила», а также с лексемами, относящимися к другим семантическим полям, например, «Стихии и природные явления». Лексема *туча* чаще всего употребляется в одном контексте с лексемами группы «Стихия огня».

Итак, в результате анализа была выявлена специфика употребления номинаций ЛСП «Небо и небесные светила» в поэтическом творчестве И. А. Бунина 1900—1910-х годов. Количество проанализированных лексем и способы их употребления позволяют говорить о том, что данное лексико-семантическое поле играет важную роль в репрезентации концепта «Природа».

Список литературы:

1. Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 1. — М.: Художественная литература, 1987. — 415 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. А/О Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. — 1380 с.
3. Сергеева Е. В. Проблема типологии концепта в современной российской лингвистике//Лингвистический и методический аспекты оптимизации обучения русскому языку в вузе. — СПб.: СПГУТД, 2005. — С. 85—91.
4. Словарь русского языка. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: «Русский язык», 1985—1988. (МАС)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СЛОВ С КОРНЕМ ДЛИН-

Куптараева Светлана Игоревна

ассистент, БирГСПА, г. Бирск

E-mail: лана_k80@mail.ru

В данной работе предпринята попытка проследить развитие переносных употреблений у слов с количественно-пространственным значением, в частности у номинаций *длина*, *длинный*, *длинно*.

Существительное *длина* имеет основное значение «протяжение линии, плоскости, тела, в том направлении, в котором две крайние его точки наиболее удалены друг от друга». Например, *Измерить длину и ширину* [3]. МАС дает также переносное значение: «продолжительность, длительность». *Длина рабочего дня*. Производное прилагательное *длинный* имеет основное прямое значение «имеющий большую длину; противоп. короткий»[3]: *Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор на степи* (Л. Толстой, Казаки). В предложении *Натasha отошла подальше, чтоб осмотреться в трюме. Платье было длинно.* — *Ей-богу, сударыня, ничего не длинно,* — сказала

Мавруша, ползавшая по полу за барьшиной (Л. Толстой, Война и мир) прилагательное *длинный* употреблено в значении «большой по длине, чем нужно» [3]. Помимо этого, этот предикат используется в значении «высокий ростом (о человеке)» с пометой «разг.»: *Однажды в школу пришел комсомолец Тарас Барабаш. Длинный, нескладный, долговязый* (Горбатов, Мое поколение).

Как и исходное существительное, прилагательное *длинный* имеет переносное значение «длительный, продолжительный» [3]. Это значение развивается у прилагательного при сочетании со словами, **характеризующими речь и бытие человека, временные отрезки (промежутки времени), звуки**: *Ханнелоре объясняет: — Эрик устаёт от длинных разговоров. Ему иногда надо передохнуть* (Улицкая, Коровья нога); *Жизнь представлялась ему длинной и осмысленной, полной нежности и самоотдачи* (Токарева, Паша и Павлуша); *Хорошо также, что имелись газовое отопление и плита, тетка прекрасно подготовилась к длинной старости* (Петрушевская, Лабиринт); *Но ведь я переживал... — Он подчеркнул слово «переживал», настаивая на длинном куске жизни, отданном страданию* (Токарева, Счастливый конец). Словарь сочетаемости предлагает следующие комбинации: *д. день, ночь, вечер, перерыв, пауза, промежуток времени, рассказ, объяснение, рассуждение, доклад, речь, песня* [6]. Возможны сочетания, построенные по модели «количественно-пространственное наречие (*долго*) + глагол»: *Петр Игнатьевич, даже когда хочет рассмешить меня, рассказывает долго, обстоятельно, точно защищает диссертацию...* (Чехов, Скучная история); *Но прошло недели три, а может, целый месяц, и Нина Аркадьевна долго и с удовольствием беседовала с Женей по телефону...* (Улицкая, Кошка большой красоты); *Новая врач, кудрявая женщина с плоским локоном слева от пробора и с немецкой фамилией, долго говорила о коллективизации, всё приговаривая: «С точки зрения текущего момента...»* (Улицкая, Медя и её дети). Сочетания, построенные по модели «количественно-пространственное существительное (*длина*) + существительное, не встретились, вместо них употребляется словосочетание: *продолжительность доклада*.

Нужно отметить, что для характеристики продолжительности жизни употребляется сочетание *длинная жизнь*, но нет дублирующих сочетаний с предикатами *длина* и *долго*. Вместо них используются слова *продолжительность* и *долго*: *продолжительность жизни; Для человечества в целом не важно, когда умер творец — молодым или старым, долго он жил или коротко* (Токарева, Мой мастер). Часто, говоря о продолжительности жизни, используют прилагательное

долгий: У тебя впереди **долгая жизнь**, и я не хочу, чтобы ты вступил в неё ленивым и **безынициативным** человеком (Токарева, Ни сыну, ни жене, ни брату).

Отсутствуют метафоры со словами, характеризующими человека по уму, знаниям, поведению, воспитанию, образу жизни. В Ассоциативном словаре [2] имеется словосочетание *длинный ум*, но это сочетание не нормативно, скорее всего, оно создано как контрастное к словосочетанию *короткий ум* — «ограниченный ум». В предложении *Среди огорода стоит и не то дремлет, не то **длинно** думает, тужась понять, почему люди так изменчивы в обращении с нею* (Астафьев, Осенние грусти и радости) наречие *длинно* употреблено в значении «долго».

Возможно создание и употребление сочетаний со словами, характеризующими чувства человека, например *длинная любовь*, но, желая сделать акцент на длительности чувства, носители чувства употребляют прилагательное *долгий*, основное значение которого «продолжительный во времени», например *долгая любовь*. Нам встретилось предложение с производным глаголом *удлинять* *Счастливая особенность психики: забывать плохое, потому что помнить — это значит продлевать, **удлинять страдания*** (Токарева, Паша и Павлуша). В БАС глагол *длиннеть* дается со значением «становиться длинным, распространяться, увеличиваться в длину» [5], например, *От сеней леса над водами, **Волнообразными рядами Длиннеет трепетная тень*** (Языков, Тригорское)

Таким образом, предикаты *длинный, длина, длинно*, сочетаясь со слова, **характеризующими речь, бытие человека, временные отрезки**, развивают значение «длительный, продолжительный», то есть происходит перенос с пространства на время.

Если же слова *длинный, длинно* сочетаются со словами, **характеризующими звуки**, например, *С треском лопнула струна и заныла **в длинном, дребезжащем звуке***... (Достоевский, Нечочка Незванова), *На станции **длинно, тонко и чисто засвистел паровоз*** (Куприн, Поединок) перенос на время сохраняется, при этом появляется дополнительный оттенок в значении — «протяжный, длительный».

Все метафорические конструкции со словами *длинный, длинно* имеют нейтральную оценку.

Объектом нашего исследования являются в основном метафоры, построенные по модели «количественно-пространственное слово + слово с отвлеченным значением». Анализ метафор со словами, обозначающими конкретные предметы, показывает, что также происходит перенос с локативной сферы на темпоральную: *Они*

неслись в горку, дорожка была скользкая, непросохшая **после длинных дождей**, и видно было, что Гришка упал... (Улицкая, Сквозная линия); Она не знала, что этот легкий диалог, как и стихи, — фрагмент **длинной культуры**, выращиваемой не год, не два, а чередой поколений... (Улицкой, Сквозная линия); **А дорога предстояла длинная**, секунд в тридцать, и что самое неприятное — осмысленная (Токарева, Счастливый конец).

В эту первую после смерти матери зиму Вера начала как-то особенно **длинно болеть**: простуды и ангины наезжали одна на другую (Улицкая, Искренне ваш Шурик)

В Системном семантическом словаре русского языка Л. М. Васильева отмечено, что прилагательное *длинный* имеет следующие синонимы: *долгий* (простор. и устар.), *протяженный*, *бесконечный* (б. ряды демонстрантов) / *нескончаемый* (н. колонны) [1]. Слова *долгий*, *бесконечный*, *нескончаемый* являются синонимами прилагательного *длинный* и в прямом значении (для характеристики чего-либо растянувшегося в длину), и в переносном (для характеристики того, что кажется чрезвычайно затянувшимся, продолжающимся очень долго), например: *Наступила осень с грязью, дождями и бесконечными вечерами*. (Мамин-Сибиряк) [4].

По сравнению с другими количественно-пространственными предикатами (*глубокий*, *высокий*) слова *длинный*, *длина*, *длинно* имеют самую ограниченную сочетаемость.

Список литературы:

1. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Выпуск 1. — Уфа: «Восточный университет», 2000.
2. Русский ассоциативный словарь в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. —Т. 1
3. Словарь русского языка т./ АН СССР, Ин-т рус. Яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. Т. 1 А-Й. 1981 (МАС)
4. Словарь синонимов русского языка в 2 тт. Т I / Гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л.: 1970.
5. Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт. Т. III — М. — Л., 1954 (БАС)
6. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: Около 2500 словарных статей / Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина; Под ред.

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО И ПРОСТРАНСТВЕННОГО АСПЕКТОВ ВЛАСТЕОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ «ЦАРЬ-ДЕВИЦА»

Румянцева Ольга Николаевна

*канд. культурологи, докторант каф. русского яз. КГУ
им. Н. А. Некрасова,*

консультант А. М. Мелерович, г. Кострома

E-mail: hudmuseum@kmtn.ru

Настоящая работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода к языку и входит в ряд исследований культурных концептов. Концепт рассматривается как единица национального менталитета (специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок языкового коллектива).

В статье представлен анализ вариантов сказки «Царь-девица». Цель анализа — определить механизмы гендерной идентификации героя/героини, подтвердить приверженность установленным образцам поведения героя/героини в нетрадиционной ситуации — невеста/девица — царь.

Сказка «Царь-девица» представлена в двух вариантах, записанных соответственно в Оренбургской и Пермской губерниях. По классификации Аарона-Томпсона, оба варианта относятся к типу № 400 («Царь-девица»). В зарубежном и восточном материале есть отдельные мотивы сюжета, но сказок, вполне ему соответствующих, нет [1, с. 419].

Связь сказок данного типа с легендами о девичьем царстве и амазонках исследовал Б. А. Рыбаков [9, с. 566—577]. Предложенный автором анализ вариантов сказок не противоречит положениям исследователя.

Нетипичным для сказочного материала является выполнение роли властвующего девушкой. При этом само сочетание *царь-девица* предполагает мужской гендерный стереотип поведения, но реализован он должен быть девичьей. Значение слова царь расположено в мужском поле: мужской род существительного царь «восходит к общеславянскому цсарь, изменившемуся в результате фонетических процессов в царь» [17, с. 483] и отличает суффиксами дочь царя — царевну (-ев-, -н-), жену царя — царицу (-иц-), сына царя — царевича

(-ев-, -ич-) [4, с. 383]. Этимология слова девица — «дитина» указывает на изначальную сущность женщины как матери: девица – суффиксально (-иц-) образовано от дева [4, с. 101]. Дева «образовано от дойти — «кормить грудью» с помощью суфф. –ва; оі > ь (совр. е). Исконное значение — «сосущая, ребенок женского пола». Корень в слове дьва — тот же, что и в дитя» [17, с. 122]. Слово дьть представляло собой суффиксальное образование от дойти (суфф. -ть): суфф. ѓт (<*ent): * дьт — et > дье > дья — со значением, вероятно, «ребенок мужского пола» [17, с. 125].

Определение «царь», вынесенное в заголовок сказки, отражает несоответствие роли-полу: «царь-девица», так как в патриархальном обществе властвует над людьми и миром мужчина. Потому исполнение роли царя девушкой ведет к исходному несоответствию гендерных ролей: девица возглавляет «тридцатое царство и руководит «тридцатью девицами, названными сестрицами» [14, с. 182] или «шестью полками», [15, с. 186], пересекает границы миров. Все эти действия становятся возможными, если по какой-либо причине отсутствуют царь, царевич и героиня вынужденно исполняет роль государя.

Для выполнения функции царя (сохранение власти, защита территории) девица должна обладать теми же качествами, что предъявляются к претендентам на власть: добродетельностью (наказанием зла = победить вражеское войско); силой (энергией смелости), волей (свободой самодеятельности). Выполнение функций власти требует от героини «преодоления» женскости за счет представления маскулинных качеств.

Так, физическая сила царь-девицы может проявляться в мощи голоса, активно призывающего к действию: «...царь-девица... быстро вскочила и закричала громким голосом: «Ай вы, корабельщики! Подымайте якоря железные, распускайте паруса тонкие и готовьтесь скорехонько плыть к Василью-царевичу...»» [15, с. 187]. Голос символизирует освоенное (подвластное) пространство [3, с. 104]. Сильный (не женский) голос героини, подчеркнутая импульсивность ее призывов не допускают возможности, какого бы то ни было сомнения в ее праве на совершение поступков, свойственных правителю. Но в то же время героиня понимает, что ее власть носит временный характер, в чем она открыто признается, обозначая цель призывов к действию: «плыть к Василью-царевичу». Помимо физической мощи героиня способна быстро преодолевать расстояния: «Понесли ее корабли по морю, словно птицы быстролетные» [15, с. 187]. Эта способность героини сопоставима с передвижением героя: также и Василий-царевич «проскакал, словно

мблоньей осветил» [15, с. 189]. Но если героине дано только (в явственной форме) преодолевать расстояние, то способ преодоления расстояния героем сразу соотносится со светом. Хотя, конечно, имплицитно и образ корабля апеллирует к солнечному свету [2, с. 167]. Лодка, ладья, корабль — мифологизированное транспортное средство, связующее мир живых с «тем светом». Кони и лодка — обычные средства передвижения Солнца в мифе [11, с. 128].

Солнечная природа отражена во внешности героя: Василий-царевич «куда прекраснее» юноши-претендента, у которого «...рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи» [15, с. 189]. Неземная (солнечная) красота Василия-царевича выделяет героя среди претендентов в женихи и делает узнаваемым для невесты. В первом варианте сказки «Царь-девица» главный герой Иван купеческий сын, тоже отличается от других претендентов красотой: «больно хорош собою» [14, с. 182].

Исходный социальный статус героя в вариантах сказки различается по сословной принадлежности: «в некотором царстве, в некотором государстве был купец, жена у него померла, остался один сын Иван» [14, с. 182], во втором варианте сказки: «в некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич» [15, с. 185]. В дальнейшем сословная принадлежность предопределяет наследственные права царевича и отсутствие прав у купеческого сына на возможность владения земным и тридесатым (подземным) царствами.

Первая встреча Царь-девицы и Василия — царевича происходит по предварительному уговору родителей и выявляет обоюдную любовь героев: «тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить» [15, с. 186]. Сердцем почувствовав суженого, предугадывая (после смерти царицы-матери) нежелание мачехи и дядьки женитьбы царевича, героиня первой объясняется в любви герою: «стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать» [15, с. 186]. В первом варианте сказки отмечается независимость чувства Царь-девицы от социального положения героя: «сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться» [14, с. 183.] В обеих версиях девушка-невеста обладает жизненной силой, символизируемой *сердцем* — в древнерусском языке (с XI века) слово сердце обозначало не только «внутренность», но и «дух», «душу», «мысль» [16, с. 156], являясь истоком вешего, духовного знания. Вслед за мифологическими системами гендерной ролью женщины является ее влияние на душу и духовную область.

Общеславянский корень *syǝdъse* указывает на старшее значение слова — «то, что внутри» > «вместилище души» [16, с. 156], потому определяет сердце как интуитивное средство идентификации. Взором героиня распознала суженого, интуитивно раскрыла предательство мачехи и дядьки: «Царь-девица увидала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридесятом царстве» [14, с. 183]. Как видим, именно героиня призывает героя к действию.

В результате нарушения гендерного стереотипа поведения обнаруживаются в поступках обоих героев в первом и втором вариантах сказки. Роль ожидания и бездействия юноши, его сон (в первом случае) выражают бессилие, временную утрату волевого начала, способности к самостоятельности. Девица, наоборот, совершает несвойственные женщине активные поступки: преодолевает пространство, первой признается в своих чувствах. Во втором варианте сердечное переживание определяет действия героя только после того, как его покидает героиня: «Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдет!» [15, с. 186]. Без возобновления полоролевых стереотипов героев невозможны брак и обретение власти героем: «брак... есть прежде всего средство приобретения ценностей» [6, с. 57]. Далее стереотип поведения героя соответствует традиционному распределению гендерных ролей: используя полученную информацию, юноша совершает подвиг(-и): «...и в корне слова «подвиг» тоже «застряло движение», «подвиг», то есть то, что сделано движением...» [5, с. 8].

Герой должен доказать право на статус царя, право на брак с царь-девицей. С этой целью в обоих вариантах сказки он проходит традиционные испытания. Герой предъявляет физическую мощь: в первом варианте — «нашел дуб, снял с него сундук» [14, с. 185]; во втором — «ухватил за куст и выдернул его с корнем» [15, с. 188]. Он способен носить богатырское снаряжение: «меч-кладенец, боевую палицу в полтораста пудов», запрягать коня «уздой в три пуда», накладывать «седло в двадцать пять пудов» [14, с. 188], получая таким образом право на коня-помощника. Конь отличается от всех других животных. После приручения конь стал первым помощником человека, верным боевым другом [10, с. 97—98].

Физическая сила должна быть не только представлена, но и проверена в силовом состязании. Так, ради встречи с героиней герой в первом варианте сказки преодолевает силу волшебного существа — младшей бабы-яги, которая «побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя» [14, с. 184], во втором варианте побеждает

соперника — «Ивана, русского богатыря» [15, с. 189]. Благодаря силе духа и физической мощи в обоих вариантах герой трижды избегает смертельной опасности (либо от сестер баб-ягишен, либо в трех битвах с соперником). Вместе с тем бабы-ягишны идентифицируют героя, давая Ивану купеческому сыну наставления: старшая баба-яга «велела ему идти к своей средней сестре» за помощью, а та, в свою очередь, «велела ему зайти к своей младшей сестре...», советуя: «Коли она на тебя рассердится да захочет съестъ тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью еще громче» [14, с. 184].

Оппозиция мужское/женское репрезентирует разделение игры на музыкальных инструментах как на мужской и женский типы поведения [13, с. 22]. В обоих вариантах сказки главный герой использует музыкальные инструменты: «Иван купеческий сын выпросил у ней (бабы-яги. — *О.Р.*) три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче» [14, с. 184], а Василий-царевич «взял гусли звончатые» и «заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя» [15, с. 189]. Звучание музыкальных инструментов определяется чувствами юноши: в первом варианте — призывом о помощи: «вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица» [14, с. 184]. Во втором варианте сказки игра на музыкальных инструментах становится знаком для любимой: «услыхала ту игру царь-девица, зовет своих нянюшек-мамушек, дает им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад», чтобы выяснить, «не приехал ли Василий царевич?» [15, с. 189].

Героиня изначально узнает суженого по игре на гусях. Гусли - символ космической гармонии, олицетворение человеческой души и души мировой. Гусям как символу миротворения и мироизменения соответствует финское кантеле [3, с. 379—380]. В данном случае игра на гусях — это способ восстановления утраченного гармонического мира. Труба. Аллегория славы (героя), эмблема важных новостей и знаменательных событий [3, с. 383]. В данном случае звук трубы означает начало пути к славе — переход в иной мир, одновременно и способ ограждения, защита от нечистой силы.

Идентификация — женская обязанность, но правильно опознать может только героиня. Последнее испытание героя связано с девушкой-невестой, именно ей предстоит идентифицировать суженого, поскольку «нянюшки-мамушки» опознать его не смогли: «бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого» [15, с. 189].

Сохраняя за царь-девицей исполнения функций царя (сохранение господства, защита государства), происходит нарушение стереотипов

гендерной идентичности, что приводит к разрушению отношений между мужем и женой/женихом и невестой. Восстановленный гендерный стереотип поведения женщины и мужчины приводит к возможности соединения брачными узами героев.

Среди определяющих качеств властителя выделяются такие, как воля, твердость, решительность, особенно проявляющиеся в нестандартных или чрезвычайных ситуациях, необходимые для возвращения героини, ее любви: «На той стороне океан-море стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы» [14, с. 185]. Яйцо (любовь в нем спрятанную) нужно «добыть» Ивану купеческому сыну, чтобы «старая старуха» «испекла яйцо» для царь-девицы [14, с. 185]. Желание вернуть любовь, обрести жену определяет гендерные особенности в поведении мужчины.

Постоянно проверяется добродушие героя, ибо сердце есть предсказатель силы его любви и воли. Добросердечное отношение Ивана купеческого сына и Василия-царевича выражается в благодарении за оказание помощи всем, кто словом или поступком им содействует. Выражает признательность за советы старшей и средней сестрам «бабам-ягам»: «Иван купеческий сын поблагодарил ягу»; за помощь в спасении своей жизни жар-птицу: «Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил» [14, с. 184], Благодарит и Василий-царевич за помощь в выборе коня Ивашку белую рубашку, обещает его «опять первым воеводою сделать»; за избавление от трех смертей выпускает из неволи трех пленников: льва, змея и ворона: «царевич... встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошел к городской стене; ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон...» [15, с. 188, 185].

Добродетельность — основная черта претендента на царскую власть — должна предъявляться миру в качестве основания для будущего устройства жизни. Этимология слова *добрый* (в составе добродетельный) обобщает и открывает весь спектр действий героя: общеславянское *dobrъ: dobrjъ первоначально значило «годный», «подходящий», выражая итоговое мнение о человеке, отсюда развилось значение «доброкачественный, «добротный»; затем — «добрый, милосердный», указывая на внутренние качества юноши; приблизительно в это же время появилось значение «делаться ловким, сильным, умелым», в результате — «знатным», как итог испытаний — стать «красивым, дюжим, здоровым человеком» [16, с. 258].

Пребывание героя в потустороннем царстве изменяет его наружность: «царевич от великих трудов изнурился». Изменение внешности героя — знак переживаний юноши предстоящей встречи

с суженой. В древнерусском языке *нуръти* значило «открываться» — открывать сердце свое, наподобие раны [16: 339].

Таким образом, герой должен преодолеть последнее испытание, в котором его победа/поражение зависит от девушки-невесты: узнает его царь-девица или нет. Открытое сердце героя ждет отклика вешего сердца героини.

В конце повествования поведение героев точно соответствует гендерным ролям: царевич в роли царя выносит решение: «мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять», а царь-девица «брала его (Василия-царевича) за руки белые и вела в свои терема высокие» [15, с. 189], подчиняя себя его воле и отдавая свое царство в его владение. Общий итог реализации властных притязаний героев в вариантах сказки различается полученными царствами: в первом случае — «уехала царь-девица вместе с женихом — купеческим сыном в свое царство; обвенчались» [14, с. 185]. Во втором варианте «обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василия-царевича» [15, с. 189]. Это отличие зависит от права на наследственное царство: у купца права на царство, в пределах которого разворачиваются события, нет, поэтому он может стать только царем тридесятого царства.

Таким образом, именно личностные качества героя, а не знатность и богатство определяют закономерность его прихода к высшей ступени власти. Но личностные качества героя таковы, что отражают идеальные представления народа о правителе. Потому и финал сказки — правильный взаимный выбор героев — позволяет видеть мир в состоянии преумножения добра (материального и духовного): «стали жить да быть да добро копить» [14, с. 185], во втором случае — «сам с молодой женой стал жить-поживать, добра наживать» [15, с. 189]. Авторитет власти, как в зеркале, отражается в благосостоянии народа.

Основным средством в процессе достижения власти традиционно становится деятельность героя, связанная с выбором невесты. Статус царь-девица не меняет гендерных ролей героев при получении высшей власти. Героиня помогает жениху тайными знаниями, герой доказывает право на власть милосердием и силой, способностью любить (герой/героиня пересекают границы миров, благодаря в том числе силе чувства, желая воссоединиться друг с другом).

Только соблюдая стереотипы гендерной идентичности, можно получить власть и сохранить ее как герою (мужчине), так и героине (женщине). При этом начальное социальное положение героя не является определяющим для результата его действий.

Типичность поведения властвующего актуализируется выполнением этой роли девицей. Сохранение территории, защита государства, испытание претендентов на руку царь-девицы и наказание неудачников вынуждена выполнять сама героиня, если по какой-либо причине отсутствует царь, царевич. Для выполнения функций царя она должна обладать теми же качествами, что предъявляются к претендентам на власть: добродетельностью, силой (энергией смелости), волей (свободой самостоятельности).

Однако для девицы эта роль временная, которую нужно выполнять до замужества. После заключения «обручения»/брака с героем функции царя должен исполнять суженый. Нарушение стереотипа поведения приводит к разрушению отношений между женихом и невестой / мужем и женой. Только после восстановления гендерного стереотипа поведения женщины (идентификация героя, роли матери и хозяйки) приводит к возобновлению брачных уз.

Список литературы:

1. Бараг Л. Г., Новиков Н. В. Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. — М., 1986. С. 419.
2. Дудко, Д. М. Матерь Лада. Божественное родословие славян. Языческий пантеон [Текст]: монография. — М.: Изд. Эксмо, 2004. — 432 с.
3. Королев К. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. — 608 с.
4. Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. // Словарь морфем русского языка. — М.: Рус.яз., 1986. — 1136 с.
5. Лихачев, Д. С. Земля родная: кн. для учащихся. — М.: Просвещение, 1983. — 256 с.
6. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику, эпоса и романа: монография. — М., 1986. — 320 с.
7. Наговицын, А. Е. Трансформация гендерных ролей в мифологических системах [Текст]: автореферат доктора философ. наук. — М.: РГБ, 2003 (Из фондов РГБ). — 48 с.
8. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси: монография / АН СССР Отд-ние истории, Ин-т археологии. — М.: Наука, 1987. — 782 с.
9. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян: монография. — М.: София, Гелиос, 2002. — 592 с.
10. Сергеев В. Н. Новое значение старых слов. — М., 1987. — 160 с.
11. Славянские древности [Текст]: этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / Под ред Н. И. Толстого; РАН, Ин-т славяновед. и балканистики. — М.: Международные отношения. Т. 1: А-Г. — 1995. — 557 с.; Т. 2: Д-К. — 1990. — 704 с.; Т. 3: К-П — 2004, — 704 с.

12. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка — Л.: Наука. 1979. — 437 с.
13. Цивьян Т. В. Оппозиция мужской/женский и ее классифицирующая
14. Роль в модели мира: сборник трудов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. — СПб., 1991. — С. 22.
15. Царь-девица. // Сб. народных русских сказок А. Н. Афанасьева, 1986. — Т. II. — Вариант 1. Записано в Оренбургской губернии. — С. 182—185.
16. Царь-девица. // Сб. народных русских сказок А. Н. Афанасьева, 1986. — Т. II. Вариант 2. Записано в Пермской губернии. — С. 185—189.
17. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006. Т. 1: А — Пантомима. — 621 с. Т. 2: Панцирь — Ящур. — 559 с.
18. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя — М.: Изд. Просвещение, 1971. — 541 с.

КОНТАМИНАЦИЯ ПАРЕМИЙ: МОДЕЛИ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Травина Лариса Евгеньевна

*ст. преподаватель РГГМУ (аспирант СПбГГУ), г Санкт-Петербург
E-mail: stalar-trav@yandex.ru*

Особое внимание к изучению паремий обосновано тем, что «это сочинение и достояние общее, как и сама радость и горе, как выстраданная целым поколением опытная мудрость» [3, с. 13—14]. При широком понимании паремиологией (др.-греч. *paroimia* — притча, пословица и *lóγος* *logos* — слово, учение) считается подраздел фразеологии, посвящённый изучению и классификации (начатой еще В. И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа») пословиц, пословичных выражений, антипословиц, поговорок, веллеризмов, девизов, слоганов, афоризмов, загадок, примет и других изречений. Большинство из них активно воспринимается и употребляется в трансформированном виде, т. е. подвергаются разного рода изменениям, обыгрываниям.

В предисловии к словарю «Антипословицы русского народа» исследователи в области паремиологических трансформаций Х. Вальтер и В. М. Мокиенко отметили, что одним из наиболее активных способов трансформации традиционных паремий является своеобразный «макаронизм», контаминация двух совершенно разных по смыслу, а

нередко и структуре пословиц («большому кораблю и карты в руки», «стоит овчинка выделки и игра свеч», «береги честь смолоду — полюбишь и козла» и др.). Это, по мнению авторов, соответствует языковому духу нашего времени — духу смешений стилей.

На закономерность контаминации в русском языке указывал и А. М. Бабкин, имея в виду «образование новой фразеологической единицы в результате контаминации двух семантически близких фразеологических единиц» [1, с. 29], при этом особо подчеркивая, что «подобные новообразования представляют лингвистический интерес не столько сами по себе, сколько тем, что они позволяют глубже понять и убедительнее интерпретировать природу фразеологической единицы как явления семантического по преимуществу» [1, с. 43].

Он впервые анализирует разновидности контаминаций фразеологизмов и рассматривает это явление с двух сторон: с точки зрения правильности речи и норм языкового употребления он относит контаминацию к разряду обмолвок, ошибок языка и забраковывает как проявление языковой небрежности, но при исследовании живого языка подобные факты считает неопенимыми, так как они содействуют пониманию механизма языкового развития [1, с. 29]. В свою очередь А. И. Молотков рассматривал контаминацию только в качестве речевой ошибки [6, с. 37].

Контаминация как один из подтипов структурно-семантических трансформаций влечет за собой определенные изменения. Вслед за А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко под структурно-семантическими преобразованиями мы будем понимать смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы пословицы [4, с. 24]. Данный тип преобразований, объединяющий фразеологические единицы в группы на основе общности структуры и семантики, был описан В. М. Мокиенко. По его мнению, трансформация структурной модели (каркаса, обеспечивающего устойчивость и воспроизводимость фразы) чаще всего приводит к изменениям в семантике [5, с. 52]. Поэтому изучение структурно-семантического аспекта фразеологического контаминирования в сфере паремииологии представляется, на наш взгляд, наиболее актуальным в связи с его малоизученностью.

При трансформации (в частности контаминации) паремий можно выделить несколько моделей по типу образования:

1. паремия + слово (не-паремия) («сколько волка ни корми — ни пуха, ни пера» (mysli, 20.5.2002), «любви все возрасты по барабану» (запись А. Савченко, 2002), «крыша едет — скоро будет» (К. Мелихан.

АиФ СПб., 28.03.2001), «что русскому хорошо, то англичанину не по карману» («Панорама» Петербург, № 32, 2010) и др.);

2. паремия + паремия («после драки в зубы не смотрят» (kulich 12-01), «сколько волка ни корми, а он все равно ест» (Фома 2, 15.5.2002), «как много девушек хороших, а я люблю женатого» (Fomenko 04-02; students, 17.5.2002) и др.);

3. паремия + паремия + паремия («чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит» (kulich 12-01; mysli, 20.5.2002), «слово не воробей: упадет с воза, не вырубишь топором» (mysli, 20.5.2002), «шило не воробей: в лес не убежит» (kulich 12-01; mysli, 20.5.2002) и др.);

4. паремия + паремия + слово (не-паремия) («на чужой вершок не разевай корешок» (boom, 15.5.2002) и др.);

5. особый тип («Аладдину все до лампочки» (Вальтер, Мокиенко 2005: 28), «баба с возу — землетрясение в 5 баллов» (halyava, 15.5.2002; kulich 12-0), «избушка, как тебе не стыдно, к лесу — задом» (Fomenko 04-02) и др.).

При контаминации паремий с паремиями и не-паремиями происходит образование единицы с новым образным, переносным значением или с новым прямым, с одной стороны, и/или (при прямом понимании) комическим, несуразным, абсурдным, с другой стороны. Рассмотрим некоторые примеры: «сколько волка ни корми — ни пуха, ни пера», «чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит», «сколько волка ни корми, а он все равно ест».

Новое образование «сколько волка ни корми — ни пуха, ни пера» получилось с помощью сложения первой части пословицы «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит» и фразеологизма «ни пуха ни пера» по первой модели. При прямом понимании появляется комическое значение «можешь много и долго кормить волка, но все равно и ты для него потенциальная еда». Но при этом мы определяем еще и новое переносное, обобщенное значение «если хочешь изменить (перевоспитать) безнадежного человека, тебе должны сопутствовать удача и терпение, и тогда все получится», хотя в определенной коммуникативной ситуации и с определенной интонацией может реализовываться и первичное переносное значение «можно попробовать изменить сущность человека, его привычки, истинные чувства и т. д., но они рано или поздно себя обнаружат». Многообразие прочтения новой пословицы связано с заменой предикативной части «он все равно в лес смотрит» (конкретной, узкой) на фразеологизм «ни пуха, ни пера» (более широкий). Предикативная часть несет на себе основной смысл, т.к. при актуальном членении она

более значима и является выводом, результатом всех действий, стараний, описываемых в первой части пословицы. Фразеологизм, который в данном случае может быть заменен одним словом «удачи», раскрывается при домысливании ситуации — в чем именно желают удачи, что и помогает читающему или слушающему, обладающему языковой практикой и фоновыми знаниями, проявить креативный подход к пониманию новообразования. В конечном счете у нас «из фразового замкнутого клише» получилось «фразовое незамкнутое клише» [7, с. 95].

Контаминации двух паремий «сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит» и «а Васька слушает да ест» дает новое сочетание «сколько волка ни корми, а он все равно ест» с однокомпонентной заменой («смотрит» — «ест») и имплицированием обстоятельства места, что в начальном варианте было обусловлено глаголом «смотрит». Лексическая замена произошла при полном совпадении грамматических категорий наклонения (изъявительное), времени (настоящее), залога (действительный), вида (НСВ), лица (3-е) и формы ед. ч. При прямом понимании раскрывается другая сторона пословицы: «сколько ни давай волку еды, чувство насыщения не наступает, он всегда голодный», которая может ассоциироваться с фразеологизмом «голодный как волк». Так же, как и в первом случае, мы можем определить переносное, обобщенное значение «как бы ты ни пытался изменить человека, внушить ему что-нибудь, он будет все делать по-своему».

«Чья бы корова мычала, а паршивая овца борозды не испортит» — новое образование, полученное при соединении первой части пословицы «чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», первой части пословицы «паршивая овца все стадо портит» и второй части пословицы «старый конь борозды не испортит», имеет обобщенное значение «многие могут судачить, но и оступившийся человек доведет начатое дело до конца». Определить прямое значение в этом случае затруднительно. Лексическая замена «старый конь» на «паршивая овца» лишь расширяет новое переносное значение. Данная структурная особенность при контаминации пословиц ранее не отмечалась, были выделены только а) первая часть одной + вторая часть другой и б) первая часть одной + первая часть другой [8, с. 52].

В новом сочетании «в своем глазу соринки не видим, а в другом глазу булжник прячем за пазухой» (т/с «Вороныны», 2010) лексическая замена («бревна» — «соринки» и «сучок» — «булжник») приводит к абсурдности значения и оппозиции с истинностью интертекстовой единицы.

Наряду с вышеописанными принципами варьирования при контаминации также встречается экспликация: «чем дальше в лес, тем третий лишний — он запасной» [2, с. 242] — введение предикативной части «придает пословице комический эффект» [8, с. 37]. В данном случае паремиологическая единица переходит в интерпретационную единицу.

Итак, при контаминации паремий с паремиями и не-паремиям появляются сочетания с новым переносным, обобщенным значением и/или новым прямым. Происходящие при этом структурно-семантические преобразования (экспликация, импликация, парадигматика и др.) усиливают экспрессивность, образность новых образований и подчиняются тем же принципам варьирования, которые были описаны для фразеологизмов и пословиц. Но в отличие от контаминаций фразеологизмов, контаминации паремий более разнообразны по своей структуре и многозначны.

Список литературы:

1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие, источники /А. М. Бабкин. — Л.: Наука, 1970.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. СПб.: Изд. дом «Нева», 2005.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1984.
4. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989.
6. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977.
7. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988.
8. Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: монография / Н.Н. Федорова; ПФ НОУ АПУ. — Псков: изд-во ООО «Гименей», 2007.

ПОСЛЕЛОГ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Шарина Сардана Ивановна

канд. филол. наук, ИГИПМНС СО РАН, г. Якутск

E-mail: sarshar@mail.ru

В данной статье предпринимается попытка реконструировать одну из областей эвенской языковой картины мира, а именно — пространство. Для наибольшего удобства и более широкого охвата в описании мы опираемся на понятийный аппарат, разрабатываемый функциональной грамматикой. Локативность в функциональной грамматике трактуется как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений [1, с. 5].

Языковые средства, актуализирующие локативность, разнотипны. В эвенском языке это: показатели падежей, послелого, указывающие на местонахождение, наречия места, различного рода сочетания предиката с падежными, послеложными и наречными локативными показателями.

Послелого являются в эвенском языке одним из важнейших средств выражения пространственных отношений. Послелог связывает существительные; глагол, сочетая синтаксически подлежащее и дополнение (обстоятельство), выражает тем самым отношение между двумя субстанциями. Эта глубинная функциональная аналогия между послелогом и глаголом позволяет один и тот же тип отношений выразить полнозначным словом — глаголом - или служебным словом — послелогом.

В данной работе мы придерживаемся классификации послелогов В. Г. Белолобской [2]. Рассмотрим три группы послелогов, актуализирующих локативность:

- собственно послелого, которые изолировались от наречий и имен и остались только в роли послелогов;
- отыменные послелого, образованные от имен пространственного значения;
- наречные послелого.

Собственно послелого. В эвенском языке одним из наиболее частотных из первой группы послелогов является послелог *истала*, который соответствует по значению русскому предлогу *до (no)*, управляет местным и направительно-местными падежами. С точки зрения общих пространственных отношений обозначаемый процесс с участием послелого *истала* указывает на динамический характер процесса —

перемещение. С точки зрения частных пространственных отношений конструкции с участием послелого *истала* схематично отображают положение одной субстанции относительно другой в следующих видах локализации: локализация представляется в виде точки (или трехмерного пространства), когда частная позиция сводится на степень удаленности и конкретного направления; локализация представляется в виде линии (плоскости), когда предмет расположен на линии, проходящей по вертикальной плоскости или вблизи нее; когда предмет расположен на линии, находящейся вне локализатора.

Отыменные послелого. Традиционно в данную группу относят послелого, образованные от имен существительных с локативным значением. По семантическому указанию отыменные послелого можно подразделить на: послелого, указывающие на пространственную ориентацию по отношению к определенному субъекту или объекту, когда локализация представлена в виде точки или трехмерного пространства); послелого, указывающие на конкретные позиции предметов относительно определенного объекта при локализации в виде линии (плоскости); послелого, участвующие при обозначении локализации в виде сферы или ее части.

Послелог *дали* обозначает близость. При определенном существительном в формах падежей принимает суффиксы притяжания и обозначает: далиркин — в направлении, до, поблизости чего-нибудь, далилан — рядом с чем-нибудь, недалеко от чего-нибудь, далилин — по пространству около чего-нибудь, далидукун — с близкого расстояния от чего-нибудь, поблизости.

Послелог *до* — внутренность, нутро. Примеры: Бочка *додун* тэгнэли! «Иди, садись в бочку!» Тугэниду дю *додун* ханике. «Зимой в чуме дымно».

Употребление послелого *до* в местном падеже характеризуется в эвенском языке наибольшей частотностью. Например: Арбагас долан арингка бисни, гөнчэгчин. «В старой дохе черт сидит, как говорится». Дю *долан* ирникан иврэм. «В чум внес (я), волоча по земле».

Послелог *эвгидэ* уточняет пространственную характеристику предметов. Он выступает в формах локативных падежей: Нгин исаг эвгидэдун мунрукам бокнан. «Собака догнала зайца на этой стороне леса».

При выражении локализации, представленной в виде точки (или трехмерного пространства), когда частная позиция сводится к соотносительным парам «сверху-снизу», главенствует послелог *ойдэ* — верхняя часть чего-либо, пространство над чем-либо. Будучи оформлено суффиксами локативных падежей и принадлежности, в сочетании с другим именем в форме основы, данный послелог соответствует в переводе русским предлогам *на, над, от, с*. При выражении данной

частной позиции большую роль играет послелог *хэе* — вершина, верхушка. Данный послелог преимущественно используется для указания вершины или верхушки в основном горных образований, ландшафтных возвышенностей. Например: Урэкчэн хэедукун көөттэкэтни, илан дю ичурэн. «С вершины горы когда посмотрели, показались три юрты».

Каждое из слов по-своему описывает характер возвышения над предметом и вследствие этого в большинстве случаев близкие по смыслу слова *ойдэ/хэе* не взаимозаменяемы. Наиболее типичными контекстами употребления послелога *хэе*, в отличие от послелога *ойдэ*, является позиция «в верхней части с контактом».

При указании конкретных геометрических позиций предметов, отображенных в формах языка, наиболее употребительным является позиция «спереди-сзади». Наиболее часто употребляется послелог *амарда* «задняя сторона»: Амму ондати амардукун бодаснан. «Отец пошел след за своим оленем-манщиком». Мин амардалав дёр учикатан улбунчиритэн. «За мною два верховых оленя (их) вереницей пошли».

Таким же значением характеризуется послелог *чида*: амкачан чидадун «за горой, позади горы», чидаткин «по эту сторону чего-либо». С приведенными послелогом соотносится послелог *дейдэлэн*: Эрэк дейдэлэн хөнтэ кадар илаттан. «За этим другая сопка стоит».

Послелог *хэрдэ* «нижняя часть чего-либо, низ», указывает местонахождение предмета под чем-нибудь, на нижней части чего-нибудь: Би исаг авландулан нанга хэрдэдун тэгчиддэм. «Я сижу на открытом месте леса под елью». Буйла, мукалра-гу, эмкэр-гу хэрдэлэн бакритан. «Далеко, под кочкой или под отвесным берегом нашли».

Среди множества послелогов, обозначающих локализацию в частной позиции «возле», можно отметить наиболее употребительный в говорах эвенгов Якутии послелог *хат* «около чего-либо, возле»: Кунга тог хаттун биникэн тогу моч хунриччэ. «Ребенок, возле огня находясь, огонь деревом трогал».

Кроме того, отмечается довольно большое количество послелогов, относящихся к словам, обозначающим водоемы. Например: холадун «на верхней стороне, сверху по течению»; эдьгидэдун «на стороне вниз по течению, в низовьях реки»; бардадун «на противоположном берегу» и др. Также в схему частных пространственных отношений может вписаться послелог *холда*: Эрэв окату холаки хоя бэй нулгэдэкэн хотаран одни. «В сторону верховьев этой реки видно, много людей кочевало».

Позиция «на грани», «по краю» актуализируется послелогом *холи*: Окат холидун нгэнэндэриди эньму хунтали муоли нгалди гэлэттин. «Становясь коленями на берегу реки, мама по глубокой воде стала руками искать».

Степень удаленности и конкретное направление выражаются послелогом *хитки-хикки, анчин, тулдэ*, показывающих локализацию в

виде точки, когда частная позиция сводится к позиции «возле»: Дю тулдэлэн инунгур инэгэддэ. «Около жилища перекладывали вещи свои». Упэ чора анчиндун столу укал итагча. «Бабушка приготовила уже стол около юрты».

В реализации частной позиции «внутри-вне» выделяются послелого, которые относятся к жилищу: төлдэдун «снаружи», төлдэткин «наружу, в направлении изнутри в наружную часть», хиткидун «у чума с внешней стороны», хиткилин «около чума» и т. д.

Локализацию в виде точки или трехмерного пространства в частной позиции «возле» выражают послелого, которые конкретизируют направление: дулдэлин «по передней части, по пространству перед чем-либо», ангигадун «справа», ангигаткин «направо», ангидалан «на правой стороне», ангидалин «справа», ангидаддукун «справа», ангидагидин «по правой стороне», дэгэндэдун «слева», дэгэндэткин «налево».

Понятие «окрестности объекта» в соответствии со степенью удаленности охватывает три дистанционных пояса: ближайший — дали, хат, холи, хитки, анчин, дальний — горла, тэгэлэ, чаг, промежуточный — дали.

Послелог *дали* в эвенском языке характеризуется более широкой общей семантикой, чем, например, послелог *анчин*. Соответственно, «территориальная» принадлежность *дали* к определенному ближайшему поясу условна, в некоторых случаях он тяготеет к промежуточному дистанционному поясу. В пользу обобщенности и наибольшей абстрагированности *дали* говорит и тот факт, что данное слово употребляется со всеми без исключения объектами — участниками пространственных отношений: людьми, животными, обозначениями местностей, водоемов, растений и т. д.

Слово «анчин» имеет некоторые особенности в семантике, он обозначает более узкое понятие, чем «дали», указывая только ближайшую окрестность объекта. Сравним: Би амму *далилан* тэгэттэм «Я сижу около отца». Би амму *анчиндун* тэгэттэм. «Я сижу рядом с отцом». Первая конструкция имеет общий информативный функциональный регистр, указывая на меру дальности местонахождения одного объекта относительно другого. *Далилан* ориентировано больше на пассивное восприятие и выражение определенной локативной ситуации. Во втором случае подразумевается более близкий круг «окрестностей» объекта, в данном случае «анчин» даже имеет ориентацию на субъект, который не является обычным наблюдателем, оно включает некую симпатию по отношению к объекту локализации.

Употребление *анчин* предполагает большую степень связанности локализуемого предмета и локализатора. В данном случае позиция «рядом, у, около» более детально может быть охарактеризована как «рядом с контактом», например: Болгит анчиндулан биси тэвтэ хо далра

бивэ́ттэн. «Ягода, растущая возле кедрового стланика, очень сладкая бывает». Слово *анчин* тяготеет больше к изобразительному регистру, нежели к информативной функциональной нагрузке. В семантическом отношении *анчин* может употребляться со всеми видами локализаторов: живыми существами, предметами, объектами природы. Отличие его — в указании на ближний круг окрестностей объекта.

Слово *хитку/ хикку* чаще всего употребляется при обозначении дистанционного пояса ближнего круга «окрестностей» какого-либо жилища и иногда при указании на ближний круг какого-нибудь определенного объекта.

Послелог же *хат* во многих случаях используется при обозначении местонахождения, когда на горизонтальной плоскости локализуемый предмет находится ниже уровня локализатора. В примерах не отмечается употребление слова *хат* с определяемыми, указывающими на человека (с существительными собственными и нарицательными, личными местоимениями).

При использовании слова *холилэн* характер локализации ограничен ближайшим дистанционным поясом. Данное слово почти всегда употребляется при обозначении берега какого-нибудь определенного водоема.

К наречным послелогам относятся такие слова, которые совмещают в себя функции послелога и наречия: *дэпки* - напротив, *эрэли* — вокруг, *эвэнки* — поперек, *табдас* — насквозь, *кэнрэс* — через, *нонапки* — вдоль, *дулэпки* — вперед.

Функционально-семантический подход, который опирается на методику структурно-семантического моделирования языковых единиц, позволяет структурировать поле локативности. В эвенском языке средства выражения локативных отношений образуют функционально-семантическое поле, своеобразную парадигму. В центре поля можно вывести первичную ядерную структура, в которой все компоненты локативной ситуации выражены отдельными элементами и которая вследствие этого позволяет обозначать локативные отношения с максимальной дифференциацией. В периферийные элементы, образующие ФСП локативности, можно отнести конструкции с послелогами.

Список литературы:

1. Бондарко А. В., Восойкова М. Д., Гак В. Г. и др. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. — 229 с.
2. Белолобская В. Г. Эвенский язык: частицы и послелоги. Санкт-Петербург, 2005. — 113 с.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА И ПРИЁМЫ В ПОЭЗИИ ДЖОНА АПДАЙКА

Козлова Анастасия Геннадиевна

аспирант, Столичный институт иностранных языков, г. Москва

E-mail: a1g1k@yahoo.com

Одним из главных показателей художественного мастерства поэта является выразительная сторона его литературного языка, центральное место в котором занимают тропы и различные стилистические приёмы. С помощью использования определённых лексических единиц в переносном или необычном для них значении и их сочетании друг с другом автор демонстрирует своё поэтическое мастерство и производит особый эффект на читателя. При раскрытии и анализе множества языковых средств и приёмов, употребляемых поэтом в своём творчестве, обнаруживается всё своеобразие, сложность и многогранность его мировоззрения, где находят своё воплощение и интерпретацию разнообразные элементы действительности и культурные реалии.

Дж. Апдайк выделяется из ряда своих современников своеобразием и непредсказуемостью использования различных лексических средств, приёмов и тропов, представляющих особый интерес для исследования, изучения и анализа со стилистической точки зрения. Для него характерно сочетание слов в достаточно оригинальной и нестандартной манере. В его тропах переплетаются эпохи и многообразные аспекты различных сфер жизни, как извечных, существующих испокон веков, так и современных, только зарождающихся, которые приобретают стилистическую нагрузку и служат для передачи всей гаммы настроений и эмоций лирического героя автора. Образы титанов, римлян, исторических мест (Византия: *the Byzantine Trinity* — «Византийская Троица»), мифологических существ (Медуза Горгона: *each a Gorgon's head* — «каждый [столб] — голова Медузы Горгоны»), политических фигур и деятелей (Птолемей: *those old Ptolemaic heavens* — «эти старые птолемеевы небеса»; Платон: *Plato's Ideals* — «идеалы Платона»; Цезарь: *when Caesar fell* — «когда Цезарь пал»; Сталин: *Stalin, who indulged his native land with privilege...* — «Сталин, который избаловал свою родную землю привилегией...»),

элементы природы сочетаются с обыденными и повседневными жизненными реалиями (автомобили, виды спорта, названия газет и журналов: *property laws* — «закон собственности»; *my well-insured '55 Fordor Ford* — «мой правильно застрахованный Форд «Фордор» 55 года выпуска»; *the flutter of a Guardian* — «шелест газеты «Guardian», *copies of Punch* — «номера сатирического журнала «Punch»; *vacant lots* — «вакантные места для парковки») и научными терминами и формулировками (*polycentric orbits* — «полицентрические орбиты»; *shapely syntheses* — «изящные синтезы»; *calculable* — исчисляемый, *compounded mass* — «комбинированная масса»; *ectomorphic head* — «экоморфные головы»; *distance brings proportion* — «расстояние даёт пропорцию»; *their fearsome crowns of trusses, struts, nuts, insulators...* — «их зловещие короны из болтов, строительных ферм, распорок, гаек, изоляторов...»).

Иногда для зарождения в сознании читателя особых ярких образов поэт занимается словотворчеством и придумывает несуществующие слова: *those clickless rings* («эти нещёлкающие кольца костей»), *those prisonerless ribs* («эти рёбра без заложников»), *Italianly* («по-итальянски»).

В поэзии Дж. Апдайка эпитеты могут придавать определённым предметам социальную окраску и новые грани и характеристики. Например, они могут быть представлены сочетанием прилагательного с существительным: *democratic sun* («демократическое солнце»); *peppermint thought* («отрезвляющая мысль»); наречия с глаголом: *absurdly kindle my eyes* — «абсурдно зажигают мне глаза»; причастия или отглагольного прилагательного с наречием: *balanced occultly* — «тайно уравновешенные»; прилагательного со субстантивированным прилагательным: *the ominous bedroom dark* — «зловещая темнота спальни». Использование экономических терминов, обычно лишённых каких-либо положительных либо отрицательных коннотаций, выделяет его из ряда американских поэтов: «платёжеспособным домам» (*solvent homes*) и «маркетабельным товарам» (*marketable goods*) он придаёт негативный оттенок из-за чрезмерной важности материальных благ в жизни современного общества.

Одним из тропов, особо интересным с точки зрения выразительности, является метафора, которая в некоторых случаях сочетается с персонификациями, эпитетами и другими тропами: солнце он называет *that white coconut* («этот белый кокос»); цвет неба — «кукурузным» (*cornflower sky*); облака — *blue leaves* («голубые листья»), *these courtly cotton-bellies* («добродушные животы тканых парусов») и *piratical great galleons* («великие пиратские галлеоны»), используя

исторический образ галлеонов, существовавших в Испании в XV-XVII веках; скопления сосен — «сосновыми островами» (*pine islands*); лучи солнца — *counterweights of shadow* («противовесы тени»); почву — *earth's fur* («мех земли»), цвет которой он сравнивает с мехом бурундука (*chipmunk-colored*), сочетая таким образом метафору и эпитет в одном тропе; подсолнух — «мерилом времени» (*yardstick of hours*), имеющим «горящее старое львиное лицо в женском чепце» (...*burning old lion face, you wear a girl's bonnet behind...*); планету, на которой мы живём, автор метафорически называет «драгоценным камнем» (*the jewel*); землю — «спутанным эпицентром» (*the muddled hub*); солнечные лучи — «падающими вниз дополнениями» (*complements*).

Писатель метафоризирует не только общеизвестные понятия, но и специальные термины: *rain, beginning, hyphenates our racing windows...* («дождь, начинаясь, ставит дефисы между мчащимися перед нами окнами поезда...»); и физиологические процессы: *yellowing gridwork of nerve* («желтеющая сетка нервов»).

В своей поэзии он использует метафоры и сравнения не только по отношению к высоким материям и абстрактным понятиям, но и при описании таких обычных сфер жизни, как спорт, государственная служба, рабочие профессии. В поэзии многих его предшественников все это оставалось без должного внимания. Локти бейсболистов он называет «резиновыми» (*their rubber elbows*), а руки игрока сравнивает с дикими птицами (*his hands were like wild birds*); ноги полицейских ему кажутся «приклеенными» (*feet of glue*). Рисуя причудливость форм костей животных, аккуратно сложенных на ферме своего дяди-мясника, лирический герой сравнивает их изогнутость с ручками зонтов (*some curve like umbrella handles*); их гору он называет «ключами к мамонтовым замкам» (*keys to mammoth locks*), соединяя таким образом три тропа: две метафоры и эпитет.

В творчестве поэта активно используется и метонимия, выражающая смежность понятий между некоторым предметом и его содержанием или автором и его творением: *bright applauding tiers* («яркие аплодирующие ярусы»), *populated tiers* («населённые ярусы»), *Constable clouds* («констаблевские [John Constable (1776-1837), английский художник-романтик] облака»), *Dante's rose* («роза Данте»).

Языку Дж. Апдайка присуща гиперболичность, иногда сочетающаяся с эпитетафоризацией: *ceaseless garage* («бесконечный гараж») или со сравнением: *more constant than evergreens* («более постоянные, чем вечнозелёные деревья»).

Его творчеству характерны ироничность и сарказм, заметно отличающие его как от предшественников, так и современников: *the*

old bubble-head style («в старом добром стиле дурака»); гору костей он называет «милыми вещицами» (*lovely things*); головы чаек — плохо причёсанными (*badly combed*); подшучивая над старыми малообразованными людьми и притворяясь одним из них, он называет их «просвещёнными» (*the enlightened*).

Персонифицироваться в поэзии Дж. Апдайк могут не только предметы и явления природы, но и абстрактные понятия: *equations hunting infinity* («уравнения, охотящиеся за бесконечностью»), олицетворения могут сочетаться с метафорами: *the lathe's loose jaws* («расслабленные челюсти ткацкого станка»). При описании рук бывшего баскетболиста, теперь работающего на автозаправке, автор придаёт им свойства одушевлённого предмета: *his hands are fine and nervous on the lug wrench* («в нервных руках зажат слесарный ключ»). Для акцентирования мастерства игрока используется персонификация *the ball loved him* («мяч его любил»). Изображая техническую сторону работы станка, писатель употребляет такой эпитет, сочетающийся с персонификацией и обычно применяемый только по отношению к людям, как «угрюмый» (*sullen stilled turning*).

Нестандартность мышления автора находит своё выражение в самых неожиданных олицетворениях: «беременные стручки» (*expectant pods*); «нить накаливания, освобождённая от бремени съедающего её атомы заряда» (*the filament unburdened of its atom-eating charge*); мартовский ветер ему видится «хвастливым» (*heard his wind as boasting*); гром может «блефовать» (*the thunder bluffs*); облака — «прохаживаться как часовые» (*clouds stride sentry*); корни деревьев в состоянии испытывать агонию (*the agony of roots*).

В своей поэзии Джон Апдайк использует оксюморон, иногда в сочетании со сравнением: *lively, smug, and brave as adventurers safe* («бодрые, довольные собой и смелые как путешественники в безопасности»).

Языку его поэзии свойственно применение катахрезы, иногда сливающейся с другим тропом: при употреблении *acres and acres ago*, в котором слово *ago*, обладающее только временной семантикой, употреблено в сочетании с лексической единицей пространственной семантики (*acres*); *absurd paws* («абсурдные лапы»), где катахреза сочетается с эпитетом, или *rusty repertoire of smells* («ржавый репертуар запахов»), где три слова приобретают нестандартные предметно-логические значения.

Характерной чертой творчества Дж. Апдайк является его перифрастичность, проявляющаяся при описании природы и её составляющих и иногда сочетающаяся с эвфемизмами: океан он

именует *many-maned scud-thumper* («многогривый погонщик»), *tub of male whales* («ванна для китов»), *maker of worn wood* («лесоруб»), *shrub-ruster* («губитель кустарника»), *sky-mocker* («насмешник над небом»), *portly pusher of waves* («величавый гонитель волн»), *wind-slave* («раб ветра»); комариное жужжание он эвфемистически называет «нитью песни» (*his thread of song*), его хобот — «жаждущей тоскующей нитью» (*a thirsty blue streak*), а себя в противовес крошечному комару он считает «хитрым, сильным Гаргантюа» (*a cunning, strong Gargantua*).

Одной из наиболее ярких особенностей языка его стихов является распространённость в его поэзии гротеска, часто в сочетании с гиперболой, изображающего обыденные и привычные элементы жизни и предметы в намеренно преувеличенной и искажённой манере, носящей оттенки фантастического характера, переплетающей реальность с нереальностью и прошлое с будущим. Так, появление телефонных столбов он объясняет карканьем магической вороны, которую никто никогда не видел (*each pole, a caw*), а сами эти столбы он сравнивает с «расой мифологических гигантов» (*like a race of giants that faded into mere mythology*).

При использовании антитез поэт очень точно отображает противоречия современного общества, затрагивая многие злободневные аспекты жизни и деятельности человека (*my car, legally parked, yet violates his windows* — «моя машина, припаркованная в специально отведённом месте, посягает на права соседа»); *absurd but actual* («абсурдно, но реально»). Антитезы могут сочетаться с персонификациями и не иметь в своём составе какого-либо противительного союза: *grave mountains belly dance* («серьёзные горы танцуют танец живота»), где горы олицетворяются и их серьёзность и важность противопоставляется такому беззаботному развлечению и праздному времяпрепровождению, как танец. Автору удаётся противопоставить некоторые понятия, которые он в тоже время объединяет какой-либо общей характеристикой: *no man could conceive such finesse, concave or -vex* («никакой человек не мог придумать такого изящества, выпуклого или вогнутого»).

Проанализированные выразительные особенности поэзии Джона Апдайка служат доказательством нестандартности, необычности и многогранности его мышления и восприятия им действительности, которая преломляется у него в сознании и находит своё отражение в его литературном творчестве. При анализе поэзии данного писателя становятся совершенно очевидными её особое место в американской литературе и неопределимый вклад, внесённый автором в эволюцию

английской стилистики, лексикологии и лингвистики благодаря его способности создавать новые, ранее не существовавшие слова и комбинировать различные лексические единицы неожиданным и непредсказуемым образом, выходя за рамки их привычной предметно-логической сочетаемости, расширяя, тем самым, устоявшиеся семантические поля и обогащая синтагматические и парадигматические отношения в английском языке.

Список литературы

1. Bloom Harold, ed. Modern Critical Views of John Updike. Chelsea House. New York. 1987. — 104 p.
2. De Bellis Jack, ed. The John Updike Encyclopedia. Greenwood Press. Santa Barbara. California. 2001. — 545 p.
3. Hamilton, Alice and Kenneth. The Elements of John Updike. William B. Eerdmans. Grad Rapids. Michigan. 1970. — 267 p.
4. McNaughton William R., ed. Critical Essays on John Updike. GK Hall. Boston. 1982. — 308 p.
5. Newman Judie. John Updike. Macmillan. London. 1988. — 176 p.
6. Updike J. Collected Poems: 1953—1993. — Knopf, 1995. — 387 p

СЕМАНТИКА «ВОЗМОЖНОСТИ» В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Максимов Алексей Николаевич

*канд. филол. наук, доцент МГТА Т, Заместитель зав. кафедрой
лингвистики МГТА, г. Москва
E-mail: alexeymaximov@rambler.ru*

В отличие от традиционных грамматических категорий, строящихся на основе четких парадигматических связей элементов, образующих в совокупности систему языка, модальность представляет собой категорию более высокого порядка (катеорию категорий) в том смысле, что она интегрирует языковые элементы разных категориальных подсистем. В лингвистике модальностью называется лексико-грамматическая категория, выражающая семантику отношения денотатов к действительности, то есть отношение

содержания сообщения к действительности в плане реальности / нереальности, манифестируемая грамматическими и лексическими средствами языка [3, с. 118]. К модальности также относят значения языковых единиц, выражающих некоторую оценку говорящего содержания сообщения. Следует отметить, что отнесение содержания высказывания к действительности предполагает не абстрактное отношение комплекса словесных значений к действительности (реальности / нереальности), а такое отношение, которое устанавливается непосредственно говорящим лицом в конкретной ситуации общения. Высказывания, представляющие в совокупности тексты говорящего или пишущего, безусловно ориентированы на некоторый фрагмент внеязыковой действительности, будь то внутренний мир человека или окружающая его действительность, однако их содержание всегда конструируется с учетом того или иного коммуникативного задания и направлено на реализацию коммуникативного намерения говорящего [4, с. 323]. В этом смысле любое, даже простое предложение выражает субъективное **представление говорящего** о ситуации, которую он сознательно репрезентирует в речи с определенной точки зрения, следовательно, даже простое предложение не свободно от выражения комплекса модальных значений. Субъективный элемент в семантике высказывания реализуется за счет многих факторов: а) выбора говорящим грамматической модели предложения, адекватной для передачи его замысла; б) выбора конкретных лексических единиц, служащих обозначениями объективных реалий; в) прагматической ориентации предложения на адресата и учета экстралингвистических факторов; г) общей стилизации предложения как части диктемы и др.

В традиционной грамматике список средств выражения модальности ограничивается модальными глаголами, модальными словами и категорией наклонения, а список модальных значений представлен значениями реальности (действительности) и нереальности (возможности / необходимости / предположения) [2, с. 103]. Характерно, что в целях объективного описания традиционная грамматика вслед за логикой рассматривает модальные значения в некоторой изоляции от акта коммуникации и отдельно от говорящего индивида. Так, под *возможностью, необходимостью, долженствованием и предположением* понимаются однозначные понятия, не демонстрирующие никакого качественного своеобразия в зависимости от условий общения. Модальные значения «четко приписываются» словам, например, глаголам *can, may, must, will, should*, прилагательным *likely, sure, possible, evident*, грамматическим формам *were — Present Subjunctive, go! — Imperative* без

определения их роли в синтаксической конструкции всего предложения и без учета специфики их значения в контексте коммуникативного задания говорящего. Однако в современной грамматической теории, исходя из вышеперечисленных факторов, круг языковых средств выражения модальности значительно расширяется, да и список модальных значений также пересматривается. Рассмотрим, к примеру, семантику *возможности*, представленную в речи наклонением и модальными глаголами.

Возможность может быть онтологической. В этом смысле говорят, что действие или ситуация возможна в силу объективных причин вне зависимости от утверждения об этой возможности кого-либо. Например, если известно и установлено, что деревья породы X могут в объёме составлять 2 метра, то такая возможность проистекает не из утверждения кого-либо об этих деревьях, а из их существенных особенностей. В отношении людей и некоторых других живых существ такую возможность называют способностью. Например, если известно и установлено, что X может проплыть под водой 25 метров, то он способен при желании сделать это, даже если кто-то станет утверждать обратное. Интересно то, что из двух модальных глаголов, реализующих это значение в английском языке (*can, may*), наиболее предпочтительным является *can*. Например: *Seeds from this plant can grow up to 40 cm in height. He can do this work most efficiently.* Альтернативными средствами реализации значений онтологической возможности и способности в английском языке являются конструкции с прилагательными *possible, able, capable*. Например: *It's possible that seeds from this plant will grow up to 40 cm in height. He is able to do this work most efficiently.*

В речевом общении возможность все чаще приобретает эпистемический смысл. Эпистемическая возможность — это более или менее аргументированное предположение говорящего относительно совершения определенного действия или возникновения определенной ситуации. Реализация такой возможности подчиняется воле случая и не проистекает из объективных предпосылок ситуации или характеристик предмета, о котором сообщает говорящий, она базируется на догадках и субъективных представлениях самого говорящего [1, с. 262]. В данном контексте в английском языке наиболее часто функционирует *may*.

Например: *Actually you may have a point there.* Альтернативными средствами реализации этого значения в английском языке являются конструкции со словами *apparently, suppose, to my mind*. Например: *Apparently you are right there. I suppose you are right there.* Разграничив

два вышеуказанных смысла, следует признать, что в английской грамматике они не всегда получают автономное выражение — так, онтологическая возможность зачастую выражается при помощи эпистемического оператора *might*. Например: *In the old days one might be hanged for a crime as serious as that*. Вместе с тем, между конструкциями онтологической и эпистемической возможности проявляется ряд различий в плане семантики и употребления. Рассмотрим два предложения:

He couldn't **run** fast enough as his leg was badly wounded. (He мог бежать, был неспособен ...) — онтологическая в.

He couldn't **have run** fast enough, his leg is / was badly wounded. (He может быть, чтобы бежал ...) — эпистемическая в.

Первое модальное значение выражается в английском языке только с помощью *Indefinite Infinitive Active* или *Passive*, второе модальное значение реализуется при помощи всевозможных инфинитивных форм, включая перфектные и пассивные. Дело в том, что когда *can* выражает возможность или способность в указанных выше смыслах, формы *can* и *could* противопоставлены друг другу по временному значению, а именно: *can* выражает возможность в настоящем, а *could* в прошедшем. Инфинитив не указывает дополнительно, к какому времени относится действие. Когда *can* выражает предположение, *can* и *could* не дифференцируются по временному значению, поскольку *could* может употребляться как в контексте прошедшего, так и в контексте настоящего времени (*is / was*). Таким образом, форма инфинитива является единственным средством указания времени действия, по отношению к которому высказывается предположение.

Помимо формально-грамматического критерия — сочетания модального глагола *can* с инфинитивом — значения онтологической модальности (возможности, способности) и эпистемической модальности (предположения) различаются и по семантико-прагматическому критерию. Дело в том, что само по себе предположение есть вербальное действие, т. е., предполагая нечто, человек непосредственно высказывается вслух или про себя относительно того, что происходит, происходило или будет происходить. Английский язык располагает множеством средств выражения предположения — *I suppose she will be a great ballet dancer / She can make a great ballet dancer some time; Probably she was a great ballet dancer / She could have been a great ballet dancer*. Предположение может и не выражаться эксплицитно как в приведенных примерах, оно может рассматриваться в качестве иллокутивной семантики любого

речевого акта. Так, само произнесение высказывания может в некоторых случаях означать предположение говорящего относительно той или иной ситуации, в других случаях — уверенность. Прагматическая особенность модальности предположения, как видно из этих примеров, заключается в том, что предположение всегда одновременно акту высказывания, но не обязательно одновременно действию или ситуации, относительно которой оно высказывается. Пример:

I suppose (NOW WHEN I AM SPEAKING) she will be a great ballet dancer (IN THE FUTURE)

Probably (SEEMS PROBABLE NOW WHEN I AM SPEAKING) she was a great ballet dancer (IN THE PAST)

Перенос выражений предположения в грамматический контекст прошедшего времени не отменяет сказанного выше, а именно: предположение всегда одновременно акту высказывания, но не обязательно одновременно действию или ситуации, относительно которой оно высказывается:

I supposed (THEN WHEN I WAS SPEAKING / THINKING IN THE PAST) she would be a great ballet dancer (IN THE FUTURE)

It seemed (SEEMED IN THE PAST WHEN I WAS SPEAKING / THINKING) that she had been a great ballet dancer (BEFORE THAT PAST)

Значение онтологической возможности и способности у глаголов can / could, напротив, всегда соотносится во времени со значением инфинитива, они одновременны. Другими словами, возможность не отделима во времени от того действия, которому она приписывается говорящим, например: could paint very well (возможность / способность совершить действие и само действие локализованы в прошлом), can paint very well (возможность / способность совершить действие и само действие локализованы в настоящем). Еще примеры:

- I can smell something burning (and I am actually doing it).
- I could see a few faint stars in a clear patch of sky (and I did see them). (C. Cobuild English Grammar, pp. 332—333)

В контексте употребления can / could с глаголами чувствования (как в двух приведенных примерах) значение модального глагола (способность) нейтрализуется, на передний план выходит значение самого действия, выраженного инфинитивом. Эта форма can+smell, could+see компенсирует запрещенную в английском языке форму Continuous от этих глаголов для выражения чувства или восприятия, происходящего непосредственно в момент речи — I am smelling a fire*, I was seeing a few faint stars...* (правильнее сказать — I can smell a fire, I could see a few faint stars...). Хотя, как известно,

Continuous от этих глаголов может употребляться в определенных эмоциональных ситуациях, или когда значения глаголов чувства-восприятия переосмысляются:

- Is it you, or *am I seeing* ghosts?
- Was it something there, or *am I hearing* things?
- The cook *was smelling* the soup.

На примере семантики возможности мы показали, что в зависимости от грамматической структуры предложения и контекста употребления модальные глаголы *can / could* реализуют различные оттенки базовых модальных значений. Варьирование базовых модальных значений в зависимости от указанных факторов свойственно и другим модальным глаголам, которые могут предоставить интересный материал для будущего исследования. Несмотря на то, что данной теме посвящено значительное количество работ, можно говорить о ее актуальности на сегодняшний день, поскольку и само понятие модальности эволюционирует в современной лингвистике. В целом, можно говорить о переходе данной категории из разряда логических в разряд семиотических и коммуникативно-прагматических категорий.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. — М., 2007. — 384 с.
2. Беляева Е. А. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. — Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1985. — 180 с.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. — Москва: Высш. шк., 2004. — 239 с.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с.
5. Cobuild C. English grammar (под редакцией д.ф.н., проф. Блоха М. Я.). — М., 2006. — 703 с.
6. Langacker R. Cognitive grammar. A basic introduction. — New York, 2008. — 562 p.
7. Hewings M. Advanced Grammar in use. — Edinburgh, 2005. — 294 p.

ПОСТРОЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ СЛОВА С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА)

Суворина Екатерина Владимировна

*старший преподаватель кафедры фонетики английского языка,
Московский Городской Педагогический Университет, г. Москва
E-mail: ksuvorina@mail.ru*

Проблема дифференциации понятий «эмоция», «чувство», «аффект» уже долгое время является предметом обсуждения в разных науках: психологии [1], нейробиологии [2], лингвистике [3, 4]. Довольно часто лексические единицы «эмоция» и «чувство» используются как взаимозаменяемые, что создает дополнительные трудности в изучении эмоциональной сферы человека. Психологи последних десятилетий делали попытки определить место собственно эмоций в сознании человека, что, в конечном счете, помогло бы прийти ученым к построению универсальной классификации эмоций. Однако вопрос по-прежнему остается открытым для дискуссии. В области нейронаук особое место в изучении эмоций и чувств занимают работы А. Дамазио, автора теории нейроконверера, разделяющего понятия «emotion», «feeling a feeling» и «feeling».

Очевидно, что исследование эмоциональной сферы человека необходимо проводить как междисциплинарное для формирования более полной картины изучаемых понятий. С появлением и активным развитием в последние десятилетия корпусной лингвистики и ее методологического аппарата современные лингвистические исследования, построенные на огромных массивах данных (языковых корпусах) и использующие методы статистического анализа, позволили внести существенный вклад в развитие данной области.

Повышенный интерес лингвистов к методам обработки данных, предлагаемых корпусной лингвистикой обусловлен эволюцией науки. В распоряжении лингвистов имеются теперь новые методы обработки языковых данных, позволяющие получать объективные, статистически подтвержденные и воспроизводимые результаты, с возможностью формулировать различные запросы и получать результаты обработки больших массивов данных в кратчайшие сроки [5, 6].

Для решения проблемы дифференциации понятий «эмоция» и «чувство» с лингвистической точки зрения необходимо изучить конвенциональное употребление (поведение) этих лексических

единиц в языке на достаточно больших массивах дискурсивных данных. Методологический аппарат корпусной лингвистики позволяет исследователю строить лексические, грамматические или адаптивные профили анализируемых слов. Интерпретация полученных профилей позволяет подтверждать или опровергать данные психологии и нейронаук, интегрируя лингвистические данные с другими областями знания [7, 8].

Результаты, полученные ранее в ходе проведения анализа по построению лексического профиля (ЛП) по всему корпусу современного английского языка (Британский Национальный Корпус — BNC), позволили нам выдвинуть гипотезу о дифференцирующих областях анализируемых единиц и указали на необходимость расширения числа параметров, используемых при построении лексического профиля (см. табл.1).

Таблица 1.

Сопоставление лексических профилей слов EMOTION и FEELING (без учета возрастных когорт)

Тип конструкции	ЛП FEELING	Перевод	ЛП EMOTION	Перевод
verb+feeling/ emotion	to have to get	иметь получать	to show to express to convey	показывать выражать передавать
verb+feelings/ emotions	to mix to express to provoke to arouse	смешивать выражать вызывать пробуждать	to express to seethe to suppress	выражать быть охваченным сдерживать, подавлять
verb + a feeling/ emotion + of	to give to create to have to overcome to experience	давать вызывать иметь подавить испытывать	to evoke to betray to convey	пробуждать выдавать передавать
adjective+ feeling/ emotion	strong sinking strange bad uncomfortable uneasy	сильный слабый, неприятный странный плохой неловкий беспокойный тревожный	suppressed expressed strong intense human pent-up powerful	подавленный выраженный сильный сильный, глубокий человеческий сдерживаемый мощный

Тип конструкции	ЛП FEELING	Перевод	ЛП EMOTION	Перевод
adjective +feelings/ emotions	mixed strong personal true negative ambivalent unwanted	смешанные сильные личные истинные негативные противоречивые нежелательные	conflicting mixed negative strong human pent-up deepest uncomfortable suppressed	противоречивые смешанные отрицательные сильные человеческие сдерживаемые глубочайшие стесненные подавленные
noun+feeling/ emotion	helplessness unease dread guilt satisfaction panic	беспомощность беспокойство страх вина удовлетворение паника	voice intensity expression depth	голос интенсивность выражение глубина
noun+a feeling/ emotion+of	helplessness dread guilt unease satisfaction elation panic relief well-being security	беспомощность ужас вина беспокойство удовлетворение восторг паника, тревога облегчение благополучие безопасность	compassion fear loss anguish jealousy bitterness creativity gloom curiosity happiness friendship horror	сострадание страх потеря тоска ревность горечь, обида творчество уныние любопытство счастье дружба ужас

В данной работе дополнительным свободным параметром, предлагаемым системой BNCweb [9] служит «возрастная когорта». Его учет позволит нам исследовать тонкую структуру лексического профиля и описать дополнительные лингвокогнитивные особенности слов «emotion» и «feeling».

Данные Британского Национального Корпуса предполагают проведение лингвистического исследования для следующих возрастных групп (интервалы возраста в годах): 15—24, 25—34, 35—44, 45—59 и старше 60 лет (когорта 60+).

Для построения лексического профиля мы использовали глагольные, адъективные и номинативные коллокации в диапазоне от 3 до 1 слова (левый контекст для глаголов и имен прилагательных, правый — для имен существительных). Статистические показатели

колокаций рассчитаны по значению логарифмической функции правдоподобия (методом максимума правдоподобия (log-likelihood method)) [10]. Из получившихся списков колокаций мы отобрали первые 10, имеющие максимальные показатели, и представили результаты в виде таблиц. Отсутствие в таблицах достаточного количества колокаций (менее 10) свидетельствуют об отсутствии искомым в корпусе (см. табл.2,3,4).

Таблица 2.

Сравнение глагольных колокаций ЛП «emotion» и «feeling» с учетом возрастных когорт.

Возрастные когорты	Глагольные колокации any verb+emotion	Возможный вариант в русском языке	Глагольные колокации any verb+feeling	Возможный вариант в русском языке
15—24	to express* to evoke* to cry to deal to show* to create to hold to help	выражать пробуждать (чувства) взывать (к чувствам) распределять показывать создавать владеть обуздывать, удерживать	to convey to remember to enhance to evoke to emphasize to maintain to possess to create* to cause to appreciate	передавать (ощущения) помнить, вспоминать усиливать пробуждать (чувства) придавать особое значение поддерживать, сохранять владеть, обладать вызывать (чувство) служить причиной оценивать, понимать, принимать
25—34	to invest to shudder to darken to implicate to choke to betray* to convert	окутывать вздрагивать омрачать, порочить спутывать, сплетать задыхаться (от эмоций) выдавать превращать	to have* to stifle to get* to originate to glory to aggravate	Иметь подавлять, сдерживать получить порождать, создавать радоваться, торжествовать усугублять, ухудшать

Возрастные когорты	Глагольные коллокации any verb+emotion	Возможный вариант в русском языке	Глагольные коллокации any verb+feeling	Возможный вариант в русском языке
	to study to represent to share	изучать изображать, представлять разделять	to induce to escape to transmit	вызывать, стимулировать избегать передавать, сообщать
35—44	to show* to overcome to protect to betray* to break to harness to churn to diffuse to fill to gulp	показывать подавить (чувство) защищать, охранять выдавать прорываться, пронизывать использовать в определенных целях перемешивать распространять наполнять подавлять, сдерживать	to have* to get* to project to express* to promote to tun to overcome* to hate to create to increase	Иметь получить проецировать, переносить (собственные эмоции на кого- л.) выражать, высказывать стимулировать, активизировать хранить в бочке подавить (какое- либо чувство) ненавидеть вызывать (чувство) возрастать, усиливать
45—59	to trigger to quaver to despise to wobble to crackle to betray* to show* to excite to hamper to choke	инициировать, давать начало дрожать, трепетать презирать дрожать трещать выдавать показывать вызывать (чувства) препятствовать задыхаться (от эмоций)	to have* to get* to experience* to stifle to overcome to sublimate to enjoy to reflect to escape to encourage	Иметь получить испытывать, переживать подавлять, сдерживать подавить (какое- л. чувство) возвышать, возвеличивать наслаждаться отражать, воспроизводить избегать ободрять, поощрять

Возрастные когорты	Глагольные коллокации any verb+emotion	Возможный вариант в русском языке	Глагольные коллокации any verb+feeling	Возможный вариант в русском языке
60+	to show* to awaken to purge to echo to choke to arouse to colour to lack to convey* to express* to generate	показывать пробуждать (чувство) очищать, удалять отражаться задыхаться (от эмоций) пробуждать окрашивать недоставать, нуждаться в чем-л. передавать (ощущения) выражать вызывать, порождать	to have* to get* to induce to arouse* to create* to produce to instill to irradiate to express*	Иметь получить побуждать, вызывать пробуждать вызывать (чувство) производить, создавать внушать просвещать, озарять выражать

Таблица 3.

Сравнение адъективных коллокаций ЛП «emotion» и «feeling» с учетом возрастных когорт.

Возрастные когорты	Адъективные коллокации Any adjective + emotion	Возможный вариант в русском языке	Адъективные коллокации Any adjective + feeling	Возможный вариант в русском языке
15—24	Lyrical overriding energetic loud overwhelming evident deep*	лиричный важнейший, доминирующий активный, сильный активный, энергичный непреодолимый очевидный, несомненный серьезный, содержательный	Funny horrid patent nasty strong* sickening* watery mixed* terrible	забавный, смешной ужасный, неприятный очевидный отвратительный, отталкивающий сильный, мощный отвратительный бледный, бесцветный смешанный ужасный

Возрастные когорты	Адъективные коллокации Any adjective + emotion	Возможный вариант в русском языке	Адъективные коллокации Any adjective + feeling	Возможный вариант в русском языке
	previous similar strong*	преждевременный подобный сильный	different	необыкновенный, разнообразный
25—34	suppressed* grandmotherly indefinable putrid detectable strong* shaky disturbing violent	подавленный заботливый неопределимый мерзкий, отвратительный обнаруживаемый сильный непрочный, ненадежный волнующий интенсивный, сильный	Sick bad* dominant sinking* strong* disquieting strange* spontaneous eery uncomfortable*	Тошнотворный плохой основной, превалирующий неприятный, слабый сильный, решительный беспокойный, тревожный странный, необыкновенный, удивительный, сдержанный спонтанный, непринужденный жуткий стесненный
35—44	expressed* delicate unspent contained suppressed* sublime unaccustomed isolating freak	выраженный тонкий, деликатный нерастроченный содержащийся подавленный, угнетенный впечатляющий непривычный, необычный отделяющий необычный, причудливый	strong* strange* uncomfortable * overwhelming unpleasant instinctive growing horrible nasty	сильный, решительный странный, необыкновенный, удивительный, сдержанный стесненный непреодолимый неприятный, отталкивающий бессознательный, инстинктивный нарастающий ужасный отвратительный, противный
45—59	pleasurable indefinable	приятный неопределимый, неописуемый	Preventable sinking*	предотвратимый неприятный, слабый

Возрастные когорты	Адъективные коллокации Any adjective + emotion	Возможный вариант в русском языке	Адъективные коллокации Any adjective + feeling	Возможный вариант в русском языке
	<p>consoling powerful*</p> <p>overpowering subconscious anguished ongoing</p> <p>oblivious strong*</p>	<p>утешительный мощный, сильный</p> <p>непреодолимый подсознательный страдальческий непрерывный, постоянный рассеянный сильный</p>	<p>strong*</p> <p>strange*</p> <p>unwanted*</p> <p>unproductive gnawing</p> <p>eerie</p> <p>queer</p> <p>general</p>	<p>сильный, решительный странный, необыкновенный, удивительный, сдержанный нежелательный, лишний</p> <p>непродуктивный терзающий, мучающий жуткий, зловещий, мрачный странный, необычный обычный, общепринятый</p>
60+	<p>human* compressed*</p> <p>heightened banked-up unwonted</p> <p>unmoved mystical patriotic hysterical healing</p> <p>petty</p>	<p>человеческий сжатый, спрессованный</p> <p>усиленный приподнятый непривычный, необычный безразличный мистический патриотический истерический благотворный, полезный незначительный</p>	<p>strange*</p> <p>strong*</p> <p>uneasy</p> <p>odd</p> <p>uncomfortable *</p> <p>intuitive</p> <p>intense</p> <p>public</p> <p>vague</p> <p>peculiar</p>	<p>странный, необыкновенный, удивительный, сдержанный сильный, решительный неловкий, беспокойный необычный, странный неудобный, стесненный</p> <p>интуитивный, подсознательный интенсивный, напряженный общественный, общедоступный неопределенный, смутный странный, своеобразный</p>

Таблица 4.

**Сравнение номинативных коллокаций ЛП «emotion» и «feeling»
с учетом возрастных когорт.**

Возрастные когорты	Номинативные коллокации Emotion+of+ any noun	Возможный вариант в русском языке	Номинативные коллокации Feeling+of +any noun	Возможный вариант в русском языке
15—24	anguish* bitterness* rush loss* feeling moment	боль, мука, страдание горечь, обида напряжение, спешка, суета потеря, лишение, утрата ощущение, чувствительность миг, мгновение	elation* velocity boredom coldness finality merit well-being helplessness* emptiness intimacy	восторг, ликование скорость, быстрота скука, тоска безразличие, равнодушие завершенность заслуга, достоинство, добродетель благополучие, процветание беспомощность пустота близость
25—34	fear* moment	страх миг, мгновение	panic* joy self-worth severance misgiving powerlessness uselessness lethargy shyness disarray	паника, тревога радость, восторг чувство собственного достоинства разрыв, расставание предчувствие дурного бессилия бесполезность вялость, апатия застенчивость, робость замешательство, смятение
35—44			Unreality let-down	Нереальность разочарование, досада

Возрастные когорты	Номинативные коллокации Emotion+of+ any noun	Возможный вариант в русском языке	Номинативные коллокации Feeling+of +any noun	Возможный вариант в русском языке
			weight panic* sympathy foreboding elation* revulsion inferiority	бремя, тяжесть паника, тревога сочувствие, сострадание предчувствие (дурного) восторг, эйфория отвращение чувство приниженности
45—59	gloom* curiosity* horror*	уныние любопытство ужас, страх, боязнь, тревога	elation* helplessness* panic* contentment pleasure evil dizziness terror guilt* security*	восторг, эйфория беспомощность паника, тревога удовлетворение удовольствие зло, вред, несчастье головокружение страх, ужас вина безопасность, благополучие
60+	characteristic happiness* moment	характерная черта, особенность счастье, радость миг, мгновение	Excitement nausea satisfaction* unease* isolation guilt insecurity indebtedness doom dread*	возбуждение, волнение тошнота, отвращение удовлетворение беспокойство, волнение, тревога удинение вина надвигающаяся опасность задолженность, долговое обязательство гибель, кончина, смерть ужас, благоговейный страх, трепет

Необходимо заметить, что представленные в Таблице 1 данные ЛП по всему корпусу без учета возрастных когорт оказались равномерно распределены в тонкой структуре вновь сформированных профилей и отмечены звездочкой в табл. 2,3,4. Этот факт доказывает взаимосвязь и воспроизводимость полученных результатов, что наряду с объективностью придает им особую ценность.

Введение параметра «возрастная когорта» показало разную емкость лексических профилей и позволило более четко увидеть области пересечения профилей. Среди глагольных коллокаций совпали следующие: пробуждать эмоции/чувства (*to evoke, to arouse*). В группе адъективных коллокатов имеется лишь одно совпадение: сильные эмоции/чувства (*strong*).

Пересечение профилей в группе номинативных коллокаций возможно при рассмотрении сочетаний «*an emotion of horror*» и «*a feeling of terror*». Оба слова (*horror* и *terror*) входят в одно концептуальное пространство, обозначая страх, ужас. Однако, природа ощущений, передаваемых этими лексическими единицами различна: *horror* означает природный, животный страх, а *terror* — социально обусловленное ощущение страха, т.е. возникшее в результате каких-либо событий. Именно это наблюдение связывает выводы данного лингвистического исследования с теорией нейроконвейера А. Дамазо [11] и дает нам основания считать наиболее перспективным направлением дальнейших исследований построение многомерных лексических профилей (в пространстве возраста, пола, образования и т. д.) и анализ полученных многообразий наложением сечений адаптивными лексическими профилями. Такой подход позволит «визуализировать» результаты нейронаук и приведет к существенному прогрессу когнитивной лингвистики.

Список литературы:

1. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. — СПб.: Питер, 2001. — 749 с.
2. Damasio, Antonio R. *Descartes'Error: emotion, reason, and the human brain*. — New York, 2000.
3. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж: Изд-во Воронежского Университета, 1987. — 192 с.
4. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
5. Hoffmann S., Evert S., Smith N., Lee D., Prytz Y. *Corpus Linguistics with BNCweb — a Practical Guide*. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. — 288 p.

6. Захаров В. П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. — СПб., 2005. — 48 с.
7. Суворина Е. В. Использование сетевого программного обеспечения BNCweb при описании лингво-когнитивных особенностей слов «emotion» и «feeling» в современном английском языке // Вестник МГОУ. Журнал Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». — 2011. — № 1(6). — С. 73—79.
8. Суворина Е. В. Методика построения адаптивного лексического профиля слова (на материале Британского Национального Корпуса) // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: Сборник материалов VII Международной студенческой научно-практической конференции/ Под общ. ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Издательство НГТУ, 2011. — С. 181—187.
9. Hoffmann S., Evert S., Smith N., Lee D., Prytz Y. Corpus Linguistics with BNCweb — a Practical Guide. — Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. — 288 p.
10. Там же.
11. Damasio, Antonio R. Descartes'Error: emotion, reason, and the human brain. — New York, 2000.

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ...
К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ В ПУНКТУАЦИОННОЙ
СИСТЕМЕ СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА
«РЕЙНКЕ ЛИС» 1539-ГО ГОДА

Цапаева Сабина Юрьевна

*докторант, Университет г. Росток (Мекленбург Передняя
Померания, Германия), Философский факультет ,г. Росток*

E-mail: sabina@mail.natm.ru

«Знаки препинания, служащие нотами при чтении, расставлены у
Вас, как пуговицы на мундире гоголевского городничего».

А.П. Чехов

Ставить запятую или нет? Выбрать тире или двоеточие? Даже в современном немецком литературном языке порой возникают неразрешимые вопросы постановки знаков препинания, и это несмотря на то, что немецкий язык по праву считается одним из наиболее систематизированных. Немцы утверждают: во всём должен быть порядок. Однако эта неписанная истина касается, по всей видимости, не всех сфер жизни. Всё дополнительно усложняется, если мы двигаемся в сторону от стандарта к диалектам, от современного состояния языка к более древним формам.

В настоящей статье будут представлены первые результаты исследования языка средненижнемецкого животного эпоса «Рейнке лис» (ср. *Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert*) 1539-го года в рамках текущего диссертационного проекта «Das Rostocker Tierepos «Reynke Vosz de olde» (Ludwig Dietz, 1539) im Kontext der niederdeutschen «Reynke de Vos»-Überlieferung des 15. und 16. Jahrhunderts und der Rostocker Drucktradition der Mitte des 16. Jahrhunderts» (= «Животный эпос «Рейнке лис» (Росток, типография Людвиг Дица, 1539 г.) в контексте нижнемецкой традиции «Рейнке лиса» XV—XVI вв. и печатной традиции Ростка сер. XVI века»). Для начала будут сделаны общие замечания относительно пунктуационной системы средненижнемецкого языка. Далее речь пойдёт о функциях конкретных встречающихся знаков препинания (за исключением тильды и других послонных диакритических знаков, а также знака абзаца / параграфа) и некоторых тенденциях, обнаруженных в их употреблении в тексте. В частности, будет предпринята попытка определить зависимость

написания слов с прописной или строчной буквы после того или иного знака. В заключении будут сделаны предварительные выводы относительно тенденций в пунктуационной системе средненижненемецкого языка. По мере возможности в данной статье будут избегаться объёмные прямые цитаты из текста оригинала, чтобы не превысить лимит печатной площади. В связи с этим будут делаться по листовые ссылки на текст источника следующего вида: VI. VI r = лист 6, лицевая сторона, или VI. XIII v = лист 13, обратная сторона, чтобы не нарушать нумерацию страниц оригинала и не усложнять последующую навигацию по нему. Непосредственно перед переходом к основной части стоит уточнить, что анализ пунктуации проводился на основе прозаического текста комментария к главам, чтобы исключить влияние неоднозначного использования знаков препинания на границах стихотворных строк и искажения за счёт перенятых из любекского «Рейнке лиса» (ср. Sodmann 1976), положенного в основу ростокского животного эпоса (лирические цитаты из литературных произведений, являющиеся неотъемлемой частью глоссы, вошли в анализ лишь некоторых знаков препинания).

Говоря о средненижненемецком языке (снн.), следует помнить о том, что такого языка в строгом понимании этого слова не существовало. Снн. представлял собой скорее совокупность различных диалектов, региолектов и функциолектов, которые на данном этапе лингвистики принято объединять общим термином снн. С другой стороны, не менее важно отметить, что эта языковая совокупность не была нормированной языковой системой в отличие от современных языков, хотя на письменном уровне и происходили определённые уравнивающие процессы, нивелирующие отдельные произносительные особенности снн. диалектов. Что касается временной составляющей, то снн. XVI века (поздний период снн.) может быть поставлен в параллель с ранневерхненемецким (рвн.) языком (т. е. немецким языком ранневерхненемецкого периода). Несмотря на то, что этот фактор носит весьма относительный характер — несомненно, снн. и рвн. являются близкородственными языками, однако, сложно говорить о полном совпадении языковых тенденций в их развитии —, ему придётся уделить в данной работе внимание. Специализированной справочной литературы о синтаксисе или пунктуации снн. в настоящий момент не существует, поэтому придётся опираться на факты, известные из исследований рвн. (ср. Bergmann / Nerius 1998, Moulin 1990, Reichmann/Wegera 1993, Wolf 2000, Rösler 2003, Seelbach).

В первую очередь, следует отметить, что к середине XVI века пунктуационная система снн. не закончила своего формирования — хотя апогей развития самого снн. и пришёлся на XIV—XV века —, поэтому в тексте «Рейнке лиса» 1539-го года встречаются не все известные нам стандартные знаки препинания. В частности, в исследуемом источнике полностью отсутствуют кавычки, восклицательный знак, точка с запятой, тире, дефис, апостроф и многоточие. Помимо этого, в тексте не встречаются фигурные, ломаные и квадратные скобки, астериск и другие специальные знаки. С другой стороны, в тексте используются ныне вышедшие из употребления или ограниченно употребляемые в некоторых функциональных стилях косая черта (*Virgel*) и двойные наклонные чёрточки (*paarige Schrägstriche*). Кроме того, необходимо сделать поправку на то, что в данной статье речь идёт о языке определённого литературного произведения, напечатанного в типографии печатника Людвига Дица в Ростоке, поэтому все обобщения для снн. в целом носят скорее гипотетический, нежели обязательный характер.

Точка (лат. punctum).

Несомненно, точка является древнейшим знаком препинания. В частности, уже в памятниках латинского письма она нашла своё применение для обозначения окончания периода (лат. *periodus*), под которым следует понимать законченную мысль или предложение. В исследуемом тексте точка также используется в качестве знака границы предложения, причём предложения, как с содержательной стороны, так и с чисто синтаксической. В плане содержания под предложением понимается самостоятельное законченное речевое высказывание, более протяжённое, чем одно слово, предположительно эквивалентное риторической единице, т. е. коммуникативно обособленному отрезку высказывания, годному для прочтения вслух (именно зачитывание текста является важным критерием оценки деления текста на предложения в снн., а знаки препинания управляли чтением). С синтаксической точки зрения предложение представляет собой самостоятельную синтаксическую единицу, построенную в соответствии с правилами синтаксиса данного языка (в данном конкретном случае обязательным является наличие изменяемой формы глагола и валентно зависимых от него членов предложения), которая может состоять из нескольких взаимосвязанных несамостоятельных частичных фраз (например, придаточных предложений) различной длины, которые, в свою очередь, могут быть расценены как особые члены предложения. В снн. точка ставится в конце повествовательного

или восклицательного предложения. Первое слово после точки в функции знака границы предложения пишется с прописной буквы.

В исследуемом источнике может быть выделено ещё четыре основных функции точки. С одной стороны, точка факультативно ставится после контекстуальных частичных сокращений, позволяющих сэкономить место, типа Ко. (=Коп(n)inck), Са(p). (=Capit(t)el) или устоявшихся аббревиатур типа etc. / sc. (=et cetera). Как правило, в этом случае, следующее после точки слово пишется с маленькой буквы. Исключения составляют случаи, когда сокращение стоит в конце предложения. С другой стороны, точка используется для разграничения частей чисел или обозначения порядковых числительных.

Важной функцией точки в снн. является разделение авторской и прямой речи. В этой функции точка конкурирует с двоеточием, причём отмечается следующая закономерность: перед длинными высказываниями, особенно перед многострочными цитатами из литературных источников (главным образом, это касается лирических текстов), преимущественно употребляется точка.

Кроме того, точка выполняет функцию упорядочивания письма в целом. Т. е. в функциональном отношении она приближается здесь к косой черте (функция современной отделительной запятой), причём последняя в тексте однозначно доминирует.

В качестве осторожного предположения можно выдвинуть гипотезу о том, что постановка точки, впрочем, как и других знаков препинания, в снн. носила не столько синтаксический, сколько семантический характер, и одновременно с этим подчинялась ритмико-интонационному принципу ораторской речи (о риторических единицах высказывания см. выше).

Косая черта (лат. virgula).

Reichmann/Wegera обозначают косую черту как «удлинённую форму запятой» [4, с. 29], однако, судя по тексту «Рейнке лиса», функциональный арсенал этого наклонного штриха в значительной степени шире. В общей сложности можно установить восемь непересекающихся функций косой черты.

Во-первых, косая черта ставится на границе простых предложений в рамках сложного, например, между главным и придаточным предложениями. Косая черта в данной функции не влияет на написание слова, т.е. имеет место последующее написание с маленькой буквы, за редким исключением с заглавной [5, Вl. III г, XLVI г]. Во-вторых, косая черта встречается на границе синтагм, что можно предположительно объяснить принципом удобочитаемости («читабельности») текста. В-третьих, косая черта используется в

качестве разделительного знака препинания низшего порядка при непосредственном перечислении однородных членов предложения (слов или их сочетаний). Прописное написание последующего слова в таких случаях встречается крайне редко [5, Вл. XLVI г].

В-четвёртых, косая черта выполняет одну из функций современного двоеточия: она ставится перед перечислением [5, Вл. IV г, V г] в конце или середине предложения, причём перечислению, как правило, не предшествует обобщающее слово. В-пятых, косая черта ставится после предложения, вводящего прямую речь (в частности, цитату из литературного произведения). В данной функции [5, Вл. XXIII v, XXVII г] косая черта составляет конкуренцию двоеточию, причём первая употребляется немного чаще; особенно это становится заметно в скрытых монологах [5, Вл. XXVIII г]. Наблюдается тенденция к написанию со строчной буквы после косой черты. В шестых, парные косые черты обрамляют авторский комментарий или высказывание, прерывающее прямую речь [5, Вл. XXVI v, XXVII г, XXXIX v].

В-седьмых, косая черта ставится между двумя предложениями, не соединёнными посредством союзов, когда во втором предложении следует объяснение, пояснение или обобщение того, что было сказано в первом предложении [5, Вл. III г, XIX г]. Не в последнюю очередь косая черта заменяет точку на конце предложения [5, Вл. XIII г, XXX г, XXXIII г], в частности, даже в конце абзаца [5, Вл. XXXV г], впрочем, это скорее исключение из правила.

Вопросительный знак.

Изначально вопросительный знак использовался в качестве знака конца предложения или стихотворной строки. Лишь в XVI веке он стал употребляться для обозначения собственно вопроса (ср. Rösler 2003). В «Рейнке лисе» следует различать два обобщённых типа вопросов: риторический вопрос и обычный вопрос (дальнейшая классификация вопросительных предложений на собственно вопросительные, открытые, закрытые, альтернативные, уточняющие, наводящие, встречные, контрольные, вопросительно-побудительные и т.д. является нерелевантной для предмета исследования). В связи с этим в употреблении вопросительного знака были замечены следующие тенденции: вопросительный знак, поставленный в конце обычного вопроса, сигнализирует о том, что предложение в семантическом и синтаксическом плане закончено и содержит в себе вопрос. В этом случае после вопросительного знака, как правило, следует слово с заглавной буквы.

Если вопросительный знак стоит в конце риторического вопроса или функционально схожего с ним стилистически маркированного или эмоционально окрашенного предложения (псевдовопросы в защитительной речи барсука и лиса), то он может и не означать конец предложения. Зачастую в тексте встречается несколько идущих подряд риторических вопросов, каждый из которых может быть рассмотрен как частичный вопрос, т.е. как простое предложение в рамках одного сложного предложения — одного сложного риторического вопроса. Так, после вопросительного знака, поставленного в конце семантически и синтаксически завершённого риторического вопроса, следующее предложение начинается с большой буквы, тогда как после вопросительного знака в частичном риторическом вопросе следующее слово, являющееся частью следующего частичного риторического вопроса, начинается с маленькой буквы. Можно сделать предположение, что множественное употребление вопросительного знака в сложных риторических вопросах зависит не столько от формальной функции вопроса как такового, сколько отражает стремление автора и/или печатника к наибольшей полиграфической и семантической удобочитаемости текста. Открытым остаётся вопрос интонационного оформления предложений с вопросительным знаком, так как мы имеем дело с древним письменным источником и не можем уверенно судить о степени влияния того или иного знака препинания на изменение направления высоты или движения тона речевого высказывания при устном воспроизведении текста.

Двоеточие (лат. colon).

«Рейнке лис», сошедший с печатного станка Людвига Дица в Ростове, кажется, имеет все шансы называться своего рода «первопроходцем» в плане использования двоеточия. Грамматики утверждают, что двоеточие как разделительный знак, в частности, предшествующий прямой речи или вводящий перечисление, начинает употребляться только во второй половине XVII века [10, с. 1539; 9, с. 130]. До этого оно могло непоследовательно употребляться вместо точки или косой черты. В исследуемом снн. животном эпосе 1539-го года можно выделить как минимум три основных и две дополнительных функции двоеточия.

В первой функции двоеточие ставится перед прямой речью, следующей за авторскими словами, причём прямая речь, как правило, начинается с прописной буквы [5, Bl. IV r, IX v, X r, XI v]. Написание с маленькой буквы зафиксировано в тех случаях, когда прямая речь прерывается [5, Bl. XXVII r, XXXII v], представляет собой незаконченное высказывание [5, Bl. XVII r] или короткое восклицание в

функции комментария [5, Bl. XXXVI г]. Кроме того, двоеточие ставится в сложных бессоюзных предложениях, если второе предложение поясняет [5, Bl. X г, XXVI г, XXXII г] или обобщает [5, Bl. XI г, XL г] предыдущее (или предыдущие).

Далее следует отметить использование двоеточия вместо косой черты в длинных периодах для разделения главного и придаточных предложений, перегруженных наклонными штрихами в различных значениях. Очевидно, двоеточие используется для достижения большей лёгкости восприятия и понимания текста читателем [5, Bl. XXXVIII v, XLIV г].

Достаточно редко двоеточие встречается в качестве предупреждающего символа, разделяющего обобщающий элемент слева и следующее перечисление однородных членов справа от символа. В исследуемом тексте в данной функции однозначно доминирует косая черта (см. выше).

В единичных случаях двоеточие встречается в разделительной функции вместо косой черты на границе синтагм [5, Bl. XXX г] и в качестве цезуры [5, Bl. XXX г]. Можно предположить, что это примеры реликтовых функций двоеточия [10, S. 1539; 9, S. 130] или варианты контекстуальной замены знаков препинания. Учитывая сингулярность таких примеров, представляется весьма проблематичным, если вообще целесообразным и правомочным, трактовать их влияние на написание следующего слова с прописной или строчной буквы.

Парные круглые скобки (лат., др.-греч. parenthesis).

Парные круглые скобки не являются обязательным для правильного понимания содержания текста знаком препинания. Их основная функция — выделение приложения, пояснительного предложения или вставного авторского комментария (ср. функции скобок в современном немецком языке Helbig/Buscha 1996). Также они служат для достижения большей наглядности при длинных периодах, осложнённых предложениях, предложениях, перегруженных придаточными предложениями и, соответственно, знаками препинания (в главной степени — косыми чертами) и облегчения прочтения текста. В «Рейнке лисе» в обеих функциях наравне с парными круглыми скобками выступают парные косые черты.

В качестве особого знака препинания хочется выделить одиночную открывающую круглую скобку. В тексте она используется при недостатке места в конце строк в лирических цитатах из литературных произведений, причём перенос слова может

осуществляться как на последующую [5, Bl. XX v, XLI r], так и на предыдущую строку [5, Bl. XXVII r].

Двойные наклонные чёрточки.

Двойные наклонные чёрточки используются в тексте в качестве разделителя на конце строки, при переносе части слова на следующую строку (одна из функций современного дефиса), причём перенос слова осуществляется необязательно на границе слогов. Таким образом, слово переносится на новую строку там, где кончается строка, вне зависимости от членения слова. Хочется обратить внимание на тот факт, что иногда двойные наклонные чёрточки в тексте опускаются, и перенос особым графическим знаком вообще не обозначается, т. е. слово просто разрывается между строками.

В заключении хочется отметить, что пунктуационная система снн. XVI века, нашедшая непосредственное отражение в «Рейнке лисе», является комплексной и неоднозначной. Её неоднозначность состоит, с одной стороны, в том, что различные знаки препинания используются в одной и той же функции, с другой стороны, нельзя определить строгой закономерности написания с заглавной или строчной буквы после того или иного знака препинания. Тем не менее, знаки препинания в снн. обладают смыслоразличительными функциями, и можно заметить определённые тенденции в употреблении, в частности, разделительных знаков препинания. Так, точка и вопросительный знак в большинстве случаев стоят в конце предложения, в то время как косая черта и двоеточие в их основных функциях — на границе простых предложений в рамках сложного. Учитывая тенденцию к написанию начала нового предложения с заглавной буквы, можно говорить о том, что после точки и вопросительного знака в снн., как правило, следует слово с большой буквы. Выделительные знаки препинания, очевидно, не влияют напрямую на написание последующего слова с прописной или строчной буквы.

Важную роль в вопросе расстановки знаков препинания играют не только типы синтаксических структур, но и ритмико-интонационный принцип членения высказывания, в основе которого лежит как семантическое членение предложения, так и прагматическая ориентация на возможности читателя или чтеца, и коммуникативный аспект степени полноты восприятия, понимания и оценки текста слушателем. Другими словами, для пунктуационной системы снн. имеет значение и семантическая, т. е. информационная составляющая, и психологическая, выходящая за рамки чисто лингвистических категорий.

Практическая значимость знаков препинания в тексте прослеживается на различных уровнях. Так, нельзя обойти вниманием вспомогательную функцию знаков препинания и их сочетаний в оформлении изложения как такового. Они призваны указывать на различия в последовательности высказываний и содействовать выявлению общей логики изложения. Можно с уверенностью утверждать, что через использование тех или иных знаков препинания (здесь не имеется в виду специальная авторская пунктуация) опосредованно выражается намерение автора повлиять на эмоциональное состояние читателя/слушателя, облегчив восприятие текстового материала (без сомнения, наставительный и развлекательный эпос «Рейнке лис» был рассчитан на массовую аудиторию).

Из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что в понимании текста особое значение принимает как синтаксическое восприятие высказываний в целом, так и ритмическая природа текста. То есть особенности текста, а также «рекомендации к прочтению» проявляются на уровне знаков препинания. Это утверждение не теряет смысла при прочтении в обратную сторону: посредством особенностей системы пунктуации может преобразоваться сама форма текста, которую мы воспринимаем как языковое воплощение снн.

Конечно, исследование снн. (в частности, системы пунктуации) на примере текста «Рейнке лиса» на этом не завершается. По возможности о полученных результатах будет сообщаться в следующих сборниках статей конференции.

Список литературы:

1. Bergmann R., Nerius D. Die Entwicklung der Großschreibung im Deutschen von 1500 bis 1700. Heidelberg: Winter, 1998. —989 S.
2. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. München: Langenscheidt, 1996. —736 S.
3. Moulin C. Der Majuskelgebrauch in Luthers deutschen Briefen (1517—1546). Heidelberg: Winter, 1990. —462 S.
4. Reichmann O., Wegera K.-P. Frühneuhochdeutsche Grammatik. — Tübingen: Niemeyer, 1993. —562S. (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte: A. Hauptreihe 12).
5. Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert — Rostock: Ludwig Dietz, 1539. —CCLXXII Bl.
6. Rösler P. Kleine Geschichte der Satzzeichen. [электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: http://www.e-lisa.at/magazine/tribuene/downloads/tribuene04_2003.pdf (дата обращения: 25.12.2011).

7. Seelbach U. Geschichte der deutschen Sprache: Die Entwicklung der Interpunktion und des Majuskelgebrauchs. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://www.uni-bielefeld.de/\(en\)/lili/personen/useelbach/STUD/Beschorner/interpunktion.htm](http://www.uni-bielefeld.de/(en)/lili/personen/useelbach/STUD/Beschorner/interpunktion.htm) (дата обращения: 30.12.2011).
8. Simmler F. Satztypen im ältesten deutschen Benediktinerregel-Druck // *Regulae Benedicti Studia* 12, 1983, S. 121—140.
9. Sodmann T. *Reynke de vos* — Lübeck : Mohnkopffoffizin, 1498. Faksimile der Wolfenbütteler Inkunabel. — Hamburg: Kötz, 1976.-242 Bl.
10. Wolf N.R. Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Frühneuhochdeutschen // *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*, 2. Aufl., Teilband 2. — Berlin / New York: Walter de Gruyter, 2000, S. 1527—1542. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.2).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЭВФЕМИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (В СМИ-ДИСКУРСЕ)

Шигапова Фариди Финсуровна

ст. преподаватель КФУ (Приволжский), г. Казань

E-mail: faridash.81@mail.ru

В последнее время усилился процесс дисфемизации речи, то есть огрубления, употребления грубо-просторечных и жаргонных наименований, и об особенностях этого процесса пишут многие ученые (Карасик В. И. 1999; Стернин И. А. 2001; Слышкин Г. Г. 2000). Однако наряду с процессом дисфемизации наблюдается и противоположная динамика — процесс эвфемизации. Использование эвфемизмов не ново. Греческий историк Плутарх писал « <...> древние жители Афин <...> скрывали уродство некоторых вещей под удачными, подходящими и добрыми терминами, давая этим вещам вежливые и приятные названия. Поэтому они заменяли **harlots** *проститутка*, *шлюха* на **companions** *компаньонка*, вместо слова **taxes** *налоги* приветствовалось **contributions** *денежный вклад, пожертвование*, вместо **prison** *тюрьма* употреблялось **chamber** *комната, камера* [7, с. 442].

Термин «эвфемизм» происходит от греческого слова «*euphemos*», которое означает «хорошо говорю». В свою очередь «*euphemos*» образовано от слов *eu* (*хороший/хорошо*) и *pheme* (*речь, разговор*).

В лингвистической литературе появление древнейших эвфемизмов связывают с понятием «табу». Проблема соотношения табу и эвфемизмов неоднозначна, но причинно-следственная связь между табу и эвфемизмом отмечается почти всеми исследователями. Интересно утверждение А. М. Кацева, что «эвфемия невозможна без табу, хотя табу может быть без эвфемии» [3, с. 16]. По мнению Н. В. Терещенко, природный, религиозный, цивилизационный и идеологический факторы проявления табу обуславливают появление эвфемизмов [5, с. 21]. Ввиду сложности самого феномена, а также принимая во внимание факт подвижности данного слоя лексики, в современной лингвистической науке нет общепризнанного определения термина «эвфемизм». Эвфемистическая лексика изучается в рамках широкого или узкого подходов. Сторонники широкого (*лингвокультурологического*) подхода выводят на первый план *перенос прагматического фокуса* языковой личности на денотат, предполагающий номинативно-оценочное варьирование, то есть эвфемия рассматривается в аспекте референциального манипулирования. Узкий (*лингвостилистический*) подход предполагает анализ эвфемистического способа номинации в *лексикоцентрическом* (эвфемизмы традиционно рассматриваются как члены лексико-фразеологического корпуса) и *текстоцентрическом* (к эвфемизмам относятся как производным речевой деятельности, функционирующим в речи любым единицам языка) словарных пространственных измерениях.

Большая часть определений эвфемизмов апеллируют к основному их признаку — способности заменять табуированную лексику, вызывающую негативные эмоции, такие как страх, стыд, отвращение. Анализ лингвистической литературы показал, что существует много подходов к рассмотрению эвфемизмов. Мы придерживаемся *субституционного подхода* к эвфемизмам. Исходя из функций, можно подразделить определения эвфемизмов на несколько групп: 1) дефиниции, в которых акцентируется мягкость формы выражения, служащего заменой слишком прямого неприятного наименования (И. Р. Гальперин, Ч. Кейни, А. Спирс, Х. Салимов, Х. Фаулер, У. Холдер, В. Хаков); 2) дефиниции, в которых подчеркивается морально-этический аспект, а также социальная обусловленность эвфемизма (А. Александров, К. Барридж, Г. Р. Галиуллина, Е. Голубкова, А. Кацев, Л. Крысин, Э. Партридж); 3) дефиниции, указывающие на завуалированность формы эвфемизма по каким-либо причинам, на эффект маскировки неприглядных явлений (Дж. Лоуренс, Дж. Ниман и К. Сильвер, А. Мейриева О. Михайлова, Н. Якименко). В определениях современного лингвистического дискурса исследователи стараются учесть социокультурный, прагматический и лингвистический аспекты эвфемии.

По нашему мнению, в определении должны быть отражены такие важные аспекты эвфемизма, как контекстуальная зависимость и прагматическая направленность. Мы считаем, что эвфемизм представляет собой *элемент языка, употребляющийся вместо прямого номинанта стигматичного денотата для смягчения негативных ассоциаций у коммуникантов, квалифицированное в данном социуме или отдельным адресатом как неприличествующее, неприемлемое с точки зрения морально-этических норм, принятых в обществе с целью избегания «коммуникативных конфликтов» и успешного общения, а также с целью завуалировать некоторые социально неприемлемые и неприглядные явления действительности.* Необходимо подчеркнуть, что некоторые исследователи (Гальперин И. Р. 1981) отрицают существование так называемых политических эвфемизмов. По мнению ученого, эвфемизм должен сохранить связь с обозначаемым денотатом, если эвфемизм теряет соотнесенность с обозначаемым денотатом, он не может считаться эвфемизмом [1, с. 175]. В. П. Москвин также указывает, что иногда «учёным не всегда удаётся развести эвфемии и дезинформацию, в то время как дезинформация и эвфемия противопоставлены функциональны (по коммуникативной цели)» [4, с. 843]. Следует отметить, что «эвфемизмы являются одним из средств реализации условия уместности речи, так как слова и выражения должны быть уместны по отношению к адресату речи и другим участникам общения, а также по отношению к ситуации, в которой происходит общение [4, с. 26—27]. На наш взгляд, политические эвфемизмы, несмотря на слабую связь с обозначаемым денотатом, обладают релевантными признаками эвфемизмов.

Характерными и дистинктивными признаками эвфемизма нами признаются: 1) наличие тематически стигматичного некорректного антецедента, т. е. стигматичность денотата; 2) семантическая неопределенность эвфемизма, которая позволяет нейтрализовать негативную оценку денотата; 3) сохранение соотнесенности со стигматичным денотатом; 4) положительная по сравнению с денотатом коннотация; 5) обусловленность эвфемизма коммуникативной ситуацией и коммуникативно-прагматическими интенциями коммуникантов.

В политической сфере эвфемизмы в основном употребляются с целью скрыть истинную сущность явления, завуалировать неприглядное, вызывающее негативную оценку общества массовое возмущение за счёт создания нейтральной или положительной коннотации. По мнению В. И. Заботкиной, одним из мотивов использования эвфемизмов в сфере политики является «попытка создания «языковой иллюзии оправдания непопулярной политики»

[2, с. 89] Е. И. Шейгал подчеркивает «высокую степень манипулирования и «эзотеричности» (наличие скрытого смысла), присущую языку политики, который стремится закамouflировать определенные моменты действительности [6, с. 84]. Языковые эвфемизмы, зафиксированные в словарях, обладают низкой степенью эвфемистичности, поскольку причина табуируемого денотата очевидна как для коммуникатора, так и для реципиента. Например, несколько десятилетий назад лексическая единица **poor children** была заменена на **disadvantaged children**, позднее на **children at risk**. Однако эти некогда эвфемистические выражения в силу частого использования и негативных ассоциаций потеряли способность выполнять эвфемистическую функцию, в данном случае, камouflаж проблем в социальной сфере с целью предотвращения конфликтов. Эвфемизмы, используемые в газетных текстах и других источниках СМИ, основаны на механизме ассоциативности, то есть эвфемистический эффект возникает в силу ассоциации с положительным денотатом — для обозначения отрицательного денотата используется слово, вызывающее дополнительные ассоциации с чем-то положительным. Поэтому, как отмечает автор статьи «Wash. lawmaker wants euphemism for poor: 'at hope'» (The Seattle Times 2010) Донна Гордон Бланкиншип, один из законодателей Вашингтона сенатор Роза Франклин предлагает заменить эти лексические единицы другой **children at hope**, вызывающей положительные ассоциации. Этот пример наглядно показывает, что на современном этапе развития англоязычного социума при формировании эвфемистических субститутов происходит вербальная трансформация «минусов» в «плюсы». Приведем еще один пример: термин **creative accounting** *творческий учет* долгое время использовался, чтобы ретушировать нелицеприятный термин **fraud** *мошенничество*. В эвфемистический субститут входит компонент **creative**, обладающий настолько упрочившейся положительной коннотацией, что вызывает лишь положительные ассоциации, связанные с понятием «творчество». При использовании речевых эвфемизмов реципиент обычно не успевает распознать эвфемизмы из контекста и осмыслить их, в результате чего происходит создание неадекватной информационной модели действительности (искажение, утаивание информации, смещение приоритетов). Замена прямого наименования связана с идеологией, пропагандируемой в обществе на данном историческом этапе развития, нормативно-ценностными системами социума, стремлением завуалировать определенные политические меры, способные вызвать неодобрительное отношение со стороны общества. В одном обществе неприемлемые слова могут быть заменены эвфемизмами, в другом те же

явления могут называться прямо. Информация видоизменяется при помощи откорректированных терминов, способствующих нейтрализации негативного эффекта от представленной информации. Например, в *New York Times* (2009) в статье «U.S. May Permit 9/11 Guilty Pleas in Capital Cases» от 05.06.2009 опубликовано предложение, выдвинутое администрацией Б. Обамы, касающееся узников Гуантанамо и заключающееся в возможности приводить смертный приговор в отношении этих людей без судебных процессов. Это предложение преследует следующие цели: «*The proposal would ease what has come to be recognized as the government's difficult task of prosecuting men who have confessed to terrorism but whose cases present challenges. Much of the evidence against the men accused in the Sept. 11 case, as well as against other detainees, is believed to have come from confessions they gave during intense interrogations at secret C.I.A. prisons. In any proceeding, the reliability of those statements would be challenged, making trials difficult and drawing new political pressure over detainee treatment*» букв. «Это предложение позволит облегчить выполнение одной из обязанностей правительства преследовать судебным порядком людей, признавших в совершении террора, но чьи дела представляют определенную сложность. Считается, что большая часть доказательств против обвиняемых в терроре, совершенного 11.09.2001, а также других заключенных, была получена в результате признаний, данных обвиняемыми в процессе **напряженных допросов** в засекреченных тюрьмах ЦРУ. При любых процессах, надежность этих признаний может быть поставлена под сомнение, что может осложнить судебный процесс и привести к новому политическому напряжению по отношению к заключенным». Отвлеченный, неопределенный характер единицы *intense interrogations* приводит к снятию негативной коннотации. Выбор этой единицы обусловлен стремлением замаскировать последствия неприглядных политических и экономических мер. В этой же статье мы находим следующее: *The provision could permit military prosecutors to avoid airing the details of brutal interrogation techniques.* букв. «Это предложение позволит обвинителям избежать огласки подробностей грубых мер допроса». Использование единицы *interrogation techniques* вместо более определенной единицы, подразумевающей применение физической единицы и угроз, позволяет завуалировать действия, нарушающие права человека с целью избежать осуждения общественности и тем самым манипулировать общественным сознанием с целью оправдания неблагоприятной политики и политических мер.

Основная цель попытки избежать судебных процессов помешать людям узнать о подробностях пыток, которым подвергли заключенных. Но слово **torture** (букв. пытки) ни разу не упоминается в статье, вместо него употребляется словосочетание **intense interrogations** или **interrogation techniques**. В целях смягчения негативного явления лексическую единицу **torture** заменяют эвфемизмы **intense interrogations** или **interrogation techniques**. Негативная сема ослаблена с целью избежания социального противоречия. При употреблении политических эвфемизмов, связанном с попытками исказить определенную информацию, сущность явления не меняется, видоизменяются отдельные характеристики и свойства предмета благодаря избирательному подходу к выбору способа репрезентации. Однако применительно к тем же методам, используемым другими странами, СМИ часто используют термин **torture**. Например, в статье «*Harold E. Fischer Jr., an American Flier Tortured in a Chinese Prison, Dies at 83*», опубликованной 08.05.2009: «*Col. Harold E. Fischer Jr., an American fighter pilot who was routinely tortured in a Chinese prison during and after the Korean War, becoming — along with three other American airmen held at the same prison — a symbol and victim of cold war tension, died in Las Vegas on April 30*». букв. «Полковник Гарольд Э. Фишер, американский пилот, который регулярно подвергался пыткам, наряду с другими тремя Американскими пилотами, содержащимися в той же тюрьме, — символ и жертва холодной войны, умер в Лас-Вегасе 30 апреля».

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о двух типах эвфемизации:

1. эвфемизация при отсутствии единицы. Создается новая единица, форма которой соответствует цели создателя;
2. эвфемизация при наличии двух групп единиц: нейтральной и дисфемистической (**intense interrogations — torture**).

Способы реализации эвфемистической зашифровки могут быть самыми разнообразными: графический, фонетический, морфологический, лексико-семантический и синтаксический. Наиболее распространенным и продуктивным способом является лексико-семантический способ, а именно расширение семантического значения или генерализация значения. Расширение семантического значения подразумевает замену слова, в котором присутствует прагматический фокус родовым наименованием широкой семантики, который является абсолютно нейтральным и применимым ко многим явлениям: «*The founder of Monsoon Accessorize has told suppliers that they need to offer «assistance and contributions» to ensure the stability of the fashion chain*». (The Times 2010) «Основатель Monsoon Accessorize

сказал поставщикам, что им необходимо предложить «**помощь и содействие**», чтобы обеспечить стабильность компании в сфере моды». Немалое количество эвфемизмов в языке СМИ — продукт метафорического переосмысления. Семантический сдвиг, основанный на сходстве между нежелательной номинацией и соответствующим денотатом, нейтрализует отрицательный эффект: «...in villages around Kandahar and in Helmand Province, whose names are familiar to us now as **the last resting places** of so many British soldiers. Our troops are not to blame. They've fought incredibly bravely in adverse conditions..» «...в деревнях около Кандагара и в провинции Гелман, чьи названия известны нам как **последнее место успокоения** многих британских солдат. Нельзя винить наши войска. Они сражались невероятно храбро в этих боях» (The Times 2010).

В заключение можно сказать, что, прибегая к различным способам образования эвфемизмов, СМИ придерживаются избирательного видоизмененного способа репрезентации информации. Использование нейтральных формулировок, то есть эвфемизмов, с целью маскировки некоторых явлений и действий позволяют видоизменить отдельные свойства и характеристики предмета. Процесс эвфемизации отражает языковую тенденцию к соблюдению политической корректности в англоязычном обществе.

Список литературы:

1. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. — М.: Высш. шк., 1981. — 334 с.
2. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. — М.: Высш. шк., 1989. — 124 с.
3. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия (учеб. пособие) — Л., 1989. — 79 с.
4. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: терминолог. слов./В. П. Москвин. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 941 с.
5. Терещенко Н. В. Эвфемистические средства объективации концепта «страх» на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук. — Пятигорск, 2005. — 147 с.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
7. Fromkin V., Rodman R., Nyams N. Introduction to Language. — 8 Edition. — Wadsworth Publishing, 2006. — 608 p.
8. Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. (How not to say what you mean) — Oxford University Press, 2008. — 412 p.

2.3. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

КОММУНИКАТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА ФРАНЦИИ XVII—XXI ВЕКОВ

Бабич Галина Михайловна

преподаватель Академии МВД РБ, г. Минск, респ. Беларусь

E-mail: appelle@mail.ru

Наряду с термином текст в лингвистике употребляется близкий ему термин *дискурс*. Попытки дать определение дискурсу предпринимались различными лингвистическими школами.

Французской школе изучения дискурса принадлежит целый ряд интерпретаций данного понятия, среди которых: дискурс трактуется как эквивалент понятия речь; как высказывание в глобальном смысле; как воздействие высказывания на его получателя; как беседа; как речь, присваиваемая говорящим и т. д. [8, с. 549].

Современная московская школа рассматривает дискурс как «коммуникативное событие», подразумевающее три аспекта: креативный (субъект коммуникативной инициативы — автор), референтный (предметно-смысловая сторона высказывания) и рецептивный (адресат) [9, с. 24].

Волгоградская школа опирается на определение дискурса, подразумевающее два аспекта анализа (коммуникативный и когнитивный): «Дискурс (...) — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136—137].

Французский исследователь Ж. Корню проводит разграничение понятий *текст закона* (*texte de la loi*) и *законодательный дискурс* (*discours législatif*). Текст представляется им как модель дискурса (*un modèle de discours*), в структуре которой присутствуют признаки специфического акта коммуникации [13, с. 266].

Процедура провозглашения закона (провозгласить — торжественно *объявить*, *произнести* [6, с. 558]) происходит в официальных органах печати путем его опубликования. Несмотря на

письменную форму объявления закона, его исходной базой является *речевое действие*, *речевой акт*, который квалифицируется как минимальная коммуникативная единица, выступающая в функции целенаправленного действия говорящего (пишущего) для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации.

Дж. Остин выделил три сущности речевого акта: *локутивный акт* — собственно акт говорения, рассматриваемый с точки зрения пропозиции и ее языкового состава; *иллокутивный акт* — речевой акт, как цель и условия ее реализации; *перлокутивный акт* — речевой акт, как результат воздействия на адресата [7].

Возможность использования языка для совершения различных действий позволила Дж. Остину выделить констатирующие и перформативные типы речевых актов [там же]. Первые представляют собой констатацию какого-либо поступка, вторые — равносильны самим поступкам.

В юридической лингвистике существует мнение, озвученное, в частности, П. Амселеком, о том, что законодательная коммуникация осуществляется при помощи перформативных речевых актов [18, с. 390]: «... nous *déclarons* les assemblées illicites et séditeuses, sujettes à la même peine ...» [17] («... мы *объявляем* собрания незаконными и бунтарскими, подлежащими такому же наказанию ...»). Осуществлению социально значимого действия в тексте закона способствует и неперформативный глагол, для которого функция речевого действия не является основной. Ср.: «Le Conseil de la République *siège* en même temps que l'Assemblée Nationale» [12] («Совет Республики *заседает* в то же время, что и Национальное собрание»).

Основными параметрами перформативного речевого акта являются, как известно: Я (адресант) — ты/вы (адресат) и глагол в 1 лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения.

Проблематика *адресанта* как участника речевого действия интересует многих современных ученых. Мы придерживаемся мнения тех исследователей, которые считают, что при прагматическом подходе, учитывающем все тонкости отношений между участниками коммуникативного акта и предметом речи, адресант расщепляется на три сущности: протагониста (исполнителя действия), говорящего и источник информации (автора высказывания) [3, с. 762].

Для обозначения адресанта в юридической лингвистике используется термин *законодатель* [5], [10]. Законодатель представлен не первым лицом («Я»), а третьим лицом, указывающим на источник речевого действия — субъекта, занимающего определенную социальную позицию; либо на орган власти, занимающийся

законотворчеством, например: *le Roi*-Король, *l'Assemblée Nationale*-Национальное собрание, *le Gouvernement*-Правительство и т. д.

Для обозначения второго участника коммуникации используется общепринятый термин *adresat*. Фактор адресата представляет собой совокупность данных, которые законодатель обязан учитывать как инициатор общения и организатор речевого действия, направленного на достижение определенных целей.

Адресат может быть коллективным или массовым. Встречаются такие законы, где законодатель обращается к каждому без исключения (прежде всего конституция, гражданский и уголовный кодексы): «*Chacun* est responsable du dommage qu'il a causé ...» [11] («Каждый несет ответственность за нанесенный им ущерб ...»); а также к определенным слоям населения: «Enjoignons aux *lieutenants criminels et tous autres juges* d'observer et faire observer les règlements ci-dessus» [16] («Приказываем королевским судьям по уголовным делам и всем остальным судьям соблюдать самим и заставлять других соблюдать вышеуказанные постановления»). Адресат выражен третьим лицом единственного или множественного числа. Он находится в неприоритетной позиции и не обладает правом решать вопрос о выполнении/невыполнении предписываемого действия.

Необходимым параметром законодательного дискурса является соблюдение общепринятой *структуры* текста закона, представляющей локутивный компонент законодательной коммуникации. К элементам структуры закона относятся: наименование органа, принимающего закон; название закона; преамбула закона; юридическое содержание закона; последствия несоблюдения закона; отмена законом других юридических предписаний; сведения об опубликовании закона и вступлении его в силу; подпись законодателя [2, с. 119]. Преамбула является эксплицитно выраженной пропозицией закона как юридического акта, которая «может отходить от канонов делового документа» [4, с. 36]: *nos bons sujets et les maux particuliers*-наши добрые подданные и отдельные злые (1599 г.), *cet empire tyrannique*-эта тираническая империя (1789 г.) и т. д.

Иллокутивный компонент формируется интенцией законодателя, которая подразумевает установку на конкретную ответную реакцию адресата. В законодательной коммуникации иллокутивный компонент реализуется как *предписание*: «Закон — установленное высшей государственной властью предписание, применяемое ко всем и определяющее права и обязанности каждого; совокупность таких предписаний» [15, с. 872]. Общий термин *предписание* включает в себя разные цели законодателя: приказ, разрешение, запрет, обязательство,

постановление и т. д. Иллокутивное назначение закона передается, преимущественно, перформативными глаголами *prescrire*, *ordonner*, *enjoindre*, *arrêter* и т. д.

Направленность предписания на будущее может находить свое выражение в названии закона: «Loi n° 2005-380 du 23 avril 2005 d'orientation et de programme pour *l'avenir* de l'école» [14]. При этом немедленное осуществление перлокутивного эффекта не предполагается.

Таким образом, в основе текста закона как модели законодательного дискурса лежит речевой акт, необходимыми компонентами которого являются законодатель и адресат. Приоритетная позиция законодателя (должностного лица или органа) по отношению к адресату способствует осуществлению коммуникации, обуславливает лингвистические особенности законодательного дискурса .

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Языкознание: большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е (репр.) изд. — М., 1998. — С. 136—137.
2. Гавриленко В. Г. Правоведение: термины, понятия, определения / В. Г. Гавриленко, Н. И. Ядевич, В. П. Изотко. — Минск: Право и экономика, 1998. — 486 с.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. — 736 с.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 3-е изд., стер. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 137 с.
5. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2: рус. яз. в его естеств. и юрид. бытии: межвуз. сб. науч. тр. / Алт. гос. ун-т; отв. ред. Н. Д. Голев. — Барнаул, 2000. — С. 9—45.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / С. И. Ожегов. — 12-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1978. — 847 с.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст.: пер. — М., 1986. — Вып. 17: Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. — С. 22—129.
8. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика: антология / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.; Екатеринбург, 2001. — С. 549—562.
9. Тюпа В. И. Аналитика художественного: введ. в литературовед. анализ / В. И. Тюпа. — М.: Лабиринт: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2001. — 192 с.

10. Charaudeau P. Langage et discours: éléments de semiolinguistique, théorie et pratique / P. Charaudeau. — Paris: Hachette, 1983. — 175 p.
11. Code civil [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.legifrance.gouv.fr/WAspad/UnCode?code=CCIVILL0.rcv>. — Date of access: 04.06.2010.
12. Constitution de la IV République (4 octobre 1958) [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/textes/constit.htm>. — Date of access: 06.06.2010.
13. Cornu G. Linguistique juridique / G. Cornu. — Paris: Montchrestien, 1990. — 412 p.
14. Loi № 2005-380 du 23 avril 2005 d'orientation et de programme pour l'avenir de l'école [Electronic resource]. — Mode of access: <http://droit.org/jo/textes/ld.html>. — Date of access: 06.06.2009.
15. Nouveau dictionnaire de français / Larousse. — Paris: Le Grand livre du mois, 2006. — 1650 p.
16. Ordonnance criminelle du mois d'août 1670 [Electronic resource]. — Mode of access: http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/ordonnance_criminelle_de_1670.htm. — Date of access: 04.06.2009.
17. Ordonnance du Roi concernant la discipline de l'Eglise et l'état et qualité des nègres esclaves aux îles de l'Amérique, mars 1685 [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.cesaire.org/expo/les_articles_du_code_noir.htm. — Date of access: 04.06.2009.
18. Théorie des actes de langage, éthique et droit / publ. sous la direction de P. Amselek. — Paris: Presses univ. de France, 1986. — 252 p.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЭМОЦИЙ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Медоян Сусанна Багратовна

аспирант, СГУТуКД, г. Сочи

E-mail: smedoyan@mail.ru

Эмоции как психическое явление отражают в сознании человека его оценочные отношения к миру, которые могут выражаться не только жестами и мимикой, но и с помощью языка. Эмоциональные процессы фиксируются посредством языка и отображаются в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Эмоция «проникает» в слова «хранится» в словах и при необходимости, выражаются и опознаются с помощью этих слов.

К настоящему времени уже не вызывает сомнения единство речи, мышления, языка и сознания. Эмоции тесно связаны с остальными модулями сознания, сопровождают их, провоцируют, запускают, блокируют, и оценивают. Эмоции относятся к мотивационной системе сознания, мышления и речевого поведения. «Все наше речевое поведение, сознание, мышление, движение оцениваем ситуацией и фактов действительности, которое всегда эмоционально» [5, с. 34]. По А. Н. Леонтьеву формирование сознания, происходит в процессе деятельности, а деятельность, активность, и производительность, не может быть беспристрастной. Отсюда следует то, что эмоции тесно связаны с сознанием и являются мотивирующей основой всей деятельности, а также отражаются в речи, и имеют свое влияние на ментальность. Эмоции являются формой отражения оценочного отношения человека к миру. Отражение эмоций человека в слове имеет и психофизиологическое, и социальное обоснование, так как эмоции отражают через слово типизированные психические состояния человека, как компоненты реального мира в его языковой картине [5, с. 68].

Эмоции участвуют в формировании языковой картины мира, слово является инструментом сознания и отражает компонент языковой картины мира, особенное психическое состояние носителя языка свойственное данной культуре.

Эмоциональную речь, которая выражает не только мысль, но и эмоции по поводу, какого либо события или сообщения, К. А. Долинин называет эмоциональным самовыражением, или эмоциональной коммуникацией [3, с. 208].

В. И. Шаховский считает, что выражение эмоций — это «непосредственная коммуникация самих эмоций, а не их обозначений,

их языковое проявление». Эмоции представлены в языке следующими способами:

1. Непосредственно выражением через эмотивные междометия.
2. Путем лексического обозначения (выражения) эмоций и чувств.
3. Посредством описания внешнего состояния, в котором проявляются эмоции.

Эмоции непосредственно выражаются междометиями.

К эмотивным междометиям относятся восклицания такие как: Ah! Eh! (Э! Эй! — выражение удивления), Oh! (Ой), Fi! (Фу! Тьфу!), Pouah! (Фу!), Среди них можно выделить:

- позитивные: Ah! (Ах! — выражение удовольствия, восхищения), Oh! (Ой! — удивление, восхищение, пафос), Youpi! (Ура! Здорово!), Hourra! (Ура!).
- негативные междометия: Fi! (Тьфу! Фу! — презрение, пренебрежение), Pouah (Тьфу! Фу! — разочарование), Hélas (Увы! Ах!), Aie! (Ай), Zut! (Черт!).

Эмоции в языке представлены также эмотивной лексикой. К эмотивной лексике К. А. Долинин и В. И. Шаховский относит слова с эмоционально оценочной окраской, которые носят субъективный характер [3, с. 236; 5, с. 94, 96]. Вслед за К. А. Долининым и В. И. Шаховским к эмотивной лексике мы относим эмоционально-экспрессивные слова, имеющие денотативное (предметное) значение, но которые одновременно выражают и отношение говорящего к данному предмету. Например: cheri(e) (милый, милая), salor (мерзавец, сволочь), merde (дерьмо), putain (шлюха), petite maman (мамочка, мамулечка), mon (petit) chou, ma choute (душенька), mignon, petit (миленький, хорошенький).

Для того чтобы выявить эмотивность слова необходимо сопоставлять слова синонимического ряда. Ш. Балли писал, что мы понимаем слово и ощущаем его эмоциональную окраску, только благодаря бессознательному сопоставлению. Но строго разграничивать эмоциональный и рассудочный фактор, как считает Ш. Балли, мы не можем, «так как экспрессивные факты возникают на основе сложных психических актов, куда входят в различных пропорциях самые различные элементы. Наша мысль постоянно стремится к тому или другому полюсу, никогда не достигая их полностью; следовательно, в одних случаях она будет иметь логическую доминанту, а в других — эмоциональную» [1, с. 182].

Таким образом, в эмотивной лексике субъективно-оценочный компонент доминирует над ее денотативным содержанием.

В нашу задачу входит выделить средства языковой экспрессии с эмоциональной доминантой. Сопоставляя синонимы со стилистически нейтральным (идентифицирующим) словом, как это делал Ш. Балли во время своего исследования, можно обнаружить слова с эмоциональной окраской. Это отчетливо видно в примерах, где второе и последующие слова обладают большей экспрессивностью, чем первые:

Etonné (удивленный) — ébahi (изумленный);

Maigre (худой) — fluet (хилый);

fuir (убежать) — s'échapper— disparaître (скрыться);

s'irriter (сердиться) — être courroucé (быть разгневанным), être hors de soi (быть вне себя), exhaler sa colère (пылать гневом)

économie (бережливость) — avarice (скупость)

générosité (щедрость) — prodigalité (мотовство)

habileté (ловкость) — ruse (пронырливость)

Играет аффиксация значительную роль в выражении разных эмоций.

• Именам существительным придают эмоциональную окраску суффиксы:

-age. Например: servitude (зависимость, подневольное состояние) — servage (зависимость, рабство);

-erie: avances (авансы, первые шаги, попытки к применению) — agaceries (кокетство, заигрывание с легкими провокациями);

mensonge (ложь) — tromperie (вранье);

-ance, -ence: servitude (зависимость) — obéissance (повиновение, подчинение);

endormissement (засыпание, впадение в спячку) — somnolence (вялость, дремота);

-ison: rétablissement (восстановление) — guérison (выздоровление, исцеление);

-aison: épanouissement (расцвет) — floraison (расцвет, пышное цветение, всплеск);

-ure: déchirement (разрывание, разрыв) — déchirure (разрыв, дыра);

-ité: rudesse (суровость, грубость) — brutalité (насилие, зверство; дикая, грубая выходка);

• Именам прилагательным придают эмоциональную экспрессию следующие суффиксы:

– **eux:** avare (скупой) — avaricieux (скуповатый, мелочный — используемый с иронией, и пренебрежительностью)

-ard(e): lent (медлительный) — traînard(e) слишком медлительный человек, принудительно, без всякого желания выполняющий какое-либо действие;

voleur (вор, похититель) — pillard(e) (грабитель, хищник);

-on(onne): mécontent, de mauvaise humeur (не довольный, человек с плохим настроением) — grognon(onne) (ворчун, ворчунья);

• Для глаголов характерны собственные Эмоционально-экспрессивные суффиксы:

-oyer: se balancer (качаться, раскачиваться) — ondoyer (колыхаться);

maltraiter — (не вежливо, дурно обращаться, обижать кого-либо), — rudoyer (грубо, резко, сурово обращаться с кем-либо, третировать кого-либо, помыкать кем-либо);

-ass: rêver (мечтать) — rêvasser(грезить, погружаться в мечты);

-aill: crier (кричать) — brailler(орать), vociférer (вопить);

-ot: vivre (жить) — vivoter (перебиваться, жить с трудом, выживать);

-ill: sauter (прыгать) — sautiller (припрыгивать);

• Эмоционально- экспрессивную окраску наречиям придает эмотивно-корневая часть:

fort (сильно) — follement (безумно сильно), terriblement (ужасно сильно), excessivement(чрезмерно сильно);

durement (грубо, жестко) — vigoureusement (сильно, мощно, с силой, энергично), violemment (грубо, жестоко, сильно);

fièremment (гордо) — orgueilleusement (надменно, спесиво), noblement (возвышенно, величественно);

beaucoup (много) — énormément (чрезвычайно, очень много, очень сильно), immensément (необъятно, безгранично, неизмеримо, безмерно), abondamment (обильно), copieusement(плотно, обильно, много);

Обилие слов с эмоциональной окраской можно обнаружить в разговорной, фамильярной, речи, где прилагательное заменяется наречием или адвербиальным оборотом. Например, говорят:«Voilà qui est bien, qui n'est pas mal (Все это хорошо, неплохо) вместо «C'est joli» (Это прекрасно).

Или прилагательное принимает субстантивированную форму: «Vous êtes un impertinent» (Вы нахал!) вместо «Vous êtes impertinent» (Вы нахальны). Часто оценочное прилагательное дополняется существительным. Например: C'est une bonne personne, c'est un bon homme, un bon garçon (Это добрый человек, славный малый, хороший парень).

Или же когда прилагательное замещается существительным. Вместо того чтобы сказать «Cet enfant est joli, mignon» (Это хорошенький, милый ребенок), часто говорят: «Cet enfant est un bijou, un amour» (Не ребенок, а прелесть).

Всегда аффективный характер имеет преувеличение, свойственное разговорному языку. «On ne peut imaginer de plus laid» (Нельзя представить себе ничего более уродливого!) «On étouffe ici!» (Здесь задохнуться можно).

Целью преувеличения является выражение эмоции или воздействие на слушателя посредством экспрессивной окраски выражения.

Экспрессивная разговорная речь использует метафоры и метонимии. Вместо того чтобы сказать: «Observez un profond silence!» (Соблюдайте полную тишину!) говорят: «Ne soufflez pas un mot!» (Не раскрывайте рта!). Для разговорной речи характерны такие метафорические выражения, как être bouillant de colère (кипеть от гнева), crever le coeur (разрывать сердце), profonde douleur (глубокая боль), c'est un coeur d'or! (золотое сердце!) quelle mauvaise langue! (какой паршивый язык!)

Стремление к преувеличению в большинстве случаев проявляется в тех случаях, когда эмоциональный порыв не сдерживается никакими соображениями и тогда человек прибегает к ругательствам таким как: saleté(подлость), crasse(пакость), cochonnerie(свинство). В то время когда, сдерживая себя, он мог бы употребить такие слова, как irrégulier(недопустимое), abusif(самочинное), unjustifiable (непостижимое), indigne (недостойное).

Важно также рассмотреть лексику, которая, называет, обозначает эмоции. Но при этом не следует смешивать эмотивную лексику с номинативной. В ней преобладает денотативное содержание названий эмоций (объектные свойства эмоций). Семантика такого слова есть вызываемые им образы различных чувств, а не сами чувства» [5, с. 94,96]. К ним относятся слова такие как «жаль», «стыдно», «рад», «зол», «печаль», «радость». Эмоция, обозначенная в таких словах, представляет собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем, в то время как семантика эмотива фиксирует эмоциональное отношение к обозначаемому им объекту мира [5, с. 93,94].

В. И. Шаховский также обращает внимание на описательное представление эмоциональных состояний в тексте. Например: Elle mit une main sur sa gorge, la tête un peu inclinée vers la cheminée (*François Mauriac*). (Она держалась за свое горло, слегка склонив голову к камину (Франсуа Мориак). Il tremblait comme un naufragé (*François Mauriac*). Он дрожал как человек потерпевший кораблекрушение (Франсуа Мориак).

Описательное средство выражения эмоций широко распространено в художественной литературе. Так как оно с большой

точно передает состояние человека его чувства, которые часто трудно передать словами.

Восклицательные слова, фразы также являются языковыми средствами выражения эмоций. Эмотивные предложения часто вводятся восклицательными словами, такими как *quel, que, combien, comme, ce que, qu'est ce que*. Они выражают разные эмоции такие как: сожаление, изумление, нетерпение, смирение, покорность судьбе, радость.

Quel pays! Que de monde! (Какая страна! Сколько людей!)

Combien il a changé! (Как он изменился!)

Comme c'est cher! (Как дорого!)

Ce qu'il est bon, ton café! (Какой он вкусный, твой кофе!)

Que faire! (Что делать?!)

Полными не эмоциональными эквивалентами этих предложений надо считать предложения, в которых эмоция названа прямым словом. То есть фразу — «*Ce qu'il est bon, ton café!*» (Какое вкусное кофе!) можно было представить как «*Ton café est très bon et j'en suis ravi*». (Твой кофе очень вкусный, я был восхищен).

Восклицательные речевые факты не могут быть ни вслух, ни даже мысленно произнесены иначе как с аффективной интонацией.

Интонация является важным средством эмоциональной экспрессивности. Интонация — это совокупность звуковых элементов речи, которые могут так или иначе быть сведены к фактам мысли (логическим или аффективным). Интонация является важным средством выражения эмоций. Она выражает все различные оттенки настроений. Благодаря интонации одно и то же средство выражения эмоции может выражать самые различные чувства. Например: *Ma fois* (право, ей Богу) может отражать и удивление, и сомнение и восторг и т. д. Фраза «*Ce soir*» (Сегодня вечером) в различных ситуациях, и при различных интонациях может выражать различные эмоциональные состояния — грусть, печаль, радость, счастье, восторг, волнение и т. д.

В следующей фразе «*Est il assez polisson, ce gamin*» (Ну и шалун же он, этот мальчишка!) на слово *polisson* «шалун» падает силовое ударение, которое показывает, что чувство гнева, выражаемое фразой, концентрируется именно в этом слове. Это не словесное ударение, а фразовое, которое падает не на последний, а на первый слог. Оно настолько интенсивно, что вытесняет в большей или в меньшей степени все остальные ударения во фразе. В зависимости от интенсивности эмоции фраза в каждом отдельном случае будет произноситься быстрее или медленнее.

Синтаксис также играет значительную роль в создании экспрессивных значений. Так, во фразе «*Rubens, le célèbre peintre flamand*» (Рубенс этот знаменитый фламандский художник)

приложение с артиклем играет особую роль, оно возбуждает интерес и обращается к чувствам слушателя, и является синтаксическим средством, выражающим логическое отношение в аффективном аспекте, в отличие от фразы «Rubens, célèbre peintre flamand» (Рубенс, знаменитый фламандский художник), где определение просто предшествует существительному.

Другой пример, иллюстрирует роль синтаксического повтора в эмоциональной речи.

«Si je t'amenerais au commissariat? Hein? Au commissariat? Tu irais en prison. En prison. Tu serais condamnée. Condamnée au maximum». (А если бы я тебя отвел в полицию? В полицию? Тебя бы посадили бы в тюрьму! В тюрьму! Приговорили бы к самому большому сроку!) (Р. Кено).

Ш. Балли объясняет это явление эмоциональными импульсами: «эти импульсы проявляются в том, что мысль повторяется соответствующее число раз: сколько импульсов, столько и повторов» [1, с. 124]

В выражении эмоций повтор может реализоваться как антиципация или анафора. Так, во фразе *les enfants, ça casse tout* (дети, они все ломают) мы имеем анафору, а во фразе *ça casse tout, les enfants* антиципацию.

Эти средства позволяют выразить самые разные эмоции как положительные и отрицательные, так и сомнения, удивление, восхищение и т.д.

Одной из характерных черт разговорного синтаксиса является дислокация (раздельное представление) членов предложения. Вместо того чтобы сказать *venez vite!* (скорее подойдите сюда), идея быстроты и эмоциональности передается во фразе с помощью дислокации: «*Venez! Vite!*» (Подойдите сюда! Скорей!)

Исследования показывают, что человек не может сообщить другим нюансы ощущений посредством точного словесного сообщения. В этой связи Ш. Балли говорил, «что прямые средства (слова и словосочетания) слишком насыщены логическими элементами и поэтому не могут вполне удовлетворять потребностям выражения индивидуальных чувств» [1, с. 334].

К. А. Долинин полагает, что чем эмоциональнее речь, тем более зыбким и неопределенным является ее предметно-логическое содержание, которому в плане выражения соответствует структурная неполнота, и наоборот: стремление передать денотативное содержание со всей точностью и полнотой снимает эмоции. Так, например, во фразе «*Je suis étonné de vous rencontrer ici*» (Я удивлен встретить вас здесь) структурная полнота не позволяет в наивысшей степени выразить

эмоцию, так, как это осуществляется в последовательности фраз «Tiens! Vous êtes ici?» (Вот те на! Вы здесь!) «Comment! Vous ici?» (Как! Вы здесь). Так как эмоция названная словом или описанная словами, есть эмоция осознанная, она становится предметом мысли и, попадая под контроль сознания, теряет свою интенсивность. Таким образом, живая и интенсивная эмоция разрушительно влияет на синтаксис.

Таким образом, не только лексические, но и другие уровни языка имеют специальные средства представления эмоций, в том числе и уровень текста (дискурса).

Не вызывает сомнения то, что сами эмоции — универсальны, то есть существуют в любом сообществе, но в отличие от них структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, и имеет национальную специфику, так как отражение их в каждом языке самобытно. «Различные сообщества пользуются не одним и тем же набором знаков для выражения своих эмоций» (Шаховский, 1987,10), то есть словарь эмоций в разных языках далеко не одинаков.

Таким образом, Можно предположить, что в каждом языке с участием вербализации эмоций актуализируется собственная языковая картина мира [2, с. 93—94]. Лингвистические исследования средств выражения эмоций в языке на всех его уровнях существенно дополняют научные представления о языковой картине мира и о ее национальной специфике, в которой проявляются различия в культуре и менталитете народов.

Список литературы:

1. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: УРСС, 2001. — 394 с.
2. Волостных И. А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (лингво-культурологический аспект). — Тамбов. 2007. — 137 с.
3. Долинин К. А. Стилистика французского языка 2-изд, дораб, — М.: Просвещение, 1987. — 303 с.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: 1975. — 362 с.
5. Шаховской В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ НА ДЕЙСТВИЕ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ

Парамонова Виктория Сергеевна

*старший преподаватель кафедры филологии, Урюпинский филиал
Волгоградского государственного университета, г. Урюпинск*

E-mail: vikasofialex@rambler.ru

В последние десятилетия категория времени по-новому рассматривается в своих языковых проявлениях в связи с интенсивным развитием антропологической парадигмы в отечественной и зарубежной лингвистике и интеграцией смежных гуманитарных наук. В частности, с позиций антропологизма перспективным признается интерпретация способов концептуализации времени в семантике языковых и текстовых единиц [6; 7; и др.].

Взгляд на язык как собственно человеческое достояние, изучение связи семантики языковых единиц с мышлением, познанием действительности, ориентацией человека в мире изменили понимание денотативного пространства русского глагола. Последнее трактуется в качестве типовых ситуаций, «знания о которых, накопленные поколениями русских людей, выражены и закреплены в русской глагольной лексике» [1, с. 10]. Вместе с тем остаются недостаточно изученными факторы, влияющие на реализацию семантического потенциала глагольных форм в тексте, в частности художественном тексте, который «как законченное речевое произведение пронизан субъективностью и антропоцентрическими устремлениями» [2, с. 231].

Антропоцентрическая точка зрения становится отправным моментом для новых научных изысканий особенностей глагольных лексем в качестве средства создания образности и выразительности в тексте художественных произведений (И. В. Арнольд, В. П. Важенина, В. В. Виноградов, Н. В. Лебедева, Н. Н. Раевская, З. Я. Тураева и др.). При этом недостаточно внимания уделяется механизму актуализации функционально-семантического потенциала грамматических (морфологических) форм.

Кроме того, антропологическая интерпретация позволяет по-новому осмыслить представленность категории времени в художественном

тексте, который трактуется нами, вслед за А. И. Новиковым [5], М. Я. Дымарским [4], в качестве элемента сознания говорящего человека. Все сказанное определяет актуальность предпринятого исследования.

Для нас методологически значимым является мнение А. В. Бондарко, который соотносит исследование языковых значений в высказывании и целостном тексте с понятием интенциональности. Ученый имеет в виду связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, то есть способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности грамматической формой (во взаимодействии с ее окружением, средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Степень реализации фактора субъекта зависит от конкретных условий речевого употребления: коммуникативной цели высказывания, его синтаксической структуры, лексики, контекста, речевой ситуации [3, с. 141—144].

Из всех возможных субъектных позиций говорящего — субъект сообщаемого факта, субъект факта сообщения, субъект оценки и т. п. — нас интересует отношение говорящего лица к производимым им действиям, испытываемым состояниям или приписываемым ему признакам. Предметом нашего анализа является коммуникативная интенциональность отправителя речи как субъекта-лица, влияющая на актуализацию семантического потенциала глагольных форм будущего и прошедшего времени.

Нас интересует актуализация семантического потенциала глагольных форм времени, обусловленная интенциональностью сознания субъекта. Мы рассматриваем интенциональность как субъективную направленность сознания на действие, когда говорящий представляет себя в качестве субъекта сообщаемого факта или факта сообщения и выражает свое отношение к этому действию. Именно интенциональность сознания говорящего влияет на выбор глагольной словоформы, актуализирует ее потенциальные возможности в том или ином контексте, отражающем ту или иную ситуацию общения. Для нас методологически значимым является мнение А. В. Бондарко об интенциональных функциях грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания [3, с. 141—144]. Нас интересует механизм проявления подобной функциональной нагрузки глагольных слов. Для решения данной задачи мы учитываем способность содержания, выражаемого глагольными формами времени, во взаимодействии с их контекстуальным окружением быть одним из актуальных элементов речевого смысла. Нас интересуют интенциональные функции грамматических форм в их отношении к смысловому содержанию высказывания, к тому, что имеет в виду и хочет выразить говорящий. Помимо этого принимаются во

внимание контрасты времен, а также поправки, вносимые говорящим в процессе речи, реплики слушающего, свидетельствующие о выделении отдельных форм с их семантическими функциями. Кроме того, анализ касается взаимодействия модальной семантики и стилистической коннотации грамматических форм, которые обусловлены не только контекстуальными условиями употребления глагольной словоформы, но и субъективным фактором.

Объектом нашего исследования являются словоформы глаголов, функционирующие в художественном тексте, извлеченные способом сплошной выборки из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В качестве единицы анализа выступает глагольная словоформа, выражающая время осуществления действия в его прямом или опосредованном отношении к субъекту. Такая словоформа, соотносимая в тексте с субъектной позицией, в свою очередь, связана с выражением определенной коммуникативной роли (1-го, 2-го ли 3-го лица).

В каждом случае употребления глагольных словоформ в романе Л. Н. Толстого мы устанавливаем не только связь действия с тем или иным типом субъекта, но и влияние интенциональности сознания субъекта на характер осуществления действия по отношению к моменту речи. При этом принимаются во внимание лексические, морфологические и синтаксические средства выражения такой интенциональности, обусловленной взаимодействием категории лица с другими грамматическими категориями: времени, наклонения и, соответственно, предикативности, модальности и персональности.

Основным фактором, обуславливающим функционально-семантическую специфику глагольных временных форм в художественном тексте, выступает интенциональность сознания субъекта, которая представлена как ментальный процесс и связана с модальным отношением субъекта к действию или сообщаемому факту, а также его эмоциональным состоянием и коммуникативными целями (интенциями). Глагольные словоформы времени в прямом и переносном значении, выполняя интенциональные функции, указывают на связь действия с сознанием субъекта.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих различные виды интенциональности.

Интенциональность сознания субъекта представлена как ментальный процесс в предложении «Ну, так я на вас **надеюсь**, — сказал он англичанину, — в шесть с половиной на месте» (Толстой 2007, том 1: 200) интенциональность сознания субъекта сообщаемого факта представлена как эмоционально-оценочное отношение, связанное с надеждой встретиться с субъектом факта сообщения в определенное время и в определенном месте. Глагольная словоформа *надеюсь*

употреблена в значении настоящего актуального, указывающего на действие, протекающее в момент речи. Здесь представлены два субъекта: субъект сообщаемого факта, выраженный личным местоимением 1-го лица ед. ч. (*я*), и субъект факта сообщения, репрезентируемый личным местоимением 2-го лица ед. ч. (*вы*). В структуре лексического значения глагольной словоформы *надеюсь* «относиться к кому-л. с доверием, полагаться на кого-л.» актуализируется лексико-грамматическая сема «отнесенность действия к адресату» и дифференциальная лексическая сема «оценка». Субъект сообщаемого факта выражает свое эмоционально-оценочное отношение к субъекту факта сообщения, выступающему в данном случае как адресат, с которым связываются определенные надежды.

Интенциональность сознания субъекта представлена в виде модального отношения к своему действию. Например, в предложении *«Но и после, ни на другой, ни на третий день, она не только не нашла слов, которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств, но не находила и мыслей, которыми бы она сама с собой могла обдумать все, что было в ее душе»* (Толстой 2007, том 1: 166) глагольная словоформа *не нашла* употреблена в форме 3-го лица ед. ч. прошедшего времени совершенного вида, которая свидетельствует об актуализации в смысловой структуре данной словоформы грамматической семы «осуществление произошедшего действия без указания на наличный результат». Помимо этого происходит актуализация дифференциальной семы «отнесенность действия к объекту речи», в качестве которого выступает субъект факта сообщения, репрезентируемый личным местоимением 3-го лица ед. ч. (*она*). Глагольная словоформа *не нашла* имеет переносное лексическое значение «понимать что-либо, приходя к какому-либо выводу, заключению, опираясь на интуицию, собственный опыт» и актуализирует модальное значение невозможности действия. Интенциональность сознания субъекта представлена как его модальное отношение к сообщаемому, связанное с невозможностью субъекта факта сообщения найти слова для выражения своих чувств. В данном контексте отражена темпоральная ситуация прошедшего времени в аористическом употреблении, поскольку произошедшее в прошлом действие представлено как целостный факт.

Интенциональность сознания субъекта связана с его эмоциональным состоянием. В предложении *«<...> она боялась, что всякую минуту порвется в ней что-то слишком натянутое»* (Толстой 2007, т. 1: 118) глагол бояться употреблен в форме 3-го лица ед. ч. прошедшего времени несовершенного вида, которая свидетельствует об актуализации в смысловой структуре данной словоформы грамматической семы «осуществление происшедшего действия в процессе его протекания».

Помимо этого происходит актуализация дифференциальных сем «отнесенность действия к объекту речи», в качестве которого выступает субъект факта сообщения, репрезентируемый личным местоимением 3-го лица ед. ч. (она). Глагольная словоформа *боялась* в значении «испытывала беспокойство, страх перед чем-либо угрожающим, страшным, предчувствуя опасность» подчеркивает, что субъект факта сообщения пребывал в беспокойном эмоциональном состоянии. Интенциональность сознания субъекта факта сообщения представлена как его эмоциональное состояние, связанное со страхом. В данном контексте отражена темпоральная ситуация, указывающая на план прошлого, не связанного с настоящим. Для субъекта актуальным является сам процесс протекания действия.

Интенциональность сознания субъекта представлена в виде коммуникативных целей: побудить к действию, высказать свое мнение, сообщить информацию. Например, в предложении «*Я получаю развод, Алексей Александрович отдает мне Сережу, а я выхожу замуж за Вронского*» (Толстой 2007, т. 2: с. 357) глагольные словоформы настоящего времени воображаемого действия (*получаю, отдает, выхожу*) помогают говорящему акцентировать внимание на его намерении совершить те или иные действия. В этом предложении актуализируются семы «отнесенность действия к говорящему» и «отнесенность действия к объекту речи». Субъект сообщаемого факта, выраженный личным местоимением *я*, описывает не только свои будущие действия, но и действия других субъектов, выступающих в данной ситуации в роли объектов речи. Субъект сообщаемого факта (Анна Каренина) рисует картину будущих действий, которые предстают как протекающие перед глазами.

Таким образом, эти и другие примеры подтверждают, что реализация и актуализация содержательных функций глагольных форм времени, употребляющихся в прямом и переносном значении в тексте художественного произведения, обусловлена причастностью субъекта к сообщаемым фактам. В каждом случае употребления рассматриваемых глагольных словоформ, которым свойственны интенциональные функции, обнаруживается связь действия не просто с тем или иным типом субъекта, а влияние интенциональности его сознания на характер осуществления действия по отношению к моменту речи.

Список литературы:

1. Бабенко Л. Г. Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: Материалы IX Кузнецовских чтений 5—7 февр. 1998 г., Екатеринбург / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998. — С. 3—11.

2. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. Б. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. Б. Казарин. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 533 с.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований / А. В. Бондарко. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.
4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. (На материале русской прозы XIX – XX вв.) / М. Я. Дымарский. — СПб., 1999. — 284 с.
5. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. — М.: Наука, 1983. — 216 с.
6. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — М., 1996. — 264 с.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. — М.: Гнозис, 1994. — 344 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИХ СХЕМ В СИСТЕМНОМ АСПЕКТЕ ОПИСАНИЯ

Посиделова Виктория Викторовна

канд. филол. наук, доцент ФГКОУ ВПО «РЮИ МВД РФ»,

г. Ростов-на-Дону

E-mail: v_posid@bk.ru

Мысль о включении во фразеологическую подсистему синтаксических единиц высказывалась учеными давно. Однако глубокую разработку данная идея получила лишь во второй половине 20 века.

Необходимость разграничения устойчивых словосочетаний и устойчивых предложений была обоснована академиком А. А. Шахматовым. Он подходил к фразеологическим проблемам с синтаксической точки зрения. Различая среди словосочетаний неразложимые словосочетания, А. А. Шахматов отмечал, что «неразложимые словосочетания могут быть законченными и незаконченными» [11, с. 278]. Развитие эта проблема получила в трудах В. В. Виноградова, В.Л. Архангельского, Н. М. Шанского, Д. Н. Шмелева и др.

В. Л. Архангельский предлагал делить фразеологические единицы с точки зрения грамматической формы на фраземы и устойчивые сочетания. К объекту фразеологической науки он относил «не только образования, эквивалентные по значению слову, а по форме — свободным словосочетаниям и сочетаниям слов, но и единицы, эквивалентные свободным предложениям и предикативным сочетаниям слов» [1, с. 57].

Ключевым вопросом теории общей фразеологии является проблема фразеологизации языковых единиц. По мнению Л. И. Ройзензона, это «более широкое по своему охвату понятие, нежели фразеология, ибо фразеологизация затрагивает образования, уже в значительной степени устоявшиеся, лексикализованные, входящие в область собственно фразеологическую, так и те образования, обычно стоящие за рамками фразеологии и традиционно рассматриваемые в синтаксисе... Стремление языка закрепить для всеобщего пользования уже готовые обороты речи (структурные образцы) и есть та тенденция, которая захватывает все больше и больше элементов языка. В этом и состоит общий смысл явления фразеологизации» [8, с. 113].

Процесс фразеологизации лексических и синтаксических единиц имеет свою специфику. Так, например, на уровне синтаксических фразеологических единиц процесс фразеологизации значения является результатом обобщения, генерализации конкретного семантического наполнения мотивирующей синтаксической конструкции. Отличие фразеологизации на лексическом и синтаксическом уровнях состоит в том, что «во фразеологических единицах фразеологизация идет от содержания к форме: лексический состав всегда соотносится с определенным значением, во фразеосхемах фразеологизация идет от формы к содержанию: схема постоянно соотносится с определенным значением. Таким образом, фразеологизация идет в двух направлениях» [4, с. 67]. Кроме того, синтаксическим фразеологизмам не свойственно «образное основание», выступающее «не только как исходное для значения фразеологических номинаций, но и как «основной нерв» их функционирования в речи» [9, с. 8; 2, с. 12]. Отсутствие образности в их значении, связано с тем, что они представляют собой предикативные единицы, выражающие некоторое суждение, называющее событие, тогда как лексические фразеологизмы являются средством номинации [2, с. 13].

При фразеологизации языковых единиц отмечается усложнение значения под воздействием актуализации, которую следует рассматривать в качестве основной причины появления

фразеологизированных единиц. «Процесс фразеологизации очень часто теснейшим образом связан с явлением актуализации. Прежде свободные, неактуальные выражения могут стать актуальными и перейти в разряд фразеологизированных образований. Актуализация приводит к превращению свободных оборотов в несвободные (устойчивые, воспроизводящиеся в речевом акте языковые единицы)» [8, с. 113]. Она, по сути, составляет начальный этап фразеологизации [10, с. 51], создавая основу устойчивости, стабильности языковой единицы, являясь основой семантических и грамматических изменений последней.

Появление фразеологических единиц обусловлено задачей лаконизации речи [3, с. 38], которая непосредственно связана с проблемой компрессии и экономии речи. «Компрессия речи сводится к тому, что для выражения одного и того же понятия, одной и той же мысли используются более экономные средства языка, что вызывает стремление к экономии сил, экономии времени, места (в письменной речи), стремлением к удобству произношения, лаконичности, также компрессия речи обуславливается избыточностью информации, когда лишняя языковая материал устраняется в силу того, что и без него мысль остается достаточно четко и ясно выраженной» [5, с. 25].

На современном этапе развития лингвистической науки синтаксическая фразеология проходит тот период рекогносцировки, когда определяются границы объекта исследования, уточняется специфика приложения понятий и процедур, выработанных на ином материале, к синтаксическим моделям [7, с. 200]. Изучением разнообразных свойств синтаксических фразеологических единиц занимаются такие ученые, как И. А. Мелкумова, Л. М. Салмина, А. М. Слепцова, М. В. Всеволодова, А. В. Величко, В. Ю. Меликян, И. Н. Кайгородова и др.

Существуют различные виды номинаций данного объекта фразеологии. Их называют «фразеосхемами» или «связанными» синтаксическими конструкциями (Д. Н. Шмелев), «фразеологизированными конструкциями» или «предложениями фразеологического типа» (Н. Ю. Шведова), «своеобразными идиоматическими предложениями» (А. И. Кожин), «фразеологическими единствами на расстоянии», «дистантными фразеологизмами» (В. В. Виноградов, В. А. Белошапкова), «типологическими образованиями» (Л. И. Ройзензон), «жесткими моделями» (С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов), «сложными синтаксическими шаблонами» (Л. П. Якубинский).

Итак, «фразеосинтаксическая схема — это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой

определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиции, выражающая членимое, понятийное смысловое содержание, т. е. равное суждению, обладающая частичными грамматической и лексической членимостью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающаяся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющая в речи эстетическую функцию» [6, с. 152].

Список литературы:

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1964. — 315 с.
2. Всеволодова М. В., Лим Су Ён. Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов. На материале фразеологизмов со значением оценки. М.: Макс Пресс, 2002. — 167 с.
3. Гаврин С. Г. Эллиптические устойчивые сочетания как категория фразеологии // Вопросы фразеологии и лексики русского языка. Учен. зап. Перм. гос. пед. ин-та. Пермь, 1973. Т. 121. — 143 с.
4. Кайгородова И. Н. Фразеосхема как генетическая основа синтаксического фразеологизма // Актуальные проблемы филологии и ее преподавания: Материалы Межвуз. науч. конф. Саратов, 1996. Ч. 2: Языкознание. — 127 с.
5. Кочетков А. К. Компрессия речи и фразеологизация // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. Очерки по русскому языку. Т. 116. Воронеж, 1972. С. 235.
6. Меликян В. Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения: Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004. — 288 с.
7. Поцелуевский Е. А. Об изучении синтаксических фразеологизмов // Проблемы современной тюркологии. М.: Просвещение, 1980. С. 248.
8. Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Вып. 119. Кафедра иностр. языков. Самарканд. 1961. — 140 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. — 286 с.
10. Шанский Н. М. Фразеология русского языка. М.: Просвещение, 1969. 189 с.
11. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Изд-во Едиториал УРСС, 2001. — 624 с.

ГЛАГОЛЫ PLURALIA TANTUM КАК СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Семёнова Галина Николаевна

*канд. филол. наук, доцент кафедры СГД,
Волгодонский филиал ЮРГТУ(НПИ), г. Волгодонск
E-mail: galinasem@bk.ru*

Деление мира, задаваемое предикатами, является менее четким и стабильным по сравнению с именами [6, с. 183]. В сфере предикатных единиц количественность сводится к согласовательным и сочетаемым явлениям и ограниченному числу глаголов, выражающих способы действия с количественными характеристиками. Во многих языках, в том числе и в русском, существует два вида глагольной множественности — внешняя согласовательная и внутренняя, несогласовательная. Первая принадлежит грамматике (словоизменяемая категория числа), вторая — словообразованию (или в случае высокой регулярности, формообразованию) как деривационная категория полиобъектности (*пооткрывать окна, поразбрасывать вещи*) или полиакциональности (*повысовываться из окон*).

Категория числа, которая находит формальное выражение во многих языках (последовательно — в русском языке, факультативно — в английском) все-таки нацелена не столько на характеристику протекания самого действия, сколько на передачу количества (один или много) субъектов действия. Внутренняя глагольная плюральность, выражающая множественность самого действия, количественную многоактность самого действия, проявляется в системе определенных способов глагольного действия. Множественное число глагольного понятия передается с помощью *verba pluralia tantum* типа нем. *wimmen, zich zusammenrotten, umzingeln*, англ. *swarm, team, crowd, assemble, conspire*.

Глагольная плюральность выражается итеративными, дистрибутивными, интенсивными и узитативными способами глагольного действия. При этом некоторые разряды глаголов, выражающие эти способы действия, предполагают плюральность имени, называющего субъект или объект.

На выражение количественной множественности специально нацелены глаголы суммарно-дистрибутивного способа, при которых актанты всегда в плюральной форме. При этом значение множественности может усиливаться словами типа «все» и его синонимами или словом «много» и его синонимами: *все дела*

переделать, много вещей перестирать. Вместо формы числа имени в этих случаях возможно собирательное существительное: *перестирать все белье, перемыть всю посуду.*

Глаголы, нацеленные на выражение множественности субъектов или объектов действия, имеют характерные пометы в словарях: «обо всех или многих». Ср.: *переглохнуть, повставать, повскакивать, слетаться, скучиваться, сползаться, разбредаться, облепить, сгрудиться, группироваться, кучиться, толпиться.*

Глагольная множественность являлась предметом изучения многих отечественных и зарубежных исследователей. Однако, несмотря на достаточную изученность категории дистрибутивности, глубинные мыслительные структуры, задействованные в ее выражении и репрезентирующие это значение в языке, еще не описаны в полной мере. Важным этапом в изучении глагольной множественности стало обоснование термина «полиситуативность». «Полиситуативность определяется как семантико-функциональная, когнитивно-языковая категория, обусловленная как онтологически, так и гносеологически, поскольку разделение действительности на ситуации зависит от способов концептуализации фрагментов реального мира сознанием человека» [3, с. 3—4]. Семантика глагола может быть полиситуативной и полисобытийной, так как глагол — структурный элемент языка, в семантику которого входят и именные компоненты. По этой же причине глагол может вовлекаться в систему средств, передающих количественную оценку.

У глаголов типа *разбрестись, сбежаться, сгрудиться, толпиться* форма первого лица единственного числа встречается очень редко [5, с. 294]. В пьесе «Зов мятежа» (Главполитпросвет, М., 1931) персонаж по имени Народ говорит: *«На первый зов — я из нищих моих переулков сбежусь! Стоплюсь на всех площадях! Я сержусь в борьбе!».*

В стандартной речи таких форм, конечно, нет, что часто обыгрывается для создания комического эффекта:

Товарищ первый нам сказал, что, мол, уймись,

Что не буйните, мол, и расходитесь.

На «разойтись» я сразу согласился

И разошелся, то есть расходился

(В. Высоцкий «Милицейский протокол»);

Если дела пойдут таким образом, я тоже разбежусь в разные стороны (к/ф «Свадьба в Малиновке»);

От дам бумажка

Перекинулась к секретарше!

Шесть секретарш — от младшей до старшей!

До старшей

Бумажка дошла в обед.

Старшая разошлась. Потерялся след

(В. Маяковский «Бюрократиада»).

Ср. также:

Амбулатория распускается. Кто распускается? Там всего один человек и есть. Не человек — фельдшер. Его, что ли, распустить хотите? (М. Кольцов «Если бы я был фельдшером»);

Один из способов делания образа, наиболее применяемый мною в последнее время, это создание самых фантастических событий — фактов, подчеркнутых гиперболой.

Чтобы врассыпную разбежался Коган,

Встреченных увеча пиками усов.

Коган становится, таким образом, собирательным, что дает ему возможность бежать врассыпную... (В. Маяковский «Как делать стихи»). Цит. по: [Беляева И. В., 2004].

Число у глагола выполняет чисто координационную функцию. Множественность действий в случаях, когда глагол употреблен во множественном числе, часто представляет собой скорее общелогическую импликацию (зависящую от внеязыковых знаний), чем значение, последовательно реализующееся в соответствующих употреблениях [6, с. 181—182].

Собственной отражательной функцией, относительно независимой и целенаправленной, обладают лишь глаголы определенных способов глагольного действия. В подобных случаях в выражении значения множества участвует и лексическое значение глагола. Именно такие глаголы могут быть отнесены к категории *verba pluralia tantum* на том основании, что, выражая множественность самого действия, они предполагают также плюральность имени, обозначающего субъект или объект.

Глаголы длительно-дистрибутивно-взаимного действия (обозначение итеративного действия, происходящего между несколькими, по крайней мере — двумя субъектами: *переговариваться, перестреливаться, переглядываться*). Общее лексическое значение этих глаголов исключает употребление при них названий субъектов в единственном числе. При таких глаголах подлежащее либо стоит во множественном числе (*мы переговаривались*), либо подлежащее употреблено в единственном числе, но в объем семантического субъекта входит и дополнение — существительное в форме Тв. Падежа с предлогом «с»: *она переговаривалась с ним*.

Глаголы суммарно-дистрибутивного способа действия, передающие распределенность глагольного действия, охватывающего постепенно объект или исчерпывающие субъект в его целостности или полностью, предполагают форму множественного числа либо названия объекта, либо субъекта действия. При этом форма множественного числа имени имеет дистрибутивно-суммарное значение и часто характеризуется словами типа *все* и его синонимами в значении полной исчерпанности, или *много* и его синонимами в значении большого количества предметов. Вместо формы множественного числа могут выступать собирательные существительные, обозначающие множество однородных элементов.

Глаголы суммарно-дистрибутивного способа действия всегда имеют при себе такие названия объектов, которые связаны с идеей неопределенного количества. Указание на точное количество (с помощью числительного) в таких случаях невозможно: *понаписать книг*, но не *понаписать 20 книг*. Такое сочетаемое ограничение связано с тем, что у глаголов этого типа отсутствует значение достижения точного результата. Компоненты синонимического ряда при глаголах этого способа глагольного действия обязательно выступают в формах множественного числа: *перестирать платья и блузки, перетереть ложки и вилки*. Таким образом, для выражения идеи множественности в этих случаях существеннее именно форма множественного числа, а не сам сочинительный ряд.

К *verba pluralia tantum* можно отнести и глаголы кумулятивного способа глагольного действия (они обозначают накопление продуктов или результатов действия). Глаголы этого способа имеют дополнение в род. падеже множественного числа (часто — в сочетании с кванторами типа *много*: *Нарвать цветов, нарвать много (множество, уйму, массу) цветов*).

Характерно, что, если грамматики, как правило, не выделяют специально разряд *verba pluralia tantum*, то словари дают к ним характерные пометы: «обо всех или многих»: *Переглохнуть — оглохнуть* (обо всех или многих). Конечно, плюральность таких глаголов проявляется только на синтагматическом уровне, но важно отметить, что форма множественного числа дополнения является условием для реализации значения многосубъектности лексически многозначного глагола: *перечитать книгу* (единственное число не позволяет осмыслить глагол как кумулятивный), *перечитать книги* (множественное число способствует реализации кумулятивного значения).

К *verba pluralia tantum* можно отнести бесприставочные глаголы с дефектной парадигмой по числу: *грудиться, группироваться*,

толпиться, которые не имеют форм 1 и 2 лица единственного числа, а 3 лицо единственного числа возможно только в сочетании с собирательными существительными (*класс толпится*).

Глагольная множественность характеризуется глобальностью, выходом на смысл целого предложения и даже текста. Если для имени число — важнейшая семантически емкая категория, обеспечивающая само грамматическое представление предметности как категориального значения имени, то для глагола число категория периферийная, ибо она характеризует тот же предметный денотат, который уже определен числом существительного.

Список литературы:

1. Беляева И. В. Прагматическое содержание количественной оценки. Дис. ... канд. филол. наук, Ростов н/Д, 2004. 152 с.
2. Виноградов В. А. Число. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская Энциклопедия. 1999. С. 584—585.
3. Понкратова А. Н. Дистрибутивная глагольная множественность в когнитивно-функциональном аспекте (на материале английского и русского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 19 С.
4. Руденко Д. И. Семантика имени и семантика количества // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX—XX. М.: Наука, 1992. С. 30—44.
5. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М., Наука, 1999. 274 с.
6. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. / Под ред А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. 261 с.
7. Титаренко Е. Я. различные виды повторяемости глагольного действия // Русское языкознание. Вып. 14. Киев, 1987. С. 94—102.
8. Чеснокова Л. Д. Выражение категории количества глагольными формами современного русского языка // Вопросы языкознания, 1983, 3 б. С. 82—90.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Ухова Лариса Владимировна

канд. филол. наук, доцент ЯГПУ, г. Ярославль

E-mail: larissauchowa@mail.ru

Поскольку рекламная коммуникация представляет собой процесс, в котором последовательно достигаются некоторые результаты / эффекты коммуникации, то его нужно представить многоступенчатым — в виде последовательного прохождения обязательных этапов. Для того чтобы определить эти этапы и охарактеризовать их, нужно сначала задать вопрос: каких именно эффектов мы хотим достичь с помощью рекламы?

Эффекты рекламной коммуникации можно понимать как относительно прочные мысленные ассоциации будущего покупателя, связанные с данной торговой маркой, с помощью которых создается позиция марки на рынке, а потребитель склоняется к решению о покупке товара / пользовании услугой.

Эффекты коммуникации в модели Дж. Р. Росситера и Л. Перси [9] выглядят следующим образом:

- потребность в товарной категории;
- осведомленность о торговой марке (способность идентифицировать марку);
- отношение к торговой марке;
- намерение купить продукт определенной торговой марки;
- содействие покупке.

Таким образом, под эффективной рекламной коммуникацией понимается последовательное формирование у потребителя, во-первых, осведомленности о марке, во-вторых, отношения к марке и, в-третьих, поведения относительно марки (покупка, повторная покупка). Однако в данном случае реклама определяется не как тип информации, а как комплекс психологических мер воздействия на сознание потенциальных потребителей с целью активного продвижения на рынок объектов рекламы, будь то товар, услуга или политическая деятельность [10]. Реклама же, прежде всего, коммуникация, то есть обмен информацией, в ходе которого говорящий / пишущий реализует / не реализует различные цели в соответствии с четким адресом. Если рассматривать эффективность коммуникации с точки зрения перлокутивной лингвистики [2], где акт локуции — это «говорение» в полном обычном смысле этого слова, иллокуция — это то, что говорящий *хотел* сказать, то есть его намерение, а перлокуция — осуществление акта воздействия на аудиторию [8], то совершенно очевидно, что эффективной будет такая

коммуникация, в которой авторское намерение имеет перлокутивный эффект. И адресат в данном случае рассматривается как текстопорождающий фактор, поскольку текстовая информация обрабатывается не только логическим способом, но, прежде всего, с использованием чувства, предпочтения, эмоций, убеждения получателя информации. И в этом случае информация обрабатывается по принципам «люблю — не люблю», «нравится — не нравится», «хорошо — плохо», «лучше — хуже», «приемлемо — неприемлемо» [4]. Следовательно, адресат рекламного текста — это не всегда потребитель товара или услуги, но он может им стать гораздо быстрее, если текст ему понравился.

Первыми моделями анализа рекламного воздействия стали **иерархические модели**. По своей концепции все они представляют собой упорядоченную последовательность каких-либо потребительских реакций. Общий принцип построения такой последовательности стабилен: **входящая информация** (реклама) — **ряд промежуточных эффектов** — **покупка**. Причем каждая последующая реакция является как бы «вложенной» по отношению к предыдущей, т. е. предполагается, что следующая в иерархии потребительская реакция наступает только после реализации предыдущей.

Таким образом, компонентами коммуникативной эффективности являются: 1) *когнитивный компонент* (понимание, знание), 2) *эмоциональный компонент* (отношение), 3) *конативный компонент* (поведение) [6].

Однако поведенческие реакции потребителя менее всего связаны с рекламным текстом как таковым, поскольку в данном случае на первый план выступают факторы потребительского спроса (лояльность к определенной марке, мотивация, ценовой фактор, необходимость в данной торговой категории, материальная состоятельность и т. д.). Именно поэтому наше внимание сосредоточено на первых двух компонентах коммуникативной эффективности, которые напрямую связаны с качеством рекламного текста.

Таким образом, эффективный рекламный текст должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и, в идеале, побудить к определенному действию. Однако все это возможно только в том случае, если рекламный текст будет понятен потребителю, то есть иллокутивная сила послания будет декодирована так, как хотел этого сам автор текста. Подчеркнем, что рекламный текст рассматривается нами как «коммуникативная единица, предназначенная для неличного оплаченного информирования о товаре, услуге, физическом или юридическом лице, идее, начинаниях, социальной ценности с целью их продвижения (1),

имеющая в своей структуре формальные признаки — сигнализирование о рекламном характере информации, обязательное по закону о рекламе (презентацию), один или несколько компонентов бренда и/или рекламные реквизиты (2), и отличающаяся полисемиотической (поликодовой) природой, то есть равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла (3)» [11, с. 12—13].

Поскольку мы имеем дело с нелинейной организацией текста, то оценивать эффективность такого рода текста следует с позиций контрадиктно-синергетического подхода, при котором смысл языковых единиц характеризуется как многоуровневый, многомерный, многоплановый комплекс смысловых компонентов — смыслообразов. В их взаимодействии просвечивает сущностный смысл языковой единицы — ее «гиперсмысл». «При синергетической трактовке динамических процессов языка лингводинамика любых единиц языка и языка в целом предстает как самодвижение, а динамика языковой системы как синергия (слияние энергий, взаимодействие, коэволюция) развивающихся (коэволюционирующих) подсистем» [7]. Рекламный текст — специфическая форма массовой, по принадлежности — маркетинговой коммуникации, поэтому, будучи единицей особого вида коммуникации, где многое определяет ценовой эквивалент и преобладает прагматизм, не может иметь в своей структуре случайных, коммуникативно не оправданных знаковых единиц (любые, в том числе и случайные, они оказывают воздействие на подсознание).

Помимо формальной (презентационный сигнал, компонент(ы) бренда и рекламные реквизиты) или логической у рекламного текста есть и содержательная, внутренняя структура. В идеале он состоит из **рекламного сообщения** (о чем данный рекламный текст); **рекламного обращения** (кому обращено сообщаемое и как адресат влияет на стилистику данного обращения) и, наконец, **рекламного послания** (что внедряется в подсознание реципиента). Следовательно, в рекламном сообщении реализуется *информационная функция* рекламы, в рекламном обращении — *коммуникативная*, а в рекламном послании — *суггестивная*.

Эффективность рекламного сообщения зависит от набора и комплектования брендообразующих компонентов; от наличия изображения предмета рекламного сообщения и от указания на товарную группу. Коммуникативная функция рекламного обращения может быть реализована вербально на уровне лексики (прямое название адресата) и грамматически — от использования формы лица до обращения к наиболее действенным речевым техникам, таким как вопрос, ответ без вопроса, обращение, призыв, императив. Невербально коммуникативный контакт достигается кинетически

(мимикой, позой, жестами). Рекламное послание чаще складывается из невербально выраженного смысла, первоначально воспринимается подсознательно и лишь при необходимости декодируется и преобразуется в вербальную форму.

Анализ внутренней структуры рекламного текста с коммуникативной точки зрения очень важен. Если реципиент не может ответить на вопрос, что ему предлагается в конкретном случае, то налицо погрешность рекламного сообщения. В рекламном обращении возможны две стратегические ошибки — недостаточное внимание к специфике реципиента (тогда адресат не услышит нас) или, напротив, избыточное, приводящее к нарушению традиционных речевых норм. Четкое понимание, кому адресовано сообщение, позволяет сделать текст более эффективным. Что касается рекламного послания, то оно во многом зависит от личностных возможностей воспринимающего субъекта и отличается диапазоном трактовок. К тому же создатели рекламного текста могут сосредоточить свое внимание лишь на сообщении и обращении, не заложив в текст потенциал послания. В любом случае, лучше обойтись без послания, чем заставить реципиента размышлять над образом, может быть, и ярким, но семантически не связанным с предлагаемым товаром или услугой (образ — «вампир»).

С точки зрения коммуникативистики эти элементы внутренней структуры рекламного текста образуют компоненты речевой ситуации, где экстралингвистические факторы (предмет речи, адресат, задача (интенция) автора) определяют выбор языковых средств и, как следствие, жанрово-стилевые особенности будущего высказывания. Таким образом, иллюкутивная сила (т.е. авторская интенция) реализуется в рекламном тексте в виде набора определенных кодов, среди которых особо выделим **невербальные, структурные и вербальные**.

Оценить качество рекламного текста, таким образом, можно по следующим параметрам:

1. Определение адресата рекламного текста и его гендерной специфики.
2. Анализ **невербальных компонентов** рекламного текста:
 - характеристика структуры репрезентативного ряда (коды передачи, иконические, иконографические, риторические, стилистические коды, механизмы бессознательного) [12];
3. Анализ **структурных компонентов** рекламного текста:
 - характеристика композиционной структуры рекламного текста (заголовочный комплекс, основной рекламный текст (ОРТ), эхо-фраза);
 - характеристика содержательной структуры рекламного текста (рекламное сообщение, рекламное обращение, рекламное послание);

4. анализ **вербальных компонентов** рекламного текста:

- характеристика аргументации в рекламном тексте;
- характеристика языковых особенностей рекламного текста (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический уровни языка; риторические фигуры, языковая игра).

Следует подчеркнуть, что последовательность и компонентный состав аналитического описания рекламного текста могут быть любыми: все зависит от качества (коммерческой и коммуникативной эффективности) анализируемого текста. Кроме того, отметим, что данная модель разработана только для анализа рекламных текстов вербально-визуального типа и не может быть релевантной для аудио-вербальных и мультимедийных рекламных текстов, хотя при замене определенных кодов или дополнении кодами других семиотических систем эта модель может быть универсальной.

Однако говорить об эффективности рекламного текста можно только в том случае, если целевая аудитория сможет без труда декодировать смысл рекламного сообщения поликодового характера. Восприятие и понимание текста реципиентом является основой его (текста) эффективности. По мнению исследователей рекламного текста А. П. Василевич и С. Н. Леденовой, «восприятие текста можно рассматривать как первый этап сложного процесса воздействия на реципиента, конечной точкой которого является решение купить рекламируемый товар. Успех первого этапа напрямую связан с качеством текста» [3, с. 49].

Таким образом, предлагаемая нами методика оценки эффективности рекламного текста должна состоять из нескольких этапов:

1. этап: экспертная оценка качества рекламного текста, т. е. соответствие рекламного текста всем требованиям, предъявляемым к текстам поликодовой природы (Ккэ — коэффициент качества текста с точки зрения экспертов);

2. этап: оценка рекламного текста потребительской аудиторией (Ккп — коэффициент качества текста с точки зрения потребителей);

3. этап: выявление индекса эффективности рекламного текста (ИЭт — индекс эффективности рекламного текста).

На первых двух этапах используется метод семантического дифференциала, приложенный к параметрам оценки качества рекламного текста [1].

На третьем этапе вычисляется среднее арифметическое суммы коэффициентов экспертной и потребительской оценки рекламного текста, которое, по нашему мнению, можно считать индексом эффективности рекламного текста.

Отметим, что в качестве исследовательского материала должны использоваться тексты коммерческой рекламы, поскольку выявление эффективности социальной рекламы строится по другим параметрам в силу целей и особенностей адресации рекламного воздействия, а также способов презентации информации в текстах социальной рекламы.

Итак, процедура оценки качества рекламного текста должна проходить в 3 этапа:

1 этап:

1. Сформулировать параметры оценки качества рекламного текста.
2. Экспертно оценить уровень каждого параметра рекламного текста и в размерном поле поставить точку, соответствующую баллу оценки.
3. Коэффициентом от 0 до 1 экспертно оценить значимость анализируемых параметров (K_z).
4. Рассчитать коэффициент качества рекламного текста для объектов:

$$K_{кз} = \frac{B_i \times K_{zi}}{B_{общ}}$$

где

B_i — балльная оценка уровня i -го параметра,

K_{zi} — коэффициент значимости i -го параметра,

$B_{общ}$ – общая сумма баллов: определяется как произведение максимального уровня балльной оценки (у нас 5 баллов) на общее количество анализируемых параметров [5].

2 этап:

1. Оценить рекламный текст по сформулированным экспертами параметрам и в размерном поле поставить точку, соответствующую баллу оценки.
2. Рассчитать коэффициент качества рекламного текста для объектов:

$$K_{кп} = \frac{B_i \times K_{zi}}{B_{общ}}$$

где

B_i — балльная оценка уровня i -го параметра,

K_{zi} — коэффициент значимости i -го параметра,

$B_{общ}$ — общая сумма баллов: определяется как произведение максимального уровня балльной оценки (у нас 5 баллов) на общее количество анализируемых параметров.

3 этап: найти среднее арифметическое сумм коэффициентов экспертной и потребительской оценки рекламного текста.

Итак, в эксперименте должны принять участие 8 человек: 4 эксперта и 4 потребителя. Эксперты должны оценить значимость одного из 6 анализируемых параметров (от 0 до 1) (коэффициент значимости каждого параметра определяется как среднее арифметическое полученных экспертных оценок.), которые, по нашему мнению, можно считать параметрами оценки качества рекламного текста. Каждый параметр оценивается экспертами по 5-балльной шкале (от 1 до 5). Рекламное сообщение, обращение и послание должны вычисляться как среднее арифметическое трех формальных компонентов, составляющих суть каждого элемента внутренней структуры рекламного текста. Усредненные экспертные оценки и коэффициенты значимости каждого параметра заносятся в таблицу (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1.

Экспертная оценка качества рекламного текста.

№	Параметры	Оценка	
		Рекламное сообщение 1	Кз
1	Рекламное сообщение: • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ		1
2	Рекламное обращение: • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ		0,8
3	Рекламное послание: • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ		0,8
4	Композиция		0,7
5	Общее впечатление		0,7
6	Запоминаемость		1

На следующем этапе так же должны оценить рекламное сообщение по 5-балльной шкале (от 1 до 5) потребители. Усредненные потребительские оценки и коэффициенты значимости каждого параметра заносятся в **Таблицу 2**.

Таблица 2.

Потребительская оценка качества рекламного текста.

№	Параметры	Оценка	Кз
		Рекламное сообщение 1	
1	Рекламное сообщение: <ul style="list-style-type: none"> • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ 		1
2	Рекламное обращение: <ul style="list-style-type: none"> • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ 		0,8
3	Рекламное послание: <ul style="list-style-type: none"> • изображение • заголовочный комплекс • ОРТ 		0,8
4	Композиция		0,7
5	Общее впечатление		0,7
6	Запоминаемость		1

Сначала вычисляется коэффициент качества **рекламного сообщения 1** с точки зрения экспертов:

$$K_{кэ} = \frac{(a \times 1 + b \times 0,8 + c \times 0,8 + d \times 0,7 + e \times 0,7 + f \times 1)}{30}$$

$$K_{кэ} = g_1$$

Следующий этап — вычисление коэффициента качества рекламного текста с точки зрения потребителей:

$$K_{кп} = \frac{(a \times 1 + b \times 0,8 + c \times 0,8 + d \times 0,7 + e \times 0,7 + f \times 1)}{30}$$

$$K_{кп} = g_2$$

На последнем этапе вычисляется индекс эффективности рекламного текста:

$$И_{эт} = \frac{(K_{кэ} (g_1) + K_{кп} (g_2))}{2}$$

$$И_{эт} = g_3$$

Проведенное нами исследование показало, что рекламный текст, имеющий индекс эффективности не ниже 0,4, можно считать эффективным, поскольку респонденты не затруднились в декодировании информации поликодовой природы, грамотно «считав» смысл коммуникативного послания автора. Кроме того, рекламный текст с таким индексом эффективности запоминается адресатом, а следовательно, при подходящих обстоятельствах потребитель может

извлечь из памяти нужную информацию, которая, в идеале, окажет влияние на решение о покупке.

Список литературы:

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 286 с.
2. Борисова Е. Г. Перлокутивная лингвистика и ее преподавание студентам-филологам // Вестник Московского университета. — Сер.9. Филология. — 2001. — № 1. — С. 115—133.
3. Василевич А. П., Леденева С. Н. Оценка характеристик рекламного текста, связанных с эффективностью его восприятия // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — 2005. — Т. 64. — № 2. — С. 47—56.
4. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: учебник. — М.: Издательство «Экономистъ», 2008. — 532 с.
5. Голдобин Н. Д. Практикум по маркетингу: Учебно-методическое пособие. — Ярославль: Изд-во Ремдер, 2003. — 213 с.
6. Кутлалиев А., Попов А. Эффективность рекламы. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 325 с.
7. Мышкина Н. Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Уфа, 1999. — 52 с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. XVII. — С. 22—130.
9. Росситер Дж. Р., Перси Л. Реклама и продвижение товаров. — СПб.: Питер, 2000. — 268 с.
10. Феофанов О. А. Реклама: Новые технологии. — СПб.: Издательство «Роза мира», 2000. — 198 с.
11. Фещенко Л. Г. Структура рекламного текста: Учебно-практическое пособие. — СПб.: Петербургский институт печати, 2003. — 232 с.
12. Эко У. Отсутствующие структуры. Введение в семиологию. — М.: Прогресс, 1998. — 332 с.

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ,
ФИЛОЛОГИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

18 января 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.01.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,875. Тираж 550 экз.

Издательство «ЭКОР-книга»
630004, г. Новосибирск, ул. Вокзальная магистраль, 8б
E-mail: ecor@ecor-kniga.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28